

"Дом, где исполняются мечты"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Татьяна Алюшина

Дом, где исполняются мечты

— Эй, пассажир! — позвал громко водитель такси, посмотрев на него в зеркало заднего обзора.

— Я не сплю, — заверил Игнат, сел ровно, потер сильно ладонями лицо, пытаясь содрать корку усталости, сковавшую мышцы, и распорядился: — Включите свет.

Его разморило как-то сразу, как только он устроился на заднем сиденье и откинул голову на подголовник. От тепла в салоне, мерного движения машины накатила дремота, и пришлось прикладывать усилия, чтобы не заснуть окончательно и контролировать ситуацию, ну, не ситуацию в целом, а хотя бы где и как они едут.

Стрельцов достал из портфеля записную книжку, нашел нужную страничку, прочитал адрес, наклонившись влево, к соседнему сиденью, посмотрел в окно, сверяя написанное со светящейся табличкой на углу дома, — все верно.

Расплатившись с таксистом, вытащил свое уставшее тело из машины, мимолетно поймав себя на том, что постанывает, как старик. Повесил ноутбук на плечо и, находясь в прострации, нечто вроде защитной реакции организма на переутомление, чуть было в салоне портфель не оставил, вспомнил о нем, когда дверцу закрывал, и увидел его, позабытый, на сиденье.

Подмораживало так, по-хорошему.

Его пробрало. Хоть Игнат довольно тепло был одет, но далеко не для пеших прогулок по морозцу. Вообще-то хорошо, в голове от холода немного просветлело, он даже шапку снял, бодрости поднабрать.

Стрельцов поднес руку к домофону, но тут, неприятно, пронзительно запищав предупреждающим об отпирании сигналом, открылась подъездная дверь, выпуская парня с девушкой.

— Здравствуйте, — кивнула девушка.

— Здравствуйте, — пожелал того же в ответ Игнат.

Парень обмен любезным здорованием не поддержал, осмотрев внимательным, несколько настороженным взглядом незнакомца с ног до головы. По всей видимости, результатом осмотра и оценкой стоимости его вещевой упакованности остался удовлетворен, поскольку сделал шаг в сторону, пропуская Игната в подъезд.

Оно и понятно, народ нынче в Москве пуганый и поэтому бдительный — мало ли кого принесло ночью темной в их дом. О том, что любой проходимец и преступник может выглядеть очень даже респектабельно и богато, мальчонке, похоже, никто не объяснил.

Да как бы и бог с ним.

Поднявшись по лестнице на третий этаж не снабженного лифтом старинного дома, Игнат помедлил перед нужной дверью, прежде чем нажать кнопку звонка.

Полпервого ночи. На минуточку!

Нормальные люди спят праведным сном перед завтрашним рабочим днем. И то, что Игнат

перебудит незнакомых людей, благодушие и расположение к его персоне вряд ли вызовет, какие бы форс-мажоры и обстоятельства незваного гостя к этому ни сподвигли.

М-да! Обстоятельства, прямо скажем....

Он нажал кнопку звонка, отозвавшегося еле слышными переливами в квартире. Вполне себе такая солидная дверь лишних звуков не пропускала, Стрельцов, по крайней мере, не слышал никакого движения по ту сторону.

Где-то через минуту ожидания, когда собрался уж было позвонить еще раз, он непонятным образом не то ощутил, не то понял как-то, что его рассматривают в глазок, и даже отступил немного назад, для лучшего обзора наблюдающему.

Прогрохотав канонадой в непуганой ночной тишине подъезда, «ворота цитадели» отворились, представив его взору маленькую, стройную в целом и плотненькую в правильных местах девушку, в домашнем бархатном, а-ля спортивном костюмчике, с затянутыми в высокий конский хвост длинными темными волосами, с непокорной челкой, падавшей ей на глаза. Рассмотреть что-то более детально в тусклом свете лампочки на лестничной площадке и небольшого бра, включенного в прихожей, не представлялось возможным.

Впрочем, какая разница, как она там выглядит! Главное — открыла! Считай, первая удача за весь этот растреклятый бесконечный день!

Улыбнуться доброжелательно или еще как-то у Игната не получилось, хотя он честно попытался, все помня про «потревожить среди ночи», но от усталости запредельной мышцы лица баловаться мимикой отказывались напрочь.

Он собрался представиться, минуя предысторию «улыбающимся лицом», но девушка не дала ему такой возможности, перехватив инициативу:

— Предупреждаю! Если вы какой лихой человек или тать ночной, я напушу на вас Степана Ивановича! Мало не покажется! — совсем не страшно пуганула она.

— А кто у нас Степан Иванович? — поинтересовался расстановкой сил Стрельцов.

— Боевой хряк! — без какой-либо тени, намекающей на шутку, на полном серьезе заявила она.

Так! Спрашивать нельзя! Это совершенно очевидно! Но от переутомления, что ли, или что там ему сопутствует? Стресса? Ну вот, от них самых, и находясь к тому же в легкой стадии обалдения, он спросил:

— Вы держите дома кабана?

Девушка порассматривала его немного и с видом человека, смирившегося со своей участью, утвердила:

— Да! — и даже головой покачала, подтверждая тяжесть данного обстоятельства.

Так! И куда он попал?!

Стрельцов отступил на шаг и посмотрел на номер двери, проверяя верность адресности своего попадания. Номер квартиры весело посверкивал золотистыми бочками выпуклых циферок, уверяя в правильности адреса. Игнат перевел взгляд на девушку, безмятежно наблюдавшую за

его изысканиями и ожидавшую пояснений по поводу появления незнакомца в столь поздний час.

— Не надо Степана Ивановича, — строго, по-начальственному уверил Игнат. — Можно Ангелину Павловну?

— Нельзя, — как-то даже сочувственно ответила барышня, — она уже ангажирована другим мужчиной.

Да что здесь происходит?! Что за нелепый разговор?! У этой девицы с головой, что ли, не все в порядке?

Он разозлился влет, сурово, по-мужски, оттого и перешел на неприязненный, совсем уж начальственный тон:

— Послушайте! Я разыскиваю Дмитрия Николаевича Стрельцова, и для этого имеется веская причина! Его телефон не отвечает...

— Не кричите, — перебила его пылкую назидательность девица, не повысив голоса и не украсив его эмоциями, — вы разбудите всех домашних, и Степана Ивановича в том числе.

— Да, — переведя дыхание, согласился Игнат, как с дельным предложением подчиненного, и, чуть сбавив напор, представился, поспешив закончить непонятный ему балаган: — Меня зовут Игнат Дмитриевич Стрельцов, я разыскиваю своего отца...

— Проходите, — вновь перебила его девушка, отошла в сторону и сделала приглашающий жест.

Стрельцов шагнул через порог, еще до конца не осознав, что его впустили, и не очень понимая, что же дальше: Степан Иванович-то будет?

Она закрыла за ним дверь, заперла замок, повернулась и, поражая гостеприимством, сменившим предупредительно-пугающие выступления, предложила:

— Раздевайтесь и проходите на кухню.

Резко наклонилась, пошарила в ящике гарнитура, извлекла солидные мужские тапки, поставила перед ним и распрямилась.

— Это вашего батюшки, — пояснила персонификацию обуви. — Вам подойдут?

Он кивнул — подойдут, мол, еще как. После непоняток у дверей, кратковременной вспышки раздражения и совсем не плавного перехода к дружескому приглашению крохи оставшихся сил, выдавливаемые из организма исключительно силой воли, быстренько покинули Стрельцова, и он почувствовал такую гигантскую усталость, что даже говорить не мог.

А вот этого нельзя! Нельзя расслабляться! Еще придется ехать куда-то, бежать, искать...

Предупреждая его вопросы, девушка указала рукой на пуфик, предлагая этим жестом пристроить на него ноутбук с портфелем, забрала из рук шапку и шарф, достала из стенового встроенного шкафа вешалку-плечики, ожидая, когда Игнат снимет пальто.

Очень мило! Сначала «Степана Ивановича напушу», а теперь ухаживает, как за гостем дорогим.

В молчании происходил ритуал внедрения Стрельцова в незнакомую квартиру. Черт его знает, может, действительно девушка боялась потревожить боевого хряка, отдохавшего от трудностей защиты территории. Не нарушая утвердившегося молчания, хозяйка жестом указала направление дальнейшего следования, заявленного ею ранее, — в кухню, в дверь которой упирался длинный широкий коридор.

Перегруженный мозг Стрельцова на мелочи типа рассматривания деталей обстановки не разменивался — мужчина вошел в кухню и всем организмом замученным прочувствовал: уютно, домашне, тепло и просторно — хо-ро-шо!

— Присаживайтесь, Игнат Дмитриевич, — предложила хозяйка и поспешила собрать разложенные на большом круглом столе, стоявшем возле дивана, какие-то листки с рисунками, чертежи, документы, канцелярские мелочи, захлопнула крышку ноутбука и все это переложила на маленький столик у окна.

Работала явно, пока он не помешал ей своим полуночным появлением.

У него сил не наскребалось даже на раскаяние мало-мальское, а уж про ощущение неловкости и говорить нечего! Ему сейчас все было ловко в достижении главной цели.

— Чаю хотите? — спросила девушка.

Чаю он хотел. Черного, горячего, с сахаром и лимоном. Большую кружку. И пить обжигаясь.

— Можно умыться? — спросил Игнат.

Она кивнула и проводила его в ванную комнату, достала там из шкафчика чистое полотенце, протянула Стрельцову и вышла, осторожно-тихо притворив за собой дверь.

Стрельцов снял пиджак, галстук, расстегнул воротник рубашки, закатал рукава и просто сунул голову под струю воды — сначала горячую, потом холодную.

Надо же хоть что-то соображать! Еще неизвестно, куда придется дальше двигаться по ночной морозной Москве, какие действия предпринимать!

А ведь придется! Твою мать!

Галстук он не стал надевать, сунул в карман брюк, и рукава застегивать не стал, вытер волосы насухо, вымыл руки, сунул пиджак под мышку и двинулся назад, в предложенную для ночной аудиенции кухню.

Там его уже ждал чай, и именно такой, как Стрельцову хотелось, — горячий, черный, в большой кружке! Господи, как хорошо-то! Кстати, девушка, утверждавшая, что держит дома кабана, тоже его ждала.

— Садитесь, Игнат Дмитриевич, — улыбнулась она, указав рукой на диван.

Видимо, указующие жесты руками — её излюбленная манера общения с миром, как у Ленина указание направления движения социалистической революции — типа: вперед!

О как! Подивился самому себе Стрельцов, восторженно, значит, разум ворчанием и легкой иронией. Что в данных обстоятельствах есть большое достижение.

— Меня зовут Инга, — представилась хозяйка. — Я дочь Ангелины Павловны. Ну, вы наверняка

это знаете.

Она поставила на стол возле чашки с чаем, которую Стрельцов обнял двумя ладонями сразу, как сел, словно блокадник согревающийся, тарелочку с порезанным лимоном, сахарницу и вазочку с сушками-конфетками и озабоченно поинтересовалась:

— Игнат Дмитриевич, вы есть хотите?

— Не знаю, — честно признался он и заторопился с вопросами, словно боялся, что его сейчас прогонят от тепла, уюта и горячего чая: — Инга, а где отец?

— Они с мамой в Египте отдыхают. И пользуются там другой, туристической, симкой, поэтому до них и не дозвониться по прежним номерам. — Девушка села за стол напротив него и дала более расширенное пояснение: — Они затеяли ремонт в квартире, пожили с нами пару недель и решили уехать покурортничать.

— Про ремонт я знаю, — кивнул Стрельцов, размешивая сахар.

Сделал первый, обжигающий, большой глоток и аж зажмурился от удовольствия, помолчал немного, пока смаковал эту малую радость.

— Я разговаривал с его соседкой, она про ремонт объяснила.

— Ах да, Анна Ивановна, — улыбнулась Инга, — мы подозреваем, что она чекистка в отставке. За всеми следит, сведения собирает, расспрашивает с пристрастием.

— Да уж, — улыбнулся ответно, впервые за весь растянувшийся более чем на сутки день Стрельцов. — Меня она тоже допросу подвергла. Кстати, так каждый раз, когда я к отцу приезжаю. И телефоны ваши не дала, как ни уговаривал.

Чай был хорош, крепко-терпкий, и успокаивал горячестью пустоту в желудке. Игнат почувствовал, как его расслабляет, затягивая, это тепло внутри. Он тряхнул головой, потер веки пальцами, пытаясь взбодриться, чтобы не вырубиться прямо здесь.

— У меня дочь пропала, — признался он Инге, потирая и потирая веки. — Сбежала от матери, оставила дурацкую записку, что уехала к деду в Москву, телефон отключила.

— Нашлась ваша беглянка, — опять улыбнулась Инга, — спит в гостевой комнате.

— Она здесь? У вас? — не поверил до конца Стрельцов.

— Да, здесь. За час до вас приехала, — подтвердила Инга, для убедительности качнув головой, — умная девочка. Прodelала тот же маршрут, что и вы. Не найдя никого в квартире деда, поехала к нам. Адрес она знает, она же приезжала на их свадьбу и жила у нас здесь.

— Да, точно, — вспомнил Игнат немного растерянно. — Машка ездила тогда на свадьбу, а я в командировке в Германии был и не смог приехать. — И вдруг до него дошло окончательно. — Так она точно здесь?

— Точно, точно, — уверила Инга. — Хотите посмотреть?

— Нет, — отказался Стрельцов, подумав.

От облегчения, низвергнувшегося на него, он почувствовал, как киселем расслабились мышцы,

и в глазах аж защипало, пришлось их снова сильно потереть пальцами.

Слава тебе господи! И что? Уже не надо нестись в неизвестность? Разыскивать, в милицию обращаться? Что, не надо?

Кажется, хозяйка его о чем-то спросила? Ах да, предложила посмотреть на спящую дочь!

— Нет, — повторил он, — а то не удержусь, разбужу и такого навалю, по первое число! По хорошему выпороть бы ее надо! — Он посмотрел на Ингу и признался: — Перепугался страшно! Когда понял, что отца нет и она его не нашла, а на дворе ночь и неизвестно, куда она могла деться и что с ней.

Инга покивала понимающе, сочувственно улыбнулась и предложила принятый в таких ситуациях простейший «антистресс»:

— Может, вам коньяку выпить?

Стрельцов призадумался — коньяку оно, конечно, очень бы здорово и именно то, но еще ехать искать гостиницу, заселяться, а его развезет в момент, вот сто пудов!

От чаю, коньяка и отпустившего все силы воли облегчения.

Непроизвольно тяжело вздохнув, он уж собрался с большим сожалением отказаться, но его отвлекли странные звуки где-то в коридоре, приближающиеся к кухне, нечто напоминающее постукивание по полу. Усилившись, звуки вдруг оборвались. Игнат недоуменно уставился на дверь, которая, дернувшись пару раз, начала медленно открываться.

В образовавшуюся щель просунулось небольшое свинячье рыльце, подтолкнуло створку, и, процокав по полу копытцами, в кухне появилась пегая маленькая свинка, серого окраса с темными пятнами. Стрельцов оторопел от такого театрального появления, словно прилет инопланетян наблюдал, и даже заподозрил, как тогда, у дверей в квартиру, что от усталости и стресса он того, сдвинулся немного разумом в восприятии окружающей действительности. Или много.

— А вот и Степан Иванович собственной персоной, — представила Инга животное с особой серьезностью, прямо как директора предприятия какого при авторитете.

— Это тот самый боевой хряк? — начал выяснять Стрельцов, приходя в разум.

— А то! Зверюга, говорю вам! — сделав «страшное» лицо, уверила с воодушевлением Инга.

Кабанчик покрутил недовольно рыльцем, подошел к гостю и принялся обнюхивать его ногу.

— Кусается? — настороженно спросил господин Стрельцов

— Наверняка! — рассмеялась Инга. — Характер у него, скажем прямо, вполне свинский.

Стрельцов рассматривал «зверюгу», недовольно обнюхивающую его брючины, и подумывал о том, что засады сегодняшнего дня, пожалуй, рановато считать законченными. Свинтус, вынюхав все, что ему надо, недовольно хрюкнул и повернулся к Инге.

— Нет, Степан Иванович, — обратилась к питомцу хозяйка, — ночью никого не кормят!

Кабан хрюкнул с явным неодобрением, проделал некие движения ушами и маленьким

хвостиком, чуть повернулся тельцем в сторону Игната, словно кивнул на него.

— А это гость неожиданный, его потчует, — пояснила Инга, словно с человеком диспут вела.

Свинья хрюкнула с явным намеком на пренебрежение типа: «Да ладно, какой такой гость?»

— Важный гость, дорогой, — утвердила в ответ хозяйка. — А вам, Степан Иванович, от ночных посиделок ничего не перепадет, у вас, знаете ли, диета! Можете идти поживать далее.

Вы бы что в такой ситуации подумали? Вот-вот! Стрельцов аж взбодрился умищем, придя к выводу, что это не он того, ку-ку, а Инга несколько, скажем так, не в себе. Стрельцов даже рассматривать ее принялся, видимо, пытаясь обнаружить признаки ненормальности на лице.

Признаков не наблюдалось, ни явных, ни намекающих, но она перехватила этот его изучающий взгляд и звонко рассмеялась. Спихватилась, что громко, и прижала пальцы к губам, продолжая посмеиваться.

— Не удивляйтесь, Игнат Дмитриевич, — успокоила его сомнения она. — Степан Иванович у нас товарищ серьезный, член семьи, можно сказать, большой ее критик и блюститель нравственности. Он абсолютно все понимает и требует к себе уважительного отношения.

На лице Стрельцова отразились сильные сомнения по поводу ума Степана Ивановича и его хозяйки иже с ним. На что кабанчик шустренько развернулся всей тушкой, уставился глазами-бусинками на Игната и хрюкнул.

Вот верьте не верьте, но на его морде отразилось предупреждающее недовольство, и хрюк этот имел интонацию предупреждения перед нападением, и хвостик как-то дернулся из стороны в сторону с тем же намеком.

Боевой хряк, итить его!

— Ладно вам, Степан Иваныч, — урезонила Инга «члена семьи». — Игнат же Дмитриевич с вами не знаком, вот и выказывает сомнения в ваших свинских способностях.

И тут до Стрельцова дошло, что она просто умирает со смеху, еле сдерживается, чтобы не расхохотаться в голос, наблюдая за его реакцией и всеми эмоциями, отражающимися у него на лице.

Так! Что там? Переутомление и стресс?

— Все, Степан Иваныч, свободны! — объявила об окончании представления Инга. — Вам здесь не обломится!

Кабанчик громко хрюкнул — уж извините — пренебрежительно! Подошел к своим мисочкам возле холодильника у стены, обнюхал их, удостоверившись в постулате «не обломится», потом быстренько засеменял к двери, юркнул в щель и застучал дробно копытцами, удаляясь от кухни.

И, черт побери, весь его свинячий зад и окорочка выражали полное порицание и неодобрение ситуации, гостя этого ночного и веселящейся хозяйки!

Инга, не забывая о спящих в доме, тихонько рассмеялась, встала, закрыла за удалившимся на покой Степаном Ивановичем дверь кухни.

— А как он вошел? — спросил Игнат с неподдельным любопытством.

— С той стороны к ручке привязана веревка с деревянным шариком на конце. Он за нее дергает и открывает дверь, — вернувшись на свое место, пояснила Инга. — Раньше, когда Степан Иванович рвался на кухню, а дверь была закрыта, он устраивал такой скандал. Визжал, хрюкал, стучал копытами в дверь, ругался, в общем, не по-детски, вот Федор и придумал «ручку» для него. Вы не удивляйтесь, Игнат Дмитриевич, на самом деле эти мини-пиги невероятно умные, они абсолютно все понимают и даже разговаривают. Правда-правда! Наш, например, четко говорит «Фе-дя», «да» и «нет». Ну и мимикой морды и тушки остальное, недосказанное. Еще увидите сами, убедитесь, — старательно уверяла она.

— Уже убедился, — попытался улыбнуться Игнат.

Улыбаться получалось не очень. Хотя, надо отдать должное, ночной диалог женщины со свиньей его несколько взбодрил.

Но... к нашим баранам, куда ж без них. Чай он выпил и не заметил, как и когда, пора и...

— Так что насчет коньяка как средства от стресса? — повторила свое предложение она, резко сменив тему взаимоотношений людей и свиней.

— Я бы с удовольствием, но, увы, еще в гостиницу ехать, — развел руками с большим сожалением Стрельцов.

— Какая гостиница? — возмутилась активно-недоуменно она — Да вы что? Никуда я вас не пущу! Вы себя в зеркало видели?

— Вроде да, — растерялся несколько от неожиданного напора Стрельцов. — А что я там должен был увидеть?

— Да вы измучены вконец! — пояснила Инга. — Вы, кстати, как столь оперативно в Москве очутились? Маша говорила, что вы в командировке и еще не скоро вернетесь, поэтому она к деду и рванула.

— Я смог раньше с делами управиться, в авральном, так сказать, режиме. У нас с этим проектом все в авральном порядке. Освободился на несколько дней раньше, вот и прилетел.

— Откуда?

— Из Владивостока.

— Ничего себе! — посочувствовала горячо Инга, уточнив: — В Москву?

— Нет, — вздохнул Игнат. — В Питер. Когда получал багаж, позвонила Марина, сообщила, что Машка сбежала в Москву. Я ближайшим рейсом и полетел за ней.

— О господи! — аж всплеснула руками от сочувствия Инга. — Это ж сколько часов вы сегодня летали?

— Одиннадцать в общей сложности.

— Так! — резво поднялась она в деятельном порыве. — Вам надо поесть горячего! Обязательно!

— Не надо, Инга, — остановил он. — Есть я сейчас вряд ли смогу.

— Тогда что? Душ?

— Душ — это прекрасно, но и его я, пожалуй, не осилю, — сожалеюще вздохнул Стрельцов, на которого навалилась вся тягостность сегодняшняя, — поеду я, Инга.

И по-стариковски, с трудом принялся подниматься с дивана.

— Да куда вы не поедете, Игнат! — строго, повысив голос, отрезала она, проигнорировав «Дмитриевича». — Сейчас я вам постелю в гостиной, на диване, вас там никто не потревожит! Не засыпайте только пока, я быстро. Ладно?

— Ладно, — выдохнул Стрельцов все сразу: и напряжение, и ужасную перспективу еще куда-то ехать, двигаться, что-то предпринимать. Почувствовав облегчение, попросил: — Давайте тогда ваш коньяк.

Пока он с теми же предосторожностями, по-стариковски осторожно, стараясь не тревожить лишними движениями тело умученное, усаживался обратно на диван, Инга успела поставить перед ним на стол пузатую рюмку и початую бутылку дорогого коньяка. Посмотрела на его движения с сомнением и сама открыла и налила добрую порцию в рюмку.

— Да, еще, Игнат, — с большим сочувствием в голосе сообщила она, — Маша звонить матери отказалась, пообещала сделать это утром. Я как раз дозванивалась до Дмитрия Николаевича, чтобы узнать телефон Марины, когда появились вы. Так что вам придется самому ей звонить. — И, почти извиняясь непонятно за что, добавила: — Я пойду постелю вам.

Он кивнул, и благодаря и соглашаясь одновременно, достал из кармана сотовый, набрал Маринин номер и, слушая гудки вызова, хлопнул всю порцию коньяка.

Ему нужно было, как лекарство.

— Да! — проорала Марина.

— Я ее нашел. Не кричи, — поморщился он от резкости ее голоса и коньячной крепости, закусил ломтиком лимона, отчего скривился еще разок.

— Где она?!

— Марин, не кричи, — повысив голос, потребовал Стрельцов. — Она в порядке. Спит.

— Пусть немедленно едет домой!

— Какое домой? Час ночи! — урезонил бывшую жену Игнат. — Завтра поговорим.

— Что значит завтра?! Я тут себе места не нахожу, с ума схожу!

— Ну, так не сходи! — брызнул раздражением и сразу остыл он. — Марин, главное, она нашлась, жива, здорова, а разбор полетов отложим до завтра, — приказным тоном, с нажимом отчеканил Стрельцов. — Все. Пока!

Он с сомнением посмотрел на бутылку — нет, пожалуй, хватит допингов — спать, спать, спать!

Дальнейшее перемещение из кухни в гостиную на уютный большущий мягкий диван, под теплое пуховое одеяло, как в мечту, он запомнил с трудом, отрывочно, уже в полудреме. И упал, как умер, раздевшись в бессознании частичном, и перед глазами какое-то время все

белели облака под крылом самолета.

Этот проект, который выполнял их институт, был самым масштабным, невероятно значимым, сверхответственным и, разумеется, на супервысоком государственном уровне. Нечто уникальное, ранее никогда и никем в мире не делавшееся.

Казалось бы — красота страшная! Но замороче-е-ек! И «головняк» выше маковки!

На всех уровнях! И, разумеется, ответственность сверх всякой меры!

Так что вкалывали все: от генерального директора до последнего чертежника. Вот и Стрельцову приходилось трясти свою начальственную пятую точку, мотаясь разгрести на месте засады всякого рода.

А начальствовал Игнат Дмитриевич отделом научно-технической экспертизы, если придерживаться абсолютной точности, «Объединением отделов испытания, анализа и экспертизы материалов, природных ресурсов, изделий, конструкций, научных исследований, испытаний и экспертизы» в Институте мостостроения и дорог, находящемся в городе Санкт-Петербурге.

И нравилась Стрельцову его работа до необычайности и влюбленности редкой. Всегда нравилась, с первого курса института, становясь все интереснее, увлекательнее от проекта к проекту, по мере роста и накапливания им бесценных знаний-умений.

А тут такие масштабы! Да красотень! Конечно, и ночи не спишь, и по двенадцать, а то и шестнадцать часов в сутки вкалываешь, но ведь в радость и в жгучий интерес!

Ну, вот и с приветом — во Владик!

На месте урегулировать все, что успели напортачить подчиненные и не смогли согласовать с местным начальством и проектным отделом. Так сказать, разбираться не отходя от кассы.

Он и разбирался в режиме штурмовом: «тумаков» надавал кому следовало, голос сорвал, ругаясь с кем требовалось, улыбался губернаторствующим и выпивал «деловую» с проектниками по четырнадцатичасовому рабочему графику.

Нормально. Разрулил на этом этапе.

Отчет составил, отправил по электронной почте вместе с проверочными данными и этапными расчетами в отдел. Доложил о результатах Каюшеву, генеральному директору, принял от него похвалу, уважуху и «отсыпную» пятницу, попрощался до понедельника...

И почти весь девятичасовой полет не вылезал из ноутбука, перепроверя расчеты и показатели, пересматривая графики работ, перечитывая докладные и отчеты подчиненных.

Где-то минут за сорок до посадки захлопнул крышку ноутбука — все! Ночью накануне поспал-то не больше четырех часов, торопился дела закончить. Знал, что три дня отдыха впереди, мечтал, как приедет на свой участок на Финском заливе, где строил дом, затопит печь и пойдет гулять по местам красоты завораживающей, непередаваемой!

Стрельцов смотрел в иллюминатор на кипенно-белые, причудливо клубящиеся облака, подсвеченные садящимся за горизонт солнцем. Самолет двигался с востока на запад, и солнце

все садилось и садилось, а они, как в детской игре, все догоняли и догоняли этот растянувшийся на часы закат.

В аэропорту Стрельцова встречал Иван, его личный водитель. Игнат Дмитриевич махнул рукой, заметив его за ограждением в зоне для встречающих, подхватил с транспортной ленты багаж, и в это время позвонила Марина.

Стрельцов от досады крутанул головой — вот меньше всего сейчас, после тяжелой, измотавшей командировки и многочасового перелета, ему хотелось разобраться в чем-то там с бывшей женой.

Что разобраться — верняк!

Для иных целей она как-то не торопилась звонить. К денежному эквиваленту его внимания к дочери и себе самой у бывшей жены претензий не имелось, а даже где-то мерси за щедрость, ни попыток, ни призывов к воссоединению не наблюдалось — боже упаси! Зато существовал извечный повод для упреков, требований и поучений — дочь Мария.

Игнат долго не нажимал кнопку ответа, надеясь, что Марина отстанет. Но его бывшая настойчивая жена делать этого не собиралась и после того, как связь за «неответом абонента» прервалась автоматически, перезвонила еще раз.

Стрельцов успел выйти из багажного отделения, пожать руку Ивану, который на ходу перехватил у него чемодан, когда телефон повторил вызов бывшей жены.

— Да, Марин, — буркнул он.

— Игнат! — с ходу на высоких истерических тонах начала она. — Машка сбежала!

Он вышел из здания на улицу, вздохнул пару раз для успокоения и ровным тоном задал ставший последнее время традиционным вопрос:

— Вы опять поругались?

— Мы поругались не опять! Это у нас обычная форма общения! — возразила Марина. — Она совершенно отбилась от рук! Меня ни в грош не ставит, хамит, грубит! Вытворяет черт-те что!

— У нее переходный возраст, — миллион сто первый раз напомнил он, выступая в надоевшей до оскомины роли миротворца между женой и дочерью. — Я тебе предлагал неоднократно: пусть поживет со мной, а ты отдохнешь от ее закидонов.

— Ну да! Я, значит, плохая мать, а ты у нас прекрасный понимающий отец! — повторила она любимую присказку.

В миллион сто первый раз! Как же ему это остохренело!

— Так, все! Хватит! Давай по делу! — сурово приказал Стрельцов.

— По делу?! — аж задохнулась от возмущения бывшая жена. — Ах, по делу! Так вот, она сбежала, оставила идиотскую записку, что уехала к деду в Москву, разговаривать со мной не желает и телефон свой отключила!

— И в чем причина разногласий на этот раз? — поторапливал Стрельцов.

А Марина вдруг замолчала. Как-то странно примолкла, совсем не в свойственной ей манере.

— Марин? — призвал к затянувшемуся ответу Игнат.

— Она беременна! — сообщила мать его пятнадцатилетней дочери.

— Что-о-о?! — обалдел Стрельцов.

— Беременна. Шесть недель, — четко выговаривая слова, без истерической составляющей повторила Марина.

— Та-а-ак! — пытался осмыслить информацию Стрельцов, осмыслить получалось не очень, и он повторил: — Та-ак!

А Марина вдруг затараторила, зашпешила словами сквозь рыдания:

— Конечно, я на нее наорала, а кто бы не наорал! Ей пятнадцать! А тут! Конечно, я сказала, что мы немедленно идем к врачу и делаем аборт! А что еще?! А она как с цепи сорвалась, словно помешалась! Такого мне наговорила! Я ее дома закрыла, ключи отобрала и поехала к Елене Сергеевне, ну, к гинекологу знакомому, договариваться об аборте. А у этой засранки запасные ключи были. Возвращаюсь домой, ее нет, и записка лежит! Сейчас прочитаю. — Она зашебуршила листком, хлюпнула носом и прочитала: — «Я уехала к деду в Москву, пока не вернется отец, разговаривать с тобой не хочу, не звони, я все равно отключила телефон. И можешь не стараться, никакого аборта я делать не буду». — Закончив, Марина снова разрыдалась: — Господи, вырастила на свою голову! Что же это такое, Игнат?! Опозорила нас да еще выкаблучивается!

— Ты отцу звонила? — перебил причитания он.

— Да! — продолжала плакать Марина. — У него номер недоступен, и у жены его тоже! Может, они уехали куда! Вот где Машка?! Что с ней?! Что она одна в этой Москве делать будет? Да еще ночью!

— Все! Не плачь! — уже принял решение Стрельцов, как всегда быстро и без дальнейших сомнений. — Я ее найду!

— Ты что, в Москву полетишь? — шмыгнув носом, спросила бывшая жена растерянно.

— Нет, бля, в Воркуту! — гаркнул Стрельцов, отключился, не прощаясь, и пошел к водителю, ждавшему его тактично поодаль, не мешая разговаривать.

— Ну что, Иван, концепция поменялась! — сообщил раздосадованный начальник. — Пошли к машине!

Вытащив из портфеля несколько папок с документами, Стрельцов открыл чемодан, переложил из него в портфель дорожный несессер, пару сменного белья, легкий пуловер на всякий случай.

— Да что стряслось-то, Игнат Дмитрич? — недоумевал водитель, наблюдая за его действиями.

Иван — мужик правильный, надежный, сто раз перепроверенный службой безопасности, а как вы думали! Ведь большая часть работы Стрельцова и его подчиненных — это конфиденциальная и охраняемая информация, в каком-то смысле стратегическая.

Представьте, какими могут быть последствия, если данные научных экспертиз попадут, скажем, к конкурентам или к лоббирующим иные интересы, далеко не миролюбивые. Ну, вот то-то!

Возил Иван Стрельцова уж второй год, и душа в душу, заслужив начальственную уважку и доверие. А посему и запасную связку ключей от его, начальства то бишь, жилья.

— Ты, Иван, отвези барахло мое домой, а папки сразу в офис, — распорядился Стрельцов, застегивая портфель, — а я в Москву.

— Прямо сейчас? — ошарашенно переспросил водитель. — Это после такого перелета?

— Прямо сейчас, — подтвердил Стрельцов, позволив себе вздох тяжкий, — после такого перелета.

— Ну, смотри, Игнат Дмитрич, как знаешь, — покачал неодобрительно головой водила, захлопывая крышку багажника. — Тебе бы, по-хорошему, отоспаться, отлежаться.

— По-хорошему оно бы конечно, — согласился Игнат, хлопнул Ивана по плечу и зашагал назад в аэропорт.

Ближайшим рейсом он улетел в Москву. Все закаты Стрельцов догнал и перегнал за этот нескончаемый день. Смотрел в слепую темноту за иллюминатором, и все клокотало у него внутри, возмущением беспредельным обжигая шипением мозг!

Его девочка! Господи! Его девочка — вечно растрепанные косички, сбитые коленки, счастливая улыбка, сияющие зеленущие глазенки — фонтан энергии, радости и любви во все стороны!

— Па-по-чка! — орала она, только завидев его, и кидалась на шею обниматься-целоваться и рассказывать, захлебываясь, все-все-все самые важнющие свои девчоночьи дела!

Принцесска!

Так он ее называл в детстве. Машенька, его огромное счастье! У Стрельцова всегда что-то щемило возле сердца от любви и нежности, когда он смотрел на нее или заходил в ее комнату, когда девочки не было, и видел ее вещички, игрушки разбросанные. Его доченька!

Однажды Машка сильно заболела. Подозревали воспаление легких. Игнат перепугался страшно! До холодных судорог в прессе! Температура шкалила запредельная, чего они только не предпринимали, и приехавшая «Скорая» сбить не смогла. И он носил дочку на руках, ходил по всей квартире, укачивал, рассказывал что-то, песенки фальшиво пел, и все ходил и ходил, не спуская с рук ни на минуту.

К утру температура спала, и они так и заснули на диване вдвоем — он и Машка, оберегаемая кольцом отцовских рук. И оказалось, такой грипп тяжелый, а не воспаление.

Разумеется, она еще не раз подхватывала разные гриппы и коленки-локти вечно разбивала из-за энергии двигательной кипучей, но так тяжело, как тогда, больше не болела никогда.

Стрельцов на всю жизнь запомнил физическое чувство страха, которое испытал в ту ночь за Машку!

А потом она как-то в один момент выросла — спать ложилась еще принцесской с косичками, а утром уж барышней проснулась. И грудь у нее выросла враз, быстро, и тебе все округлости-плавности появились, и походка, и понты девичьи, и косметики-макияжи, и коротенькие, на грани отцовского инфаркта, юбочки, каблукы, и...

И такая тут шняга началась! Только держись! Понеслось подростковое аутодафе родителям! Усугубленное их с Мариной разводом.

О господи, господи! Весь набор противостояния родителей и детей! Спасибо всевышнему, без наркоты и криминала — это Стрельцов знал точно! Сам с ней разговаривал и — да прости его Машка! — просил службу безопасности по-тихому проверить. А куда деваться?! И на том отцовское спасибо, что без таких крайностей! Как сказал его отец: «И это большое счастье!»

На большое счастье необходимость терпеть все ее выкрутасы не тянула никак!

Но кто бы мог ждать беды с другой стороны? Стрельцов, как только представлял, что какой-то мужик проделывает с его девочкой, что обычно мужики проделывают, у него пелена перед глазами плыла! Как ее там в книгах называют? Кровавая? Во-во! Именно такая — бешеная!

Он все успокаивал себя, цыкал на разбушевавшееся воображение: ну, может, тот козел, которого по-хорошему придушить бы надо, и не проделывал с его девочкой ничего подобного!

И тут же взрывался возмущением беспредельным: да, а что, шесть недель беременности ей ветром надуло?!

И вновь принимался себя остужать, успокаивать: ну, может, пацан какой, ровесник, такой же неграмотный в этом деле, как и она?

И погнали заново: пацан не пацан, но занимались они именно тем, от чего дети получаются!

Так накрутил себя, что даже сердце заныло от размышлений таких. Стрельцов потер рукой грудь, успокаивая ретивое и сознание, и сердчишко.

— Вам плохо? — спросила сердобольная пожилая женщина, сидевшая рядом. — У меня есть валидол и нитроглицерин, вам дать?

— Спасибо, — поблагодарил он, — не надо.

Не скажешь, конечно, что ему хорошо, скорее ближе к хреново, но не до такой же степени. Валидол — это, пожалуй, перебор.

Ничего. Разберемся!

Главное, Машку найти!

Инга несколько раз осторожно, чтобы не потревожить Стрельцова, заглядывала в гостиную. Ночной вторженец спал, не реагируя ни на какие звуки в доме. А звуки активной утренней жизни домочадцев приглушить, несмотря на все старания, было, как говорит ее сын Федор, полный бесполезняк!

Утро доброе началось с громогласного баса сыночка.

— Мамулька, привет! — заявившись в кухню по дороге в ванную в одних труселях,

поприветствовал ее отпрыск родной пятнадцати годов.

— Не шуми, у нас гость спит, — предприняла попытку утихомирить сына Инга.

— Это Маня, что ли? Так она уже встала, вот очередь за ней в коммунальную ванную занял. Дожидаюсь! — балагурил с утренней жизнерадостностью Федька.

— Не Машка, а папаня ейный ночью прибыли, — разъяснила Инга, ловко переворачивая тонюсенький большой блин на сковородке.

Народу в их «цирковой труппе» прибавилось, следовательно, прокорму требовалось поболее, вот она и старалась дежурной кухаркой.

— Да ты че! — хохотнул Федька. — Маня офигеет!

— Почему у меня такое чувство, что сей факт не слишком ее обрадует? — поинтересовалась Инга и хлопнула Федьку по руке, потянувшейся стибрить блин с тарелки. — Сначала умываться!

— Да полно вам, маман, — продолжал радоваться жизни отпрыск, — отрок кушать хочут.

— Иди, иди, — вытолкала его из кухни «маман», — и оденься, у нас в доме барышня, неча исподним трясти, девушку конфузить!

Федька был выдворен, очередной блин ловко перекинут на тарелку, блинная исходная на сковородку, и тут из коридора донесся легкий скрип, сопровождаемый дробным постукиванием.

— Ну что, — встретила новоприбывших Инга, — тяжелая артиллерия пожаловала?

— Доброе утро, Ингуша, — въехала на инвалидном кресле в кухонное пространство бабушка, сопровождаемая верным Степаном Ивановичем.

— Что-то вы припозднились сегодня? — поинтересовалась Инга.

— Прихорашивались, — доложила бабушка. — До меня дошли слухи, что нас посетил мужчина. — И она вопросительно подняла искусно подведенную карандашом бровь.

— Да бросьте вы, Анфиса Потаповна, — усмехнулась Инга, — доносить-то некому-с было. Уж признайтесь: информация из первых рук, полученная методом подслушивания.

— Нехорошо стыдить пожилого человека, — попеняла бабушка и лихо подрулила к месту обычной своей дислокации за столом.

Управлялась она, надо заметить, с этим электрокреслом, как Шумахер со своей машиной.

— Да, я слышала прибытие ночного гостя и твое с ним общение, — призналась бабушка, добавив немного порицания для приправы. — Разговаривали вы, скажем прямо, на всю лестничную площадку.

Степан Иванович громко хрюкнул, выказав полное и категорическое неодобрение гостя незванного и общения Инги с ним. Читай: черт-те что, сплошной беспорядок в доме! Шастают всякие! И вообще, что за дела такие — завтракать пора!

— И не умничайте! — напустилась на него Инга. — Вы вообще ночью вели себя по-свински, Степан Иванович! Заявились тут с проверкой, может, чего пожрать перепадет, чуть гостя не покусали, да еще презрение выказывали!

— Хрю! — отозвался на заявку Степан Иванович с явным пренебрежением.

Что означало: «Да какое мне дело до ваших гостей! Подумаешь, ходят тут! А территорию на предмет шума непонятного проверить обязан!»

— Степан Иванович при своей ответственности, — поддержала его бабушка.

— Доброе утро! — образовалась в кухне Мария Стрельцова, свежа и бодр.

— Здравствуй, Машенька! — разулыбалась бабушка ребенку.

— Хм-хрю! — ворчнул Степан Иванович и процокал к своему «столовскому» месту, где Инга уже разложила для него на чистой — заметьте! — белоснежно чистой тряпочке опять-таки же чистые кусочки овощей.

А то! Эстет и гурман! А вы думали! Мы вам не хрюшки в загоне — манеры и гонор имеем!

— Привет, Машенька, — поздоровалась Инга. — Садись, сейчас завтракать будем.

— Давайте я помогу, — предложила девочка паинькой примерной.

Никак что-то в погоде изменилось, раз мы тут скромницей прилежной выступаем!

— Помочь ты, конечно, можешь, но сначала осмысли информацию, — предложила, усмехнувшись, Инга. — Ночью приехал твой папа. Есть предположения почему?

— Ой! — прижав ладошку к губам от испугу, отозвалась Машка и, не сводя перепуганного взгляда с Инги, села на диван. — Ку-куда приехал?

— Да вот к нам, понимаешь ли, — не порадовала Инга, — поживает сейчас в гостиной.

— А он знает? — совсем по-детски, с надеждой на отрицательный ответ, полупшепотом спросила девочка.

— Подозреваю, что да.

— Хм-хрю! — вставил свое свинячье Степан Иванович без отрыва от основного занятия.

— Ой, что же будет? — округлила глаза от предчувствия грядущего скандала и нагоняя от батюшки девица Мария.

— Ну, леденцы с неба вряд ли, — «предположила» Инга, — и по головке тоже, скорее всего, не поглядят. Но, думаю, обойдется без смертоубийства.

— Хм-хрю, хрю! (в переводе: «Еще чего!») — донесся громкий ропот из кабаньего угла.

— Инга, перестань пугать девочку! — вступилась Анфиса Потаповна.

— Кто тут кого пугает? — поинтересовался Федька, присоединяясь к компании.

Уже одетым и умытым! Слава тебе!

— Так! — утвердила распорядитель банкета. — Завтракать для начала!

— А для продолжения? — уточнил повестку дня отрок родной. — Машк, у тебя какие планы?

Как выяснилось, у Марии планы имелись в количестве одного, но весьма конкретного пункта: улепетнуть куда-нибудь побыстрее от отцовского гнева и разборок.

— Побег не одобряю, — возразила Инга, — лучше сразу поговорить, обсудить проблему, а не мучиться ожиданием наказания.

— Я лучше помучаюсь, тетя Инг, а! — заняла Машка. — Пусть он выспится, отдохнет! Он ведь, знаете, из самого Владивостока летел!

— Вот именно, и с пересадкой в Питере, — подтвердила тетя Инга.

— Ну во-о-от! Ну, Инга Валерьевна, ну, давайте я где-нибудь погуляю, а вы его тут успокоите, уговорите не очень расстраиваться, вы же умеете так делать! А потом уж и я.

— Дитя, а ты уверена, что твои проблемы должны решать все взрослые вокруг? — предприняла попытку воспитательного наставления Инга.

— Не уверена, но очень хочется! — хныкала Машка.

— Хрю! — что-то там не одобрил Степан Иванович.

— Ладно, Ингуша, — вступила в сговор с несовершеннолетней Анфиса Потаповна, — чем девочке здесь сидеть и ждать, когда он проснется, пусть лучше погуляет. А там, глядишь, и на самом деле Игнат Дмитриевич поостынет и пенять с суровой строгостью не станет.

— Это что, бунт в детском саду? — возмутилась Инга. — А воспитательница у нас идейный вдохновитель?

— Ма, да ладно тебе, — вмешался Федька. — Давай мы с Машкой слиняем, она от папеньки, а я от школы.

— Откололся и примкнул к оппозиции? — вопрошала маман сына.

— Да-мхр! — высказался Степан Иванович. Кстати, он на самом деле умел говорить «да», «нет» и «Федя».

— О боже! — театрально возроптала Инга. — Даже свиньи выступать начали! Что будет со страной?! Ладно, ешьте быстро и валите, пока я не передумала!

— У-ра, — с серьезным выражением лица заявил Федор.

— Ура? — недоуменно переспросила у него Машка.

— Оно, — подтвердил предыдущий оратор.

— Ша-пи-то! — подвела итог, вздохнув, Инга.

Инга проводила детей, бабушка со Степаном Ивановичем удалились в ее комнату смотреть любимый сериал. Один из любимых, спасибо киноиндустрии за неумность в показе данной продукции, — верное средство занять старушек язвительных с питомцами. И, кстати, да, Степан Иванович со всей серьезностью смотрел телевидение и комментировал хрюканьем, составляя Фенечке компанию в живом обсуждении происходящего на экране.

Инга приготовила обед и принялась за работу. Она часто делала работу дома, ту ее этапную составляющую, когда требовалось на бумаге и в компьютере прикинуть проект, цветочную гамму, подборку растений и набросать приблизительную смету. Дома спокойнее думалось и творилось.

Заказ, над которым она сейчас работала, — один из самых масштабных, интересный предоставленной возможностью полного творческого разгуляева.

Но Инга что-то никак не могла сосредоточиться. Вот не шел у нее из головы гость неожиданный, полуночный, мирно спавший в ее гостиной мертвым сном, не реагируя ни на какие звуки.

Игнат Дмитриевич Стрельцов.

Когда она разглядывала его в дверной глазок, то смутно догадывалась, что пожаловал обеспокоенный папаша Марии Стрельцовой. Но вроде бы считается, мы в командировке далекой, все в делах-заботах и никак не можем образоваться у дверей московской родни, поэтому догадки Инги имели характер мало возможных предположений.

Родней, далекой и номинальной, они стали чуть больше года назад, когда Дмитрий Николаевич Стрельцов женился на ее маме, Ангелине Павловне. Со стороны жениха на свадьбу приезжала только Маша. Бывшая невестка Дмитрия Николаевича категорически отказалась принимать участие «в этом идиотизме», но дочь, правда,пустила. А сынок Игнат в тот момент находился в командировке, поэтому только телеграмму поздравительную прислал и посылку с подарком.

Дмитрий Николаевич с мамой за этот год несколько раз ездили к нему в гости в Питер, да и сам Игнат Дмитриевич пару-тройку раз навещался по делам рабочим в Москву, но как-то так получилось, что ни с Ингой, ни с остальными членами семьи он ни разу не встречался.

Ну, бывает. Да и чего, спрашивается, им рваться знакомиться и родственные связи налаживать? Ну вот и не рвались.

Инга открыла дверь, далеко не уверенная, что он и есть неуловимый сынок Дмитрия Николаевича, поэтому и поспешила предупредить о возможных «атаках» недовольного кабанчика.

Он смотрел на нее, как на душевнобольную с гранатометом в руках, — настороженно-недоуменно — и даже вспылил от досады. Это ей показалось в первый момент, что от досады, но когда Инга пригласила гостя в дом и присмотрелась к нему повнимательнее, то поняла, что от какой-то уж совсем зверской усталости.

Выглядел он окончательно замученным: вокруг глаз залегли землистые тени, проклюнувшаяся щетина тоже красочности лицу не придавала, щеки чуть ввалились, глаза покраснели, он все щурился, как делает запредельно уставший человек, стараясь собраться, не расслабляться и сфокусировать внимание.

Стрельцов ей понравился сразу. И очень.

Так странно! На мужчин последние годы у Инги реакция была нулевая, ну практически нулевая, интерес теплой водицы иногда проклеывался через обертку осторожности и занятости работой и семьей, но дальше одной-двух встреч разговорных в кафе не распространялся. А тут, нате вам: только увидела — и понравился во всех правильных значениях!

Хотя вроде бы обычный мужик, ничем особо не выдающийся: среднего роста, худошавый, подтянутый, хорошая стрижка, чуть подернутые сединой виски, внимательные карие глаза, правильные черты лица, волевой твердый подбородок — да, приятная, можно сказать, интересная мужская внешность.

Но что-то ведь торкнуло ее, а? Нечто сверх мужской внешности?

Сидит вот над эскизом, задумавшись барышенькой романтической, вместо того чтобы работать.

А ведь, может, он характера препротивного и привычек скверных? Которые вчера от усталости и навалившихся проблем не выказал?

Да ладно! Характер! Нормальный у него характер серьезного ответственного мужика, чего выдумывать и глупости накручивать! Да и батенька его не жаловался, только похваливал с гордостью. И примчался за доченькой, задвинув все дела свои и усталость.

А проблемы у мужика — ой-ой-ой! Тайная ежедневная молитва родителей всех подростков, чтобы пронесло стороной от проблем-то таких!

Инга вздохнула старушечкой, подперла кулачком подбородок, облокотившись на стол, посмотрела в оконце.

«Надо же, а? — недоумевала, поражаясь самой себе. — Мужик как мужик, ну интересный, привлекательный, есть в нем что-то... Фиг знает, но пробрало меня по полной программе! Никогда так не пробирало, а вот же, сподобило! Ну и что? Полюбовалась — и задвинь подальше, тем более что заморочен он дочерним «подарочком». Да и о чем ты, Инга Валерьевна?! Понравился! И ничего подобного, так нет же, сижу вот, думаю, вместо того чтобы делом заниматься! Идиотизм!»

Она услышала движение за дверью и поняла, что объект ее странных размышлений и чувств-с непонятных пробудился ото сна и бродит по коридору, как призрак коммунизма по Европе.

Встрепенулась было выйти навстречу и передумала, сам дорогу найдет. Квартирка у них хоть и далеко не маленькая, но не Зимний же дворец, в конце концов!

И назло себе, в виде «ответа Чемберлену» своим растревожившим мыслям, чувствам непонятным и удивлению, уткнулась в эскиз — давай, работай, озабоченная ты моя!

Ха! Ха! Ха! Три раза — работай!

Игнат никак не мог проснуться.

Некое странное состояние, когда частью сознания понимаешь, что уже проснулся, и начинаешь осознавать себя в действительности, но никак не можешь открыть глаза и все плаваешь между реальностью и остатками досматриваемого сна.

Полусон, полуявь, полуподремывание — приятное безвременье.

Он перевернулся с бока на спину, и затягивающее сновидение улепетнуло, уступив место реальности проистекающей. Стрельцов открыл глаза и не сразу сообразил, где находится. Не дома. Точно.

Потолки высоченные, диван незнакомый, запахи иные. Приятные, умиротворяющие, но иные.

И вспомнил. Сел на диване и осмотрелся.

Большая, светлая, очень уютная комната: у дивана длинный невысокий столик со стеклянной столешницей, два объемных пухлых кресла, плазма над декоративным камином, старинные стильные застекленные книжные шкафы под потолок.

Дальше рассматривать детали интерьера он не стал, поднялся резким движением, оперативно оделся, проигнорировав пиджак с галстуком, сложил стопочкой постельные принадлежности и пошел искать обитателей данной жилплощади и дочь свою Машу среди них.

Выйдя из комнаты, Стрельцов несколько подрастерялся в широком длинном коридоре. Что-то типа: направо пойдешь... налево пойдешь, хоть «ау!» кричи.

Кричать Игнат Дмитриевич не стал, а предпринял любимую русскую разведтактику, а именно метод научного тыка.

За третьей по счету открытой им дверью обнаружился туалет.

Святое. И главное, насущное. Воспользовался.

За четвертой — ванная комната. Ну, это после выяснения обстановки в целом. Погодим.

А вот за пятой дверью с деревянным шариком, привязанным к ручке, оказалась кухня с хозяйкой внутри.

— Здравствуйте, Игнат! — приветливо поздоровалась она.

Как и накануне ночью, когда он был допущен в чертоги, большой обеденный стол оказался завален ватманами разного формата, листками, линейками-карандашами, там же стоял открытый ноутбук.

— Здравствуйте, Инга, — отвечив, как и полагается, Стрельцов и покаялся: — Я снова отвлек вас от работы. Извините.

— Ничего страшного, — уверила она, поднялась и начала быстро собирать со стола вещи.

— А где Маша? — поинтересовался отец местонахождением дочери блудной.

— Сбежала, — оповестила Инга и поспешила успокоить: — Не пугайтесь, не в глобальном смысле. Пока только от вашего выговора, на несколько часов, имея тайную надежду, что каким-то чудесным образом вы успокоитесь и ругать сильно не станете.

— И куда она сбежала? — засунув руки в карманы брюк, качнувшись с пяток на носки и обратно, автоматически переключился на начальника господин Стрельцов.

— В торговый центр, — улыбнулась понимающе Инга. — В сопровождении сачкующего по

этому поводу от школы кавалера, а именно моего сына Федора. Программа следующая: кино, кафе, гуляние с периодическим прозвоном и проверкой по телефону меры вашего гнева.

— А вы им потворствуете! — недовольно пророкотал господин начальствующий.

— Большинством голосов они этот спор выиграли, — пожала плечами Инга и неожиданно «соскочила» с темы. — Хотите в душ?

Стрельцов посмотрел на нее, подивившись себе, отчитывающему ее как подчиненную нерадивую, и испытал нечто отдаленно похожее на раскаяние, приведшее к смиренному вздоху.

— Хочу.

— Там в шкафчике, в ванной, найдете чистое полотенце, — сопроводила предложение Инга. — Обедать будете?

— Обедать? — не понял Стрельцов игнорирование завтрака после сна. — А сколько времени?

— Три часа или чуть более того, — улыбнулась с намеком на сарказм хозяйка.

— Тогда буду, — согласился Игнат Дмитриевич с хорошим предложением и, слава богу, не забыл смягчить все свои подтексты на претензии. — Извините, Инга, за неудобства, доставленные вам нами с дочерью.

— Я лучше ответным визитом с сыном Федором бабахну, он давно хочет Питер посмотреть основательно, — двинула встречное предложение Инга.

— Все, обещали! — строго закрепил решение Стрельцов, не выпадая из роли вожака, и вышел из кухни.

Душ — это хорошая вещь!

Распариться-помыться, и побриться, и немного релакса, правда, без песен и долго не намоешься — все-таки в гостях, да и к обеду зван!

«Рубашку, конечно, следовало бы свежую», — недовольно скривясь, подумал Игнат, одеваясь.

Но в данных обстоятельствах и за то, что есть, великое мерси!

И, довольный бодростью чистой отмытости и побритости, двинулся из ванной в кухню.

Пахло там! Организм отреагировал громким звуковым голодным спазмом в желудке, изойдясь слюной предчувствия.

— Какие ароматы! — не удержал Стрельцов призыва желудочно-душевного.

— Садитесь, Игнат, — распорядилась Инга, накрывая на стол. — Вы ведь, наверное, сутки не ели?

— А кто его знает, может, и сутки, — согласился он, усаживаясь на диван у стола.

Ну что в этот день Игнату Дмитриевичу бог послал? Свежего, еще теплого бородинского хлеба, борща наваристого, соленья-маренья, овощной салат, отбивные из белого куриного мяса в

панировке — и все отменного вкуса и великолепного исполнения.

Дары щедрые, неожиданные, никак господь расщедрился за все вчерашние мучения. Баловал.

— Инга! — с трудом взяв малую паузу между жеванием, выказал искренний восторг Стрельцов. — Я даже выразить в полной мере свое восхищение не могу! Не оторваться, до чего вкусно!

— Спасибо, — приняла хвалу своей кулинарии хозяйка.

Первый суровый голод, утоленный самым благостным образом, позволил Стрельцову вступить в застольную беседу:

— А где остальные члены вашей семьи? Я знаю, вы с бабушкой живете.

— С бабушкой, — кивнула, улыбаясь, Инга, — Анфисой Потаповной, и, разумеется, со Степаном Ивановичем. А маман съехала к вашему папе, подальше от злой иронии маркизы.

— А кто у нас маркиза? — спросил Стрельцов, дав себе по-быстрому установку ничему не удивляться.

После знакомства-то со Степаном Ивановичем чему уж теперь!

— Анфиса Потаповна, она же Фенечка, — ответствовала, не переставая улыбаться, Инга, — она же маркиза, прозванная так за тяготение к манерам недобитого дворянства и живость ироничного склада ума.

— И где она сейчас?

— Они со Степаном Ивановичем смотрят сериал, — спокойненько пояснила Инга.

Стрельцову пришлось оперативно напомнить себе ранее данную установку ничему не удивляться. Подумаешь, свиньи телевизор смотрят! В цирке и обезьяны курят! У него в кармане брюк завибрировал телефон, закрепив вызов мелодией, спасая Игната Дмитриевича от рассуждений о способностях и возможностях братьев наших меньших.

— Извините, — соблюл этикет он и ответил: — Да!

— Я звоню тебе уже десятый раз! — атаковала Марина в свойственной ей манере. — Почему ты не отвечаешь?!

Стрельцов бросил быстрый взгляд на Ингу, но вставать и выходить из кухни, унося разговор в область тет-а-тета, не стал.

— Здравствуй, Марина, — попытался остудить ее кипение холодностью тона он.

Не-а! Это не канаает, когда Марина в праведном негодовании! Только радикально-действенные меры, например отключение телефона, на крайняк скотч на рот или кляп.

— Что у вас там происходит?! Четвертый час, а ты не соизволил позвонить и сам не отвечаешь! У Машки телефон так и выключен! Ты с ней поговорил?!

— Пока нет.

— Что значит нет?! Вы вообще где?!

— Еще в Москве, — и повысил голос до требовательного: — Прекрати кричать!

— Как в Москве?! — проигнорировала его требование Марина. — Пусть она немедленно едет домой!

— Значит, так! Если ты не прекратишь разговаривать со мной в подобном тоне, я больше отвечать на твои звонки не стану! — хладнокровно пугнул бывшую жену Стрельцов.

На этот раз она его услышала и прониклась серьезностью предупреждения.

— Игнат, отправь ее домой! — без прежней истерии и воплей, но с требованием обязательного исполнения произнесла она.

— Марин, успокойся. Мы с ней поговорим, я все решу и позвоню тебе, — пообещал Стрельцов.

Она еще что-то говорила, высказывала претензии. Игнат не стал слушать, отключился, убрал телефон в карман, посмотрел на молчавшую Ингу и попытался что-то объяснить:

— Это Машина мама. Она очень волнуется.

— Правильно, — пожала плечами Инга, усилив свое утверждение жестом. — Это нормально.

Стрельцов вздохнул несколько смиренно перед житейской жалобой:

— Мы развелись четыре года назад. Вроде бы тихо-мирно и по обоюдному желанию. А где-то года через два Машку будто подменили, словно в ребенка черт какой вселился, и началось такое подростковое! Только держись! С матерью они живут в состоянии перманентного скандала — крик до потолка, репрессивные меры со стороны Марины, ультимативные выступления от Машки. А я в этом бою без правил совсем в невыгодной роли. Они переругаются, Машка ко мне сбегает жаловаться на мать. Я становлюсь на сторону Марины, ведь она права и в своих требованиях к дочери, и в запретах. Тогда Машка скандалить начинает со мной, а Марина ревнует ее и обвиняет меня, что я дочери во всем потакаю, якобы таким образом зарабатывая больше любви и преданности Машкиной. И ведь ничего не объяснить ни той, ни другой, обе точно не слышат ни слов, ни аргументов, каждая настаивает на своей правоте. Машка бунтует, красится и одевается, как работница панели, зависает с непонятной полукриминальной компанией не то рокеров, не то панк-металлистов, — он махнул безнадежно рукой, будто говорил об измучившей хронической неизлечимой болезни. — Чего только не происходило за эти два года! И из ментовки я ее забирал, и из квартиры какого-то отморозка, пьяную вдрызг, хорошо хоть последней крупницей сознания додумалась мне позвонить! Учится она хорошо, но с учителями в школе постоянные скандалы, разборки. И пирсинг дурацкий сделала, и, разумеется, курить пробовала, и пиво-водку. Одно знаю точно, что никакой наркоты, секса дурного и в криминал не влезла!

— Да ладно вам, Игнат! — двинула встречную примирительную речь Инга. — В пятнадцать лет они все максималисты, экстремисты безбашенные, уверенные, что все знают гораздо лучше любых взрослых. Вы себя разве не помните в том возрасте?

— Да ничего такого у меня не было! — весь в своей нелегкой проблеме, негодовал Стрельцов. — Я с интересом учился, занимался спортом и ходил на курсы при институте углубленного изучения физики-химии. У меня времени на сон и отдых не хватало, родителей видел раз в неделю, в воскресенье, и то пару часов, не больше. Какое там бунтарство

подростковое и переходный возраст!

— Значит, вы единичный выходец из рядов! — оппонировала его горячности с усмешкой Инга. — А у меня все по полной программе вселенского «фи» взрослым, уничтожение родительского авторитета, революция малолетних. И на все митинги девяносто первого с пацанами ходила, и в рок-клубы запретные на ночные концерты, и пиво-водочку пробовала! А видели бы вы мой «прикид» и причесочку в мои четырнадцать годков! Куртка кожаная в заклепках, из шортиков коротюсеньких ягодицы торчат, макияж «ночь вампиров», на голове начес в пятнадцать сантиметров, армейские башмаки, и «мы хотим перемен»! Мама «не догоняет», папа зашоренный коммуняка, бабушка с дедушкой — пережиток отстойный! Правительство — козлы, Ельцин — герой! Привет, Америка! Ужас! — подвела итог описанию она.

— И долго вы этим страдали? — живо поинтересовался Стрельцов, словно допытывался о новом средстве от неизлечимой болезни.

Он четко, как кадры кино, увидел ее в том образе, который Инга столь красочно описала. И улыбнулся про себя, представив — она же маленькая и сбитенькая такая — грудь уверенного размера, попа, бедра наливные, и на тебе — кожа-металл, ягодицы из шортиков торчат, начес-косметика! Красота, наверное, была страшная!

— До поступления в институт, — отвечала «страшная красота», не подозревавшая о богатстве воображения мужчины. — Там совсем иные интересы обнаружились. И как-то сам собой отсох этот перебор антагонистский.

— Ну вот, видите, прошло же! И без последствий. Как я понимаю, пить-курить вы не стали и в институт поступили!

— И у нее пройдет, — старательно уверила Инга. — У всех проходит.

— Да что у нее пройдет! — повысил голос обеспокоенный отец, скривясь от досады. — Добунтовалась уже!

— Вы имеете в виду ее беременность? — тихонько так спросила Инга.

— Она вам что, сказала? — поразился Стрельцов.

— Да уж, — усмехнулась Инга. — Это было одно из первых трех сообщений, которые огласила Мария Игнатьевна по прибытии.

Инга занималась ежевечерним ритуалом под названием «Федя, спать!». Традиционно растянувшимся на час приказно-просительным напоминанием сыну отлепиться от компа, умыться и в отбой, его обещаниями «сейчас, уже-уже» и премиленьким «ну, ма-а-ам!».

Дискуссию прервал звонок в дверь. Инга пошла открывать, шлейфом за ней в прихожую потянулись остальные любопытствующие: выскочил Федька из своей комнаты, позабыв про доигрывание, Степан Иванович быстренько процокал копытцами, не теряя бдительности, Фенечка прикатила на кресле, жужжа моторчиком.

На пороге обнаружилась внучка Дмитрия Павловича, Маша. За год, с их последней встречи, увеличившаяся в груди на размерчик, подросшая, но такая же стройненькая в остальных тельных местах.

— Здравствуйте! — озарила всех улыбкой девочка.

И, переступив порог, быстро и четко отбарабанила сообщения:

— Я сбежала от мамы. Деда нигде нет, поэтому я к вам. И я беременна!

— Ну, не больная, и уже хорошо! — громкая реплика из задних рядов встречающих от Фенечки.

— Ни фиги себе! — заценил обстоятельства Федька.

— Хм-хрю! — очень сильно не одобрил Степан Иванович.

— Давай, Маша, раздевайся и проходи, — распорядилась Инга. — Голодная, наверное?

— Да! — быстренько снимая верхнюю одежду, радовалась чему-то Машка. — Есть хочу ужасно! И чаю горячего! А дед где?

— В Египте твой дед, — сообщила Инга, обняла девчонку за плечи и повела в кухню.

Бригада поддержки следовала за ними в том же направлении.

— С Ангелиной Павловной?

— С ней, — подтвердила догадку Инга. — С молодой женой, а как же!

— А я звоню, звоню, а их нет!

— Ты лучше маме позвони, что с тобой все в порядке, — велела Инга родительским тоном.

— Нет! — уперто отказалась сразу Машка. — Мы с ней поругались!

— И ты решила ее таким образом наказать? Чтобы она там с ума от беспокойства сходила? — не одобрила Инга.

— Нет, но звонить не буду! Утром позвоню!

И так она бровки сдвинула, губки поджала, что сомнений не оставалось — это ее линия фронта, ни шагу назад! Заклин в девичьих разбушевавшихся протестом мозгах.

Инга настаивать не стала и вопросов тематических задавать тоже. Накормила, напоила и спать уложила.

— Да, такой вот подарочек родителям! — раздосадованный донельзя, возмущался Стрельцов. — Я никак осмыслить до конца этого не могу! Как так можно?

— Да легко и с удовольствием! — объяснила «как так» Инга.

— С удовольствием! — повторил он, заведясь бушующим негодованием. — Жизнь себе переломать с удовольствием!

— Ну, ничего ж трагичного не случилось, — попыталась успокоить его Инга, чем только усугубила его досаду.

— А беременность в пятнадцать лет — это, по-вашему, не трагично?!

— Нет, не трагично! — повысила в ответ голос Инга. — Она не наркоманка, не алкоголичка, ни криминалом, ни проституцией не занимается, и это не болезнь безысходная, не горе-беда! Да, неожиданно и малоприятно, и огромная проблема для родителей, но не горе же! Моему сыну, как и вашей, пятнадцать. Он хороший мальчишка, но тоже кренделя подростковые выкидывает. С отцом разругался, общаться отказывается, отстаивает свою самость, когда я его, например, в клубешники ночные не пускаю. Пива один раз так «напробовался», что пришлось «Скорую» вызывать. Однако ему изучения этого аспекта жизни показалось мало, и недели через две он с друзьями водку дегустировал, два дня потом лечили народными средствами. И курить пробовал, и спортом не занимается, сидит за компом — не оторвать. Рассекают тут с Фенечкой, прикалываются на пару, меня в тонусе держат. Так что и у меня вполне возможна перспективна, что он сообщит как-нибудь мимоходом, что его подружка залетела. И давайте, родители, делайте теперь что-нибудь! Разгребайте! Вы думаете, что они прямо хотели-прехотели эту беременность? Все из разряда: «Ой, мы же не знали, что так получится!» Они ведь еще дети.

Спустив особо горячие пары в ответном возмущении, гораздо спокойнее Инга продолжила нечто, по форме высказывания напоминавшее отповедь царю Гороху. Недоумевая сама, чего она так раздухарилась. Но не удержалась на этой мысли, умничала дальше, делясь своим выстраданным родительским.

— Вы, Игнат, пытаетесь найти логику там, где ее нет: в Машинном поведении. А ею сейчас руководит не логика, а чистая физиология, природа. Знаете, Елена Малышева, которая ведет передачу «Здоровье», в одном интервью сказала мудрую вещь: «Раньше, в начале своей карьеры, я была глубоко убеждена, что умные, хорошие дети вырастают, если их правильно воспитывают в семье. Но, проработав долгие годы, поняла, что если у вас замечательные, хорошие дети, то вам просто повезло! Сильно повезло, и ничего более!» И это верно. Я, например, обожала своих дедушку, бабушку, маму с папой, у нас всегда в семье были близкие, доверительные отношения и понимание, а вот переключило девочку в тринадцать лет, и все! Все! Я сама часто не понимала, с чего и куда меня несет и почему мне обязательно необходимо им противостоять, но клинило, и бесполезно что-то было объяснять. У вас замечательная, умная Маша. Думаю, очень скоро вся шняга подростковая у нее пройдет сама собой.

— Это вы меня сейчас воспитывали? — приподняв одну бровь, строго спросил Стрельцов.

— Да нет, своими переживаниями делилась, а то вы ругаться принялись.

— А что бы вы делали в такой ситуации? — выговаривал ей ой как неприязненно Стрельцов. — Поздравили бы и похвалили? Молодец, мол, все попробовала, теперь вот мамой станешь?

На ком-то же ему надо было оторваться, раз Машки рядом не оказалось. Почему не на этой Инге? К тому же она сама спровоцировала своими отповедями, зацепив больное.

— Ну, хорошо, — напрочь проигнорировала его воинственность она, — скажете вы ей: Маша, такая ты, разэтакая, родителей опозорила, в подоле принесла, как теперь людям в глаза смотреть, друзьям-приятелям? Так, что ли?

— Да при чем тут друзья-приятели? — негодовал по полной Стрельцов. — Она собственное будущее под откос пустила! А ее здоровье? Рожать в таком возрасте! А школа, институт?!

— И куда они денутся? — безмятежно поинтересовалась мать подростка, очередной раз проигнорировав прочувствованное выступление в форме отчитывания.

— Что? — не понял вопроса Стрельцов, сбившись с тона.

— Школа, институт, — ровно пояснила она. — Что такого уж случилось, что нельзя школу окончить и в институт поступить?

Стрельцов посмотрел на нее как на полоумную, с которой непонятным образом он пытается обсуждать серьезные вещи и проблемы, оказавшиеся, как выяснилось, недоступными ее пониманию.

Выразительно так посмотрел. Однозначно трактуемо. Но спросил-таки:

— Это вы шутите?

— Отнюдь, — уверила Инга. — Она у вас вроде тупостью не страдает и не сирота детдомовская. Папу-маму и дедушек с бабушками имеет. Жить ей есть где, родные посильную помощь окажут: и за малышом присмотрят, и няню наймут, если понадобится. А школу сейчас легко можно окончить экстерном, и в институт девочка поступит. И потом, вы же не знаете, что там за парень, кандидат в папаша. Он вполне может оказаться нормальным мальчишкой с нормальными, адекватными родителями. Неужели вы всем миром не сумеете одного ребенка поднять?

Теперь Стрельцов смотрел на нее как на чудо-юдо с горы, сивку-бурку вещь каурку, не ведомо откуда «вставшую перед ним, как лист перед травой»! Ничего себе отповедь!

— Инга... — хрипнул вдруг запершившим горлом. — Можно чаю?

— Да, пожалуйста! — обрадовалась она, поднимаясь из-за стола, и «добила» контрольным в голову: — Вы об этом не задумывались?

— Нет. Я пока о таких глобальных решениях не думал, пытаюсь свыкнуться с самим фактом, осмыслить, что делать, как с ней говорить, — и признался: — Марина категорически настаивает на аборте.

— О-хо-хо, — попечалилась, сочувствуя, Инга. — Это, разумеется, вам троим решать, но девочке в таком возрасте аборт опасен. Очень уж велика вероятность остаться навсегда бесплодной.

У Стрельцова волосы на затылке зашевелились! Да потому что он ни сном ни духом, ни намеком каким не успел ни осмыслить, ни предположить, что надо еще и о таких вещах задумываться, как аборт, возможные последствия для здоровья, когда дитю только пятнадцать лет и вроде бы по всем законам детство ее еще продолжается!

Чайник шумно закипел, отвлекая Стрельцова от мучительных раздумий. Он проследил взглядом, как Инга налила большую чашку чая (настоящего, заваренного по всем правилам в заварном чайнике, а не какого-то неубедительного пакетного), поставила чашку перед Игнатом на стол, присовокупив рядом сахарницу, тарелочку с нарезанным лимоном, вазочку с мелкими сладостями — печеньицами, конфетками, — и села на свое место.

— Должен признаться, пока я о дальнейшем возможном развитии событий не думал, — размешивая сахар, поделился Стрельцов и вдруг, посмотрев на Ингу, озарился идеей, которую поспешил изложить с большим воодушевлением: — Инга, а может, вы с ней поговорите? Ну, так, по-женски. Выясните, какие у нее планы и что она предполагает делать дальше.

— Поговорить, конечно, можно, — выказала сомнения Инга. — Но я как раз отрицательный пример в данной ситуации. Я в семнадцать лет, на первом курсе института, по влюбленности и залету вышла замуж, а в восемнадцать родила Федьку. — Она извинительным жестом развела руками. — Вам лучше это с Фенечкой обсудить. Бабушка наша точно и подробно знает, как растить внуку, когда ее мать вечно занята.

— Ну вот и как раз! — воодушевился Стрельцов. — Обозначите все плюсы и минусы раннего материнства.

— Не спешите расслабляться, — предупредила Инга и лукаво улыбнулась, — дело в том, что в плюсах у меня только замечательный сын. Правда, этот плюс перевешивает все на свете!

— Но институт же вы окончили?

— Да, — подтвердила она, — но только благодаря родным, взявшим на себя большую часть забот о Феде.

— Ну вот! — непонятно что утвердил он.

— А вы-то, Игнат, чего хотели бы? Чтобы она аборт сделала или родила?

Стрельцов промолчал. Чего он хотел? Чтобы все вернулось на прежние места. И пусть Машка выкаблучивается и ругается с ними, и красится, одевается, как ночной кошмар добропорядочности, и музон свой истошный слушает, но... но пусть побудет еще ребенком, девочкой, без взрослой беременности!

— А хотите, я вам сольки на рану, для скорейшего определения в позиции? — прищурившись, ядовито спросила Инга.

— Сольки не хочу, — усмехнулся Стрельцов.

— И все же, — настояла она. — Представьте себе маленького ребеночка, такого пухленького симпатяшку. Тепленького, беспомощного, с малюсенькими пальчиками, который улыбается, агукает и на вас похож. Вы же, между прочим, дед! А это, знаете ли, звание!

— Вы часом не адвокатом дьявола работаете? — буркнул весьма недовольно Стрельцов.

— Не-а! — со всей серьезностью заявила она. — Я больше по ангельской части.

Он собрался было что-то ответить, но их беседу прервали два обстоятельства. В коридоре послышалось тихое жужжание, сопровождаемое дробной копытной поступью, и у Стрельцова зазвонил телефон.

Доставая трубку из кармана брюк, он, вопросительно приподняв бровь, посмотрел на Ингу.

— Маркиза в коробчонке со свиненком, — пояснила та природу приближающихся звуков.

Игнат посмотрел на экран телефона, номер высветился неизвестный. Встал, отошел и отвернулся к окну.

— Да, — ответил начальственно строгим голосом.

— Привет, па! — виновато прошелестела беглая дочь.

— Здравствуй, Мария, — по-прежнему строго отозвался отец. — Что, телефон свой так и не включила?

— Не-а, с Фединога звоню, — покаялась скромницей Машка, — ну ты же знаешь, мама орать начнет.

— А ты считаешь, что у нее для этого нет поводов? — отчитывал Стрельцов.

— Ну па-а-а... — перешла к тактике номер два, нытью, Машка.

— Так! — оборвал заходец отец суровый. — Давай приезжай, поговорим!

— Ты сильно злишься, да? — остороженько прощупывала почву «деточка».

— Сильно. Приезжай! — распорядился Стрельцов.

— Па, мы с Федей в кино собрались, уже и билеты купили. Мы в кино ходим, а? Все равно поругать меня ты успеешь, — уговаривала дочь блудная.

Он подумал о дороге в Питер, аэропорте, аж зубы сцепил — снова аэропорт, самолет! Это, пожалуй, перебор для его нервной системы. Ладно, есть поезда, между прочим, прекрасная возможность спокойно поговорить в дороге.

— Ладно, когда ты будешь? — смилостивился папаня.

— Часа через три, может, четыре! — обрадовалась дочурка.

— Хорошо. После кино сразу возвращайся!

Нажал «отбой», повернулся и в последнюю секунду удержал выражение удивления. Бабушка Анфиса Потаповна, оказывается, передвигалась в инвалидном кресле, снабженном движком. Странно, почему отец не упоминал, что она так больна.

— Добрый день, Анфиса Потаповна, — улыбнулся Игнат бабушке Инги с максимальным почтением.

— Здравствуйте, Игнат Дмитриевич, — поприветствовала она, подъехала на своем кресле к нему вплотную и протянула руку.

Что делать с этой рукой, Стрельцов не знал. Пожать? Они вроде не на консилиуме соратников. Поколебавшись, неявно, пару секунд, успев присмотреться к старушке, заценить «тяготение к манерам недобитого дворянства», как обозначила это Инга, — строгое платье с воротничком кружевным, макияж (!) на лице и прическа в стиле тридцатых годов, — наклонился и поцеловал ручку.

Тянуло щелкнуть каблуками, сделать кивок головой и присовокупить нечто типа «к услугам вашим!» или «разрешите представиться», на крайняк — «кушать подано!». Пожалуй, с лобзанием ручки он переборщил!

От неловкости спасла Инга, задав новопривывшим будничным вопрос:

— Обедать будете?

— Хмрю-да! — высказался недовольно Степан Иванович, с явным намеком: «Давно пора!»

— А не я сериалы смотрю до упора! — возразила ему Инга, принимаясь накрывать стол по новой, после их с Игнатом чаепития.

— Хм-хрю! — развернулся к ней задиком кабанчик и дернул хвостиком.

«Вижу я, какие здесь у тебя сериалы!»

Стрельцов поймал себя на том, что переводит все эти «хрю» и телодвижения свиньи на человеческий язык. «Сбрэндил от переживаний, верняк!» И поспешил отвлечься от этой мысли, обратившись к бабушке:

— Анфиса Потаповна, вы уж извините нас с дочерью, что мы так неожиданно заявили к вам со своей проблемой, — интеллигентствовал пардоном он.

— Проблема у вас, разумеется, непростая, но решаемая, — подъехав к своему месту за столом, отозвалась маркиза.

— Я наивно предполагал, что Мария рассказывать всем о своем состоянии не станет, — вздохнул Игнат.

— Девочка правильно сделала, что прямо обо всем сказала, — поддержала Машку Фенечка, — чем больше правды, тем меньше домыслов, сплетен, разговоров.

— М-да! — удручился Стрельцов. — Еще предстоят сплетни-разговоры.

— Да бросьте вы, Игнат, печалиться! — лихо предложила Анфиса Потаповна, с задором эдаким. — В каждой семье свои проблемы. У нас самих в избушке такие погремушки, что чужие фигней кажутся!

Стрельцов уставился на нее несколько потрясенно! Ничего себе маркиза! В дружбе со сленгом, может, она еще и на компе всю рубится?

— Хрю! — весомо поддержал высказывание Степан Иванович.

— И потом, — усмехнулась Анфиса Потаповна, — вы, наверное, забыли, что теперь вы с Ингой сводные брат и сестра. Ваш папенька считается ее отчимом, а Ангелина вашей мачехой. Какие-никакие, а все-таки родственники.

Инга с Игнатом удивленно переглянулись, осмысливая сей факт. Они как-то раньше об этом не задумывались. А ведь действительно, сводные брат и сестра!

Вот чего Стрельцов меньше всего хотел, так это быть ее братом!

Она вызывала в нем со-о-овсем иные, далеко не братские чувства!

«О как! — подивился данному открытию он. — Оказывается, вот таким образом, Игнат Дмитриевич?»

До последнего момента Стрельцов не отдавал себе отчета, насколько Инга его... как бы это сказать?... торкнула, что ли, взбудоражила! Вчера он ее даже и не рассмотрел толком, не до того было, а первое впечатление в тусклом свете у дверей сложилось туманно-неопределенное. Маленькая, ему макушкой до плеча. Плотненькая, нет, не то чтобы вся плотненькая, в конкретных местах: грудь-попка-бедро — словом, там, где надо, остальное все тоненькое, небольшое, аккуратненькое такое. Темные длинные волосы, челка непокорная и от этого

почему-то сексуальная.

А спроси его: какого цвета ее глаза? Тянет ответить: хорошего.

Ну, разумеется, как нормальный мужик, он присматривался к ней сегодня повнимательней, но не так чтобы с осознанием конкретной целевой направленности, да и разговор у них происходил напряженный и уж слишком для него непростой.

А поди ж ты! Что-то там узрел, заметил, будоражащее мужские инстинкты и гормоны, и братом становиться ни за что не желает! Природа, мать наша!

Инга наклонилась, расставляя что-то на столе, оказавшись совсем близко от Стрельцова, и он засмотрелся на нее. Оказалось, что у нее очень белая кожа, и забавные, миленькие, еле заметные веснушечки на переносице, и светло-карие глаза со смешинками скачущими, и тонкий маленький носик, и просто умопомрачительные, чуть припухшие губки, и маленькие беззащитные ушки, и запах завораживающий, и...

Стрельцов отвернулся и выругался про себя, скорее от недоуменного потрясения собственной реакцией на нее. Вот именно: «И!» Твою мать!

Он поднялся со своего места. Торопливо, надо признать, поднялся, но не теряя статности жожака стаи.

— Пойду прогуляюсь, — пояснил Стрельцов. — Маша сказала, что они в кино с Федором собрались и только часа через четыре вернутся. Воспользуюсь случаем побродить по Москве.

Достойная, красивая речь суть побег от самого себя, взбудораженного и очень, очень недовольного примитивной реакцией на женщину. А что ему радоваться?! Вот стопудово все эти «и» однозначные и желания не замедлившие ну куда ему сейчас, никаким боком!

— Конечно, Игнат Дмитриевич, — одобрила данный порыв Фенечка с некоторой потаенной, всепонимающей хитринкой. — Прогулка на свежем воздухе — это очень полезное занятие.

— Спасибо огромное за обед, Инга, — выдержал принятый политес Стрельцов. — Было очень вкусно!

— Да пожалуйста! — удивленная его спешным расшаркиванием, ответила она.

Игнат кивнул уже на ходу и вышел из кухни.

— Он что, сбежал? — недоуменно спросила Инга у бабушки.

— Ретировался, — усмехнулась маркиза, — перспективка быть нашим родственником Игната Дмитриевича, видимо, пуганула.

— Я бы тоже испугалась, — заверила Инга, — отставные дворянки язвят, свиньи высказываются, дочь беременная сбежала с очередным хахалем, а отца окрутила актриса пыльного театра!

— Ну, не все так мрачно, Ингуша! — хохотнула бабушка. — Зато ты у нас светлое и единственно разумное пятно в палитре.

Рубашку Стрельцов себе купил. Подумал — и купил еще одну. Понравилась, и так, на всякий

случай. Какой? Туманно.

Дом, в котором жила Инга с семьей — сестра! надо же, сводная! — находился в центре исторической части Москвы. Вернее, в той части, которая еще чудом сохранилась от исторической, стремительно превращаясь в современную.

Стрельцов с удовольствием, не спеша, прошелся, заглянул в пару бутиков, где и подобрал себе рубашки, посидел в кафе, выпив хорошего кофе с каким-то навороченным сверх меры десертом. Добрел до следующего кафе, в которое зашел скорее с целью отогреться от пробравшего морозца, чем по гастрономической надобности.

Неспешность прогулки, без конкретного направления и цели, успокаивала, помогая немного разобраться в сумбуре мыслей-ощущений.

Москву Игнат любил.

Такой определенной любовью отстраненного, не проживающего в ней человека, наезжающего иногда, с удовольствием гуляющего по ее улицам, проникаясь характером столицы, темпом, энергией.

Вся его сыновья любовь безраздельно и навсегда была отдана Питеру с его проспектами, островами, каналами, запахами, вечной промозглостью. С неповторимой харизмой, присущей только ему, так совпадавшей с вечным поиском русской интеллигенцией туманного, неясного смысла жизни, истины, обязательно с легкой тоской от невозможности их познания.

Он был в Венеции и Амстердаме, на сходство с коими Питера так часто указывали, и в различных маленьких городишках Голландии и Северной Европы, но ни в одном из них не находил той особой, неповторимой атмосферы своего родного города.

Нечто неуловимое, размытое, не объяснимое никакой логикой, но навсегда привязывающее к себе единожды вдохнувшего и прочувствовавшего эту мистическую, призрачную сущность.

А Москва, с ее хитрым купеческо-боярским прищуром, торгово-разбитной удалью, подражанием инородности, перекачиванием жирных денежек и азартом завоевания, словно бодрила, поторапливала — давай, давай, не тормози, смотри, дела какие вокруг творятся, шумихи карнавные происходят! Это здорово, залихватски, с румянцем от морозца и собственной бесшабашности, с удалью покорителей столицы. Москва и заражает, и завораживает, и иногда чуть приоткрывается, поверяя свои непростые тайны.

Тоже магия, но иная. Стрельцову нравилось, он словно чувствовал ее ритм, настраиваясь своей пульсацией крови. Он всегда с удовольствием сюда приезжал, как человек приезжает к добрым друзьям в гости, но уже через несколько дней рвется, стремится назад, в теплое нутро родного дома.

Здесь жил отец.

Мама умерла чуть больше десяти лет назад. Во сне. Заснула и не проснулась.

В пятьдесят три года. Она ничем не болела и на сердце не жаловалась. Пришла с работы, приготовила ужин, они с отцом поели, какой-то фильм посмотрели, она сказала, что чувствует себя уставшей. Отец уговорил ее лечь отдыхать, помыл посуду, почитал еще перед сном, лег с ней рядом в кровать, она спала, спокойно дышала и чему-то улыбалась во сне.

Так и умерла с улыбкой.

Для тридцатилетнего Игната это было ударом! Подлым, исподтишка!

Он никак не мог осознать, принять разумом, что его здоровая, молодая, красивая, энергичная, всегда улыбающаяся мама умерла!

Да как же это?! Так не бывает! Как у молодой, ничем не болевшей женщины может остановиться сердце?!

И с этим протестом, непониманием, болью и голостью сиротской, вокзальной, с обнаженным тылом ему приходилось справляться одному.

Отец словно умер вместе с ней! Игнат-то и в себя пришел, когда увидел и осознал, что отец погрузился полностью в безысходное горе. Постарел сразу, поседел, работать не мог. Это мужик-то в пятьдесят пять лет! И Игнат выволок себя из обвинений жизни и непониманий-протестов и отца из его безысходности и тайного желания уйти следом за женой.

Стрельцов взял отпуск и повез отца в Европу. Они очень сблизились тогда, гораздо глубже и сильнее, чем за всю жизнь. Гуляли, разговаривали, вспоминали маму, детство Игната, их счастливое семейство. И о работе Стрельцова говорили, о его вечном отсутствии в семье — много о чем.

И отец понемногу начал выкарабкиваться из своего глухого отчаяния. Уже в конце поездки они посетили один высокогорный храм. Отец о чем-то говорил со священником, постоял у лика святой, про которую утверждали, что она исцеляет, и словно просветлел, отпустил горе.

Вернулись домой в обыденные дела-заботы, работу и каждодневность, Стрельцов старался как можно чаще видеться и проводить время с отцом, но получалось это редко. При его работе он и дома-то бывал в лучшем случае месяца два в году. Поэтому таким неожиданным стало для него отцовское решение, года через полтора после смерти мамы.

— Я, Игнат, в Москву переезжаю, — сообщил отец, как ударил.

— Как в Москву? — потрясенный новостью, спросил Игнат.

— Погоди, прежде чем отговаривать, послушай, — принялся разъяснять свое решение отец. — Мне предложили должность в министерстве, я согласился. Мне трудно в Питере, здесь все напоминает об Анечке, каждая улица, переулок, дом, каналы — все! К тому же, если ты не забыл, я коренной москвич и сюда перебрался, когда женился на твоей маме. Должность мне предлагают хорошую, ответственную, квартиру свою я поменяю на московскую, у меня в столице друзей много, ты же знаешь.

— А как же мы здесь без тебя? — привел нелепый аргумент Игнат.

— Да как и раньше, будем друг к другу в гости ездить, вы ко мне, я к вам, чай, не на Колыму уезжаю.

— Это точно, — кивнул Игнат и предпринял следующую попытку отговорить: — Как же ты там один жить будешь? А если что случится? Или заболеешь? И бытовуха неустроенная?

— Да ну, сын, что со мной случится? — похлопал его по руке успокаивающе отец. — Я здоровый мужик, на мне пахать можно! Обустроюсь, найму домработницу, да и не так уж я от

вас далеко, мы вон в одном городе живем, а видимся раз в месяц с невесткой и внучкой, а с тобой так вообще раз в полгода, когда ты дома бываешь.

Он все уже решил, и Игнат не стал его отговаривать. Отпустил.

И отцу на самом деле в Москве стало как-то полегче. Он взбодрился, помолодел, просветлел лицом и духом. Наверняка были у него и романы с женщинами, но про это Игнат мог лишь догадываться — сам не спрашивал, а отец не рассказывал. В их приезды с Мариной и Машкой в Москву следов присутствия женщин в жизни отца не наблюдалось. Неизвестно, чем он руководствовался: то ли Игната травмировать не хотел, то ли были иные причины, но факт наличествует — не демонстрировал Дмитрий Николаевич сыну и его семье свою личную жизнь.

Именно поэтому известие о женитьбе Стрельцова-старшего оказалось гейзером, взорвавшимся в спокойном водоеме с кувшинками.

Как это женится?!

Зачем? Восемь лет жил вдовцом-гусаром, никаких матримониальностей не допускал, а тут — получите! Может, и хорошо, что известие об отцовской свадьбе вместе с приглашением застало Стрельцова в Германии, а то бы рванул, мог, не разобравшись, и наговорить лишнего, кто знает.

Он подумал-подумал, а чего, собственно, негодовать? С какого переполоху? Счастлив отец, да и слава богу! Радоваться надо, что не одиноким стариком жить будет, а молодоженом! Игнат и порадовался.

Марина, правда, причитать по телефону принялась, возмущаясь:

— Игнат, он совсем с ума сошел! Квартира в Москве Машке отписана, а сейчас эта его неизвестно что за баба ее себе оттяпает!

— Послушай меня внимательно! — жестко остановил Марину Игнат. — Если ты попробуешь хотя бы намекнуть отцу на это, я тебе такую жизнь устрою! Со своей квартирой он может делать все, что ему заблагорассудится! Отец молодой и здоровый мужик, и то, что он семьей обзавелся, замечательно! И тебя ни в коей мере не касается, что и как он делает!

Она бросила трубку, но неприкрытой угрозе Стрельцова вняла и домыслы свои при себе держала, даже Машку на свадьбу к деду отпустила.

Через месяц Стрельцов прилетел в Москву по делам и задержался на пару дней, с отцом встретиться и с его женой познакомиться.

Когда он их увидел вместе, то понял — все! Отец попал в десятку! Эта женщина именно то, что ему нужно!

Ангелина Павловна со странной фамилией Исла, которую не стала менять в браке, оказалась миниатюрной, весьма интересной женщиной из той породы, которые не стареют никогда.

Энергичная, эмоциональная сверх меры, немного эксцентричная, такая вечная девочка, которой необходимы опека, защита, постоянное напоминание о ее таланте. Актриса вторых ролей — правда, в известном и модном театре.

Отцу требовалась именно такая! Он вдруг скинул несколько лет с плеч, став ее рыцарем, защитником, мудрым, принимающим все ее недостатки и многослойность характера любящим мужем. А она его обожала! И это было видно всем, к тому же Ангелина Павловна вовсе не собиралась скрывать своих чувств.

Игнат это оценил и успокоился за отца.

Правда, находиться долго в обществе Ангелины Павловны он не мог — слишком ее было много. Но, пообщавшись с ней несколько раз, Игнат вдруг понял, что это просто привычное ей житейское амплуа, на самом деле там и характер закаленный, как сталь, и стержень и мудрость еще те! Ой-ой-ой!

Но в роли, в роли, жизнь — вечная сцена! А отцу нравилось, он все посмеивался над ее непрекращающейся игрой. Ну и дай бог им счастья!

Стрельцов посмотрел на часы. Однако загулялся, за размышлениями не заметив времени. Ладно, пора возвращаться, с Марией Игнатьевной воспитательно-наставительные беседы вести.

Как и о чем? А хрен знает, как и о чем говорить любящему отцу со своей малолетней дочерью, оказавшейся беременной!

Стрельцов зашел в супермаркет, купил сладостей к чаю, деликатесов каких-то, фруктово-овощей, бутылку вина, а то совсем уж некрасиво — свалились людям на голову, они их кормят-поят, да еще и примирить стараются. Потом тормознул возле цветочного магазина с сомнением и решил — нет, не тот повод, все-таки не гостевой визит.

И, уже отойдя, ругнул себя: а что, всенепременно нужен какой-то особый повод, чтобы преподнести женщине цветы? Тем более так радушно принявшей и искренне сопереживающей твоим проблемам.

Вернулся. Взял два букета.

Он свернул за угол дома и увидел впереди, метрах в десяти, Машку с парнем, идущих к подъезду. Стрельцов прибавил шаг и позвал:

— Маш!

Она резко развернулась, личико озарилось радостной улыбкой, дочь, как в детстве, заорала на всю округу:

— Папочка! — и рванула к нему.

Стрельцов открыл ей объятия, Машка подлетела, чуть не сбив с ног, с разгона обхватила за талию, уткнулась носом ему в грудь.

— Папочка, — прошептала еще разок.

Слезы навернулись на глаза у сурового господина Стрельцова, он хотел обнять, прижать дочь, но руки были заняты пакетами и цветами.

— Давайте я возьму, — предложил помощь подошедший к ним парнишка, — я Федор.

Стрельцов кивнул, не мог говорить, горло перехватило, отдал парню поклажу, прижал наконец дочь к себе покрепче, поцеловал в макушку, прикрытую шапочкой, и постоял так, приходя в себя и плаваясь в щемящей нежности к своему ребенку.

— Ну что, принцесска, наделала дел? — спросил, чуть погодя, совсем не строго.

Она закивала активно головой, оторвавшись на пару секунд от него, и снова уткнулась в отцовскую грудь.

— Федь, — попросил Стрельцов, — ты отнеси это все домой. Предупреди, что мы с Машей позже подойдем.

— О'кей! — отозвался парнишка и подбодрил Машку. — Держись, подруга!

Игнат за подбородок приподнял Машкино личико и заглянул ей в глаза.

— Идем, посидим где-нибудь поблизости. Побеседуем.

— Пойдем, — тяжело вздохнула дочь.

Они устроились в ближайшем к дому кафе. И пока выбирали столик, снимали верхнюю одежду, усаживались и делали заказ официанту, Стрельцов, скрипя мозгом, все думал — как с ней говорить? Как? Говорить? С дочерью? В такой ситуации?

Назидательно-поучительно? Не проканаает, вот сто пудов! На такой тон Машка просто не откликнется, да и поздно уже назидать что-либо!

— Ну, рассказывай! — призвал отец не самым благостным тоном.

— Па, да что рассказывать? — каялась интонацией и мимикой Машка.

— Начни с того, кто у нас участник твоей беременности, — последним словом Стрельцов чуть не подавился, но тон выдержал.

— Мишка Старобогатов из одиннадцатого класса, — давала показания дочь.

— То есть ему семнадцать лет?

— Еще нет, через месяц исполнится.

О боже, боже! Детский сад в песочнице! Пестики-тычинки изучает!

— И что? — продолжил допрос Стрельцов. — У вас такая большая любовь случилась? Тогда почему ты мне о нем раньше не рассказывала?

— Ну, не знаю, может, и любовь, — терзала откровениями отцовское сердце дочь. — Он классный, прикольный, с ним весело. Он хоккеем занимается, меня, знаешь, как кататься научил! Каждые выходные на каток таскает.

Подростковые откровения о «глубине» чувств прервал официант, принесший их заказ — Игнату коньяк и кофе, Машке чай и бутерброд.

Откинувшись на спинку стула, Стрельцов воспользовался паузой, пока официант выставлял на стол принесенное, охолонул, чтобы не сорваться. «Он классный, прикольный!»

Нет, ну твою ж дивизию! На каток он ее таскает! А с катка в кровать!

Надо успокоиться!

— По-твоему, это вполне достаточные причины, чтобы с ним переспать? — раздраженным медведем начинал грохотать Стрельцов, не справившись с кипящим лавой обжигающей негодованием.

— Ну па-а-а! — проныла Машка и атаковала по привычке: — Можно подумать, ты с женщинами спишь исключительно по любви!

— Маша, прекрати! — рявкнул Стрельцов. — Мы сейчас обсуждаем твою жизнь, а не мою!

— Да что такого-то! — возмутилась дочь — У нас в классе все девчонки давно сексом занимаются, одна я такая, последняя девственница России!

— Теперь ты у нас первая из всех занимающихся с животом! — разбушевался не на шутку Стрельцов, так его проняло.

— Ну, па! — забыв про выступления, заспешила мириться Машка, труханув. — Да это было всего два раза!

— Зато как удачно! — заметил Игнат, немного подостыв. — А про контрацепцию с мальчиком Мишей вы ничего не слышали?

— Порвалась она, — тяжело-покаянно вздохнула Машка, — эта контрацепция.

О господи! Дай силы! Стрельцов только представил, что, как и при каких обстоятельствах у них там порвалось, как мозг затопило пеной гневной.

Твою мать!

— Ты ему сказала о беременности? — прикладывая усилия, чтобы утихомирить, притушить ретивое гневливое, спросил Стрельцов.

— Уведомила, — не поднимая на отца очи, ответствовала скромницей Машка. — Он сказал, ничего не предпринимай, пока мы все не обсудим и не решим.

— Да что вы там можете обсуждать и решать?! — сдерживая крик, новой волной взвился Стрельцов. — Решат они!

— Па, да он нормальный пацан, не придурок, и родаки у него классные!

— И что? Это твоим родителям предстоит разгрести проблему, а его так, с боку-припеку, пожурят, и все дела! — растолковывал имеющуюся диспозицию отец. — Вопрос стоит о твоём здоровье и будущем, а никак не о его!

— А давайте я сама буду решать, что мне делать! — врубилась с пол-оборота сама собой чрезмерную Машка. — Это моя жизнь, я уже выросла, если вы не заметили, и сама решу, как мне жить!

А Стрельцов вдруг неожиданно вмиг успокоился. Совершенно непонятным образом, раз — и штиль душевный! То ли от того, что Машка прибегла к любимым выражениям про свободу-взрослость, то ли от ее тона: «укушу себя за пятку, а докажу вам!», то ли от осознания, что она все еще дитя неразумное.

— Хорошо, — хладнокровно согласился Стрельцов. — Давай сама. Расскажи мне, каким ты видишь свое ближайшее будущее. Ты же что-то думала на эту тему?

— Рожу ребенка, окончу школу, поступлю в институт, — воробьем нахохлившимся и уверенным в своей правоте перечислила Машка.

— Очень хорошо! — похвалил отец. — Я бы сказал: замечательно, планы серьезные. А теперь растолкуй мне, где ты будешь жить с ребенком, на какие средства, кто тебе станет помогать с малышом? Вот потребуется экзамены в институте сдавать, ты с ребенком на руках пойдешь? Или оставишь его с кем-то? А на работу ты тоже с ним отправишься? Работать-то придется, чтобы себя и ребенка поить-кормить, памперсы покупать.

— А у меня есть родители, которые по закону обязаны меня содержать до восемнадцати лет! — с непримиримым утверждающим лицом заявила юная правоведка.

— Вот именно! — согласился бодро Стрельцов и разъяснил дитю статью закона: — Тебя! Родители обязаны одевать-обувать, кормить, учить. А как же! Но они не должны выкупать тебя из околотка, оплачивать твои прихоти: пиво-вино-сигареты, билеты на запрещенные концерты, клубы, тусовки и мальчиков, занятия сексом и их последствия. И уж тем более в их обязанности не входит содержание твоих детей.

— Я это ненавижу! — проорала Машка так, что пооборачивались на крик посетители кафе. — Ненавижу, когда вы с матерью начинаете попрекать меня содержанием! Тогда не рожали бы! — и уже подскочила, чтобы встать и уйти.

— Вот именно это и скажет тебе твой ребенок, — ухватив дочь за руку, принудил ее снова сесть Стрельцов. — Он скажет, что ненавидит тебя, когда ты напомнишь ему, что из-за него загубила свою жизнь, работала на износ, чтобы его прокормить, из-за него не поступила в институт, из-за него постарела раньше времени от жизни тяжелой и не смогла выйти замуж. Он скажет тебе, что ненавидит тебя и лучше бы ты его не рожала. Но ты забудешь упомянуть о том, что перед его рождением разругалась с родителями, чтобы доказать им свою самость и чувствовать себя героически правой. Ты ни за что не расскажешь ему, что угробила свою и его жизнь, отвергнув их любовь и помощь и их самих, предпочтя носиться со своей принципиальной подростковой «серьезной» позицией: «назло всем!» или «удавлюся, но не покорюся!». Так будет, Маш.

А Машка расплакалась навзрыд, сразу потоком, вытирая слезы, размазывая косметику по щекам, совсем как маленькая. У Стрельцова аж сердце захолонуло!

— Я не знаю, что делать, па-а-ап! — рыдала обиженной, беспомощной девочкой его дочь. — Я не хочу аборт! Не хочу его убивать! Он ведь уже там живет, маленький!

Игнат рванул с места, сел с ней рядом, обнял, прижал к себе, вытер большой, теплой, надежной отцовской рукой слезы, катившиеся по щекам, поцеловал в лобик, покачал.

— Не плачь, Машка, — успокаивающе произнес он и зашептал ей на ушко: — Открою тебе один большой секрет: все наладится! Обязательно все наладится! Не плачь, тебе теперь нельзя так сильно расстраиваться.

— Что?! — потрясенно уставилась на отца Машка и даже отлепилась от его бока. — Ты не против, чтобы я рожала?

— Машка, Машка, — притянул ее обратно к себе Стрельцов. — Решать, конечно, только тебе.

Потому что, как ты правильно заметила, это твоя жизнь. Но что бы ты ни решила, ответственность ложится не только на тебя, а по большей части на нас с матерью. Понимаешь?

Она кивнула, перестав рыдать и тихо похлопывая ему в бок.

— Понимаешь, принцесска, ребенок — это навсегда, как ты у нас. И если ты примешь решение рожать, то твоя жизнь больше не будет принадлежать только тебе. Уже сейчас ты обязана думать не о себе: следить за своим здоровьем и питанием, чтобы маленький родился нормальным. Осмысли это, Маша, твоя ответственность наступила шесть недель назад.

— Я смогу, пап, — посмотрела на него снизу-вверх дочь, — но как быть с мамой?

— С мамой надо помириться, поговорить спокойно, как взрослый человек, как женщина, раз уж ты ею стала так скоропалительно.

— Да не могу я с ней спокойно! — пожаловалась Машка. — Она орет сразу, ругается! Требует, чтобы я аборт сделала!

— Значит, тебе придется ее переубедить. Старайся, кто же защитит твоего ребенка, как не ты?

— Па, так ты на самом деле не против, чтобы я рожала? — уточнила недоверчиво Машка.

— Против, конечно, — усмехнулся невесело Стрельцов. — Я очень против, чтобы моя дочь в пятнадцать лет становилась матерью. Но беременность уже случилась, так что придется мне привыкать к этому факту. А ты сама-то уверена, что хочешь стать матерью сейчас?

— Нет, — села ровно и посмотрела ему в глаза Машка. — Мне страшно, и как-то это случилось неожиданно и быстро, я толком до конца всего не прочухала и растерялась. Но я точно не хочу делать аборт! — И вдруг так попросила, с надеждой: — Пап, а давай его родим, а?

— Ладно, Мария, пошли, — вздохнул Стрельцов, доставая портмоне, чтобы расплатиться. — Поедем домой на поезде, там и поговорим подробней. От самолетов я как-то сильно притомился.

— Па-а... — заканючила Машка, вмиг снова становясь маленькой девочкой, — давай останемся на выходные! Ну пожалуйста! Федька утверждает, что мне теперь надо почаще смотреть на красивое всякое, и предлагает завтра съездить в Коломенский парк и сходить в зоопарк! Представляешь, в зоопарк! Ну давай в воскресенье поедем.

— Я так полагаю, ты оттягиваешь момент разговора с матерью, — усмехнулся Игнат.

— Ну, папочка, я еще сто раз успею с ней поругаться!

— Тогда для начала включи телефон и поговори с ней. Тренируйся не ругаться, а разговаривать, — в виде воспитательного процесса потребовал Стрельцов.

— Обещаю! — обрадовалась Машка и уточнила для ясности: — Так что, остаемся?

— Ну, хорошо. Но надо перебраться в гостиницу, — дал добро с условием Стрельцов.

— Ой, ну пожалуйста, не надо в гостиницу! — зашлась новым приступом уговоров дочь. — Они все такие классные, мне у них очень нравится! У них так уютно и места много! Тетя Инга вообще потрясная и готовит — полный отпад! А Фенечка шутит постоянно, а Степан Иванович вообще, как человек, все понимает!

— Маш, это просто неприлично! — удивился горячности ее уговоров Стрельцов. — Мы и так свалились гостями незваными, и злоупотреблять их радушием уже перебор.

— Да они сами нас пригласят, вот увидишь! — искрила энтузиазмом Машка. — Я же знаю, какие они клевые!

— Нет, это несерьезно! — отказался строго Стрельцов.

Напряжение после трудного разговора с непонятым пока еще итогом отпустило, и тут в памяти всплыл волной жаркой тот странный момент: неожиданные ощущения, от которых он, прямо скажем, сбежал из дома Инги.

Два дня рядом с «сестрицей»? Вызывающей в нем целую кучу непонятных будоражащих чувств? Приглядываться и бороться с тем, чего, извините-с, но очень хочется?

Ну, нет! В гостиницу!

Да и вообще, он до конца так и не понял, что настолько сильно его в ней торкнуло и зацепило и в какую партию сей порыв? Нет, с этим-то как раз все ясно до прозрачности — мужчина-женщина, взыгравшие гормоны-либидо. Но в их случае ничего легонького нельзя! И потяжелей, посерьезней, с затягом нельзя тем более!

— Идем, — помрачнев от таких рассуждений, ничего не пообещав конкретного, легонько подтолкнул дочь к гардеробу Стрельцов.

— Ну что, доложись, сынок, — открыв дверь Федору, потребовала мать, — где барышню потерял и для кого букеты?

— Привет! — вошел Федька, клюнул поцелуйчиком мать в щечку. — Назначение букетиков не уточнено, либо мне со Степаном Иванычем, либо вам с маркизой. Полагаю, второй вариант более возможен. Тут еще и пакетики с провиантом, я заглянул — гурманский рай!

Он сунул пакеты и цветы Инге в руки и, раздеваясь, продолжил объяснения:

— Это Игнат Дмитриевич передал, он перехватил нас с Машкой у подъезда, — и посочувствовал подруге, вздохнув со стариковской скорбью, — повел дочь в кафе, чинить разборки.

— О то ж! — назидательствовала мать сыну. — Есть будешь?

— Не, мы с Машкой налопались в итальянском кафе, пойду в комп погоняю, — отказался отпрыск и живенько поинтересовался: — Ма, а они у нас останутся?

— Навеки поселиться? — выясняла степень оставания гостей Инга.

— На выходные для начала. Я Машке завтра Коломенское обещал и зоопарк.

— А с папенькой ейным вы этот вопрос обсудили?

— Думаю, сейчас они и этот вопрос обсудят.

— Вот сами и решат, — ответствовала Инга.

К ним вырулила маркиза на драндулете инвалидном, поучаствовать в обсуждении дел семейных, а то как без нее? Колясочка-то на то и презентована была, чтобы Анфиса Потаповна везде попевала мнение высказывать и «полтинник» свой вставить.

— Надо бы, чтоб остались, Ингуш, — заявила, подъезжая к месту дискуссии, она.

— Да ради бога, хоть до следующей зимы! Только цель ваша мне непонятна, Анфиса Потаповна.

— Проста и однозначна! Повлиять на них, чтобы оставили ребеночка! — припечатала решительно Фенечка.

— О-хо-хо, маркиза! — пожурела Инга. — Вы все помните про вмешательства в чужие дела и благие намерения?

— Не маразматирую пока! — уверила бабушка.

— Да Машка и не собирается ничего делать, — поделился добытой информацией Федька, — рожать будет.

— Давайте-ка дружно оставим их в покое! — призвала Инга.

— Ну, покой им, пожалуй, теперь только снится! — заметила Анфиса Потаповна и, лихо развернув кресло, гордо удалилась.

Федька под такое дело тихо слинял к себе в комнату. Инга посмотрела на пакеты в руках, не зная, что с ними делать, подумала, осторожненько пристроила их на пуфик и пошла в «личный кабинет» — в кухню то бишь.

Где-то через час прибыли питерские гости. На отпирание замковых врат Машка отреагировала просьбой с нажимом мимикой и жестами.

— Тетя Инга, а можно мы на выходные у вас останемся? — сверкнув хитрющими глазами, проорало дитя.

— Маша! — призвал отец ребенка к порядку. — Я сказал, мы едем в гостиницу!

— Вот видишь, Машенька, — завела тоном сказительницы старорусской Инга. — Мы твоему батюшке не приглянулись.

— Приглянулись, — возразил крайне недовольный батюшка, — но мы не хотим обременять вас.

— Гостеванием, — «подказала» Инга, веселясь отчего-то.

— Да, гостеванием, — подтвердил Стрельцов.

— Предпочитаете обременить нас чувством вины, — еще раз «подказала» весело Инга. — Прогнали родственников вашей! Спать-то у нас негде, квартирка маленькая, да и стойло для животины в доме держим!

— Инга, перестаньте! — потребовал грозно Стрельцов.

— Да с удовольствием! Только ни в какую гостиницу мы вас не отпустим! Вот вы бы нас отпустили? А я, между прочим, обещалась с ответным визитом! Так что, выгоните?

— Сдаюсь! — подняв руки, капитулировал Стрельцов.

Зачем она так настаивала-то?

Инга с большим душевным дискомфортом поняла, что придется ведь с ним о чем-то говорить, занимать-развлекать. Время-то девять вечера, и, при таком настойчивом приглашении, подразумевается ну если не ужин, то чаевничание под беседу.

М-да! Во-первых, она и так сегодня выступила назидательницей премудрой, пожалуй, исчерпав лимит умничаний и терпения господина Стрельцова. А во-вторых... во-вторых, бла-бла-бла, всякое женское и смущающее, и удивляющее, и интерес с ожиданием, и... а-а... не знает она!

Может, напустить на Игната Дмитриевича Анфису Потаповну? На что она там хотела повлиять? Вот пусть и влияет, ей можно.

Но напускать никого не пришлось. Дочь с отцом, извинившись культурно, удалились в гостиную, чтобы позвонить Машинной маме и продолжить разговоры о делах своих непростых. Федька в известное место — в свою комнату к компьютеру, Фенечка со Степаном Ивановичем — посмотреть новости, а Инга — работать.

Ну, вот и ладненько, и красота.

Где-то через час Ингу потревожили, подтягиваясь в кухню все по очереди: Федька — чайку попить, за ним Машка с отцом, и, без каких-либо иных вариантов, даже не рассматривающихся, на общий сбор прикатила маркиза в сопровождении хряка.

Чаевничали, не говоря ни о чем серьезном. Игнат Дмитриевич продуктовые дары свои к столу преподнес, Машка с Федькой что-то интернетовское обсуждали и быстренько слиняли к нему же, Фенечка попытала гостя, без фанатизма, на предмет архитектурных изменений в городе Санкт-Петербурге и мирно уехала на покой, сопровождаемая верным фаворитом. Господин Стрельцов огласил свой «пардон» и желание лечь спать.

Идите-идите! Все идите и оставьте ее в покое!

Инга потянулась, разминая затекшие от напряженного сидения над бумагами мышцы, посмотрела на часы на экране ноутбука — однако начало второго.

В дверь коротко стукнул и вошел Игнат Дмитриевич.

— И вновь я отвлек вас от работы, — раскаянно заметил Стрельцов.

— Да я почти закончила, так, мелочь осталась. Проходите, — пригласила Инга, складывая листы бумаги.

— Не могу заснуть. Все про Машку думаю, — поделился тревогами Стрельцов.

— Оно и понятно, — согласилась Инга. — Мне вон хоть в церковь иди, свечку ставь, чтобы пронесло от такого «подарочка» от сыночка.

— Парням проще, — высказал убеждение Стрельцов, присаживаясь на диван.

— Им да, а их родителям нет.

— И то верно. — Он посмотрел, как она складывает бумаги и канцелярию, и заинтересованно

полюбопытствовал: — А кем вы работаете, Инга?

— Это сейчас так пафосно называется: фло-орист, — приподняв скептически бровки и округлив губы в букве «о», пояснила она, — что есть суть цветовод.

— То есть вы на него учились?

— Я окончила отделение ботаники и растениеводства и параллельно курс цветоводства.

— Это призвание? — живо интересовался он.

— Да. С детства, — улыбнулась Инга, переложив ноутбук и кипу бумаг на столик у окна. — Сколько себя помню, меня всегда завораживали цветы. Я их часами рассматривала и удивлялась ужасно: как это можно было сделать? И кто вообще мог сделать такую красоту?

— Теперь знаете кто? — улыбнулся Игнат.

— Нет. Я до сих пор не понимаю, как можно сотворить столько разнообразной красоты!

— А расскажите мне, — попросил Стрельцов с непонятной улыбкой, — про детство, увлечение цветами, про работу.

— Вам действительно интересно? — поразилась почему-то сильно она.

— Интересно. И даже очень. Я еще ни разу не встречался с человеком, который занимается цветоводством.

— Тогда, может, чаю под разговор? — спросила Инга и, подтверждая звание достойной хозяйки, расширила предложение: — Или чего покрепче предпочтете?

— Предпочту чай. Тем более что вы его делаете именно такой, как я люблю, невзирая на все новомодные тенденции. Черный, крепкий, с сахаром и лимоном.

— А к чаю? — включив чайник и загремев кружками, поинтересовалась Инга.

— Признаюсь, имею тайное пристрастие к сладкому, — поделился секретом Игнат Дмитриевич, — но и сушки-пряники уважаю. Давайте я вам помогу, — присоединился к хозяйке у столешницы кухонной Стрельцов. — А вы рассказывайте, рассказывайте!

С первого младенческого взгляда и навсегда маленькая Инга влюбилась в цветы.

Летом, когда вся семья приезжала на старую замечательную дачу, пользуясь занятостью взрослых заселением в дом, Инга убегала в поле за речку. До которого, кстати, еще надо было перейти по шаткому подвесному мостику, преодолевая страшный страх, который внушали скрип железных уключин, потрескивания старого деревянного настила и покачивание зеленой воды внизу!

Но уж потом!

Она плюхалась с разбегу на живот и часами рассматривала цветочки-травинки, ползая на локтях по полю от одного понравившегося цветка к другому.

Когда Инга удрала первый раз в свое поле, взрослые перепугались насмерть! Бегали по всему

селу, звали, искали, собирались уж в милицию обращаться, когда сосед, возвращавшийся с речки, сказал им, что видел вроде девочку, переходящую по мосту на ту сторону. Ну вот там ее родители и нашли — перепачканную землей, зеленым соком от раздавленной травы, всю в муравьях, жуках и до невероятности счастливую!

Фенечка смеялась до слез, мама, отмывая дочку в большом старом медном корыте, громко ругалась, а папа ее успокаивал:

— Ну, ладно тебе, Гелюшка, что сердиться, может, она ботаником будет!

Услышав о такой перспективке, мама начала ругаться еще пуще. А обожаемый дедушка Павел посмеивался, утверждая, что все профессии хороши.

Разумеется, ей категорически запретили ходить на то поле и наказаниями за непослушание пригрозили, самым страшным из которых было лишение мороженого на день. Проигнорировав запреты, Инга на следующее же утро умотала через речку в поля. Поняв бесполезность попыток остановить упрямыцу, с ней просто стал ходить дед Павел и, пока она там ползала, сидел рядом и рассказывал чудесные сказки, где вместо людей-героев выступали цветы-растения. Когда дедушка был занят, вахту принимала Фенечка.

Так и проводила лето младенческое, беспечное — на животе по лугам-полям. У всех детей — велосипеды, игры, речка, а она в поле.

Дед ей потакал и каким-то немислимым образом доставал и приносил книжки с картинками и рассказами про растения, один раз даже на иностранческом языке, которую сам перевел и подклеил текст, распечатанный на машинке, на страничках под рисунками.

Когда Инге было лет пять, папа подарил маме огромный, какой-то сказочный, невероятный букет пурпурных роз. Утром ребенок, бежавший вприпрыжку завтракать, замер изваянием закаменевшим, узрев чудо чудное.

Позабыв обо всем, два дня подряд Инга залезала на стул, с него на стол и часами рассматривала эти волшебные цветы. Она с ними разговаривала, осторожно трогала пальчиками лепестки, упругие листочки и острые шипы, все старалась заглянуть в самую серединку не распустившихся до конца бутонов и узнать, что там. Фенечке приходилось силой оттягивать ее от созерцания, чтоб хотя бы накормить. Ребенок заталкивал в рот стремительно еду и неся назад — разглядывать!

Какой там садик?! Крик до небес, оповещающий соседей об издевательствах над ребенком, когда ее пытались оттащить от роз и отправить в детское дошкольное учреждение.

А потом она плакала целый день, когда утром не увидела букета и взрослые ей объяснили, что цветочки умерли.

Посему вопрос о выборе профессии отпал сам собой, определившись изначально.

Разумеется, ботаника и все, что связано с растениями. На подходящий факультет и поступила Инга Валерьевна Исла без всяких заминок. И даже бурная влюбленность и роман со старшекурсником, закончившийся скоропалительной свадьбой по залету, и рождение сына никоим образом не оторвали ее от изучения любимейшего предмета, мало того, она параллельно стала изучать курс цветоводства в другом институте.

Закончив учебу, получив сразу два диплома, Инга поцеловалась с действительностью. Как вы

полагаете, сильно кому-то нужны были ботаники-цветоводы в девяносто девятом году? Ну, вы правильно думаете, это наивная Инга считала иначе.

Нет, они нужны, но разве что продавцами в цветочных магазинах или в теплицы, рабочими.

Никем иным Инга работать не хотела, до отвращения, до скручивания внутренностей, когда приходилось ходить на собеседования по трудоустройству, скажем, менеджером. Ах да, еще и муж не то просил, не то требовал, чтобы она окончила бухгалтерские курсы и стала помогать ему в становлении своей фирмы.

О-о-о! Своя фирма! Это еще та история!

Со всеми выкрутасами хитросплетений мужниного ума, слава богу, теперь далекая для нее.

Инга устроилась в Ботанический сад, младшим научным сотрудником. Ей не очень нравилось, «королевства было маловато» цветочного, хотелось чего-то прикладного, и она нашла место в Подмосковном цветочном хозяйстве, дышащем в те годы дыханием туберкулезника на ладан.

Но они всем коллективом энтузиастов, таких же увлеченных и влюбленных в свое дело, как она, старались как могли, боролись, придумывали что-то.

Но, но, но...

Вставать в пять утра каждый день, ездить метро-электричка-автобус раздолбанный, обратно тем же маршрутом часам к десяти вечера домой. Авральные выходные вместо зарплаты и воздушный поцелуй с приветом от начальства. Сына не видит, света белого тоже, муж так вообще стал фигурой мистической, суть призрачной.

Тогда папа через каких-то знакомых пристроил ее в новую развивающуюся фирму, имеющую сеть цветочных магазинов-ларьков-салонов, на должность главного специалиста.

С большой печалью расставшись с парниками и выращиванием, Инга стала работать на новом месте с меньшим энтузиазмом.

И начались командировки по договорам о закупках-поставках. Голландия в основном, но и Африка, как ни странно, и то же Подмосковье. Интересно ей было очень! В командировках пользовалась любой возможностью поизучать местную флору и в такие места шастала! Даже в горы как-то раз поднималась с проводником.

Но большая часть работы происходила в Москве. Благодаря идеям Инги фирма расширялась, предлагая все новые и новые услуги, заказы, доставки, формирование целых цветочных панно, участие в выставках, да много чего.

И все в нашем царстве шло своим добрым ходом, как водится, «пока!». А далее по сценарию злодеи из сказок чинят всяческие безобразия. Не обошло и Ингу в ее «сказке».

У нее сложились замечательные, уважительные и дружеские отношения с хозяином фирмы, Борисом Заварзиным. Ценил он ее необычайно, холил-лелеял, поощрял по работе всячески, никогда не забывая отметить новую удачную рабочую идею, — словом, берег это золото.

Но случилось у них расширение и набор новых кадров. На должность одного из флористов наняли молодую, энергичную, амбициозную девочку Оксану, только окончившую институт,

кроме прочего, еще и красавицу.

Она активно начала продвигаться по карьерной лестнице, принося неплохие толковые идеи, упорно трудилась, всячески доказывая свою значимость.

И очень хорошо, и всем бы таких работников! И поощряли, продвигали и додвигали до второго заместителя Инги по отдаленным филиалам.

Но начались у Инги Валерьевны какие-то странные дела и непонятки настораживающие.

Однажды проект, практически готовый, пропал из компьютера.

— Восстановите! — умоляла она компьютерщиков.

— Да как же его восстановить, Инга Валерьевна? Там ведь информации до фига! Видимо, перепад напряжения сильный был, вот и сбойнуло.

И пока она его из своих записей, эскизов-рисунков реанимировала, главный вызывает и с гордостью демонстрирует:

— Посмотри, Оксана Юрьевна проект свой предложила!

Оксана скромницей застенчивой глазки в полик опустила, румянец по щекам, а Инга обалдела — это же ее проект! Чуть исправленный, кое-что по мелочовке добавлено, но однозначно ее!

С девицей Инга разбираться не стала, дождалась, когда та выйдет из кабинета, победно сверкнув на начальницу глазами.

— Борис, это мой проект! — твердо заявила Инга. — Он у меня из компа исчез. Чуть исправлен, но мой!

— Да ладно, Инга, — не поверил главный. — Не будет же она так откровенно воровать! К тому же ты не одна над ним работала, все могут подтвердить, что это твой проект.

— Они и подтвердят, давай покажем!

Подтвердили, но не очень уверенно и пряча почему-то испуганные глаза. Инга недоумевала, что происходит! Но Борис ей в тот раз поверил и посоветовал:

— Надо присмотреться к ней. Ты вот что, Исла, прячь свои наработки, домой, что ли, бери, буду выделять тебе побольше дней проектировочных дома.

Инга совету хорошему последовала, и вообще стала внимательней к мелочам и к девочке Оксане, кстати, почему-то не получившей от начальника никаких нареканий и предупреждений за откровенный плагиат. Не хотел разборок на фирме? Ну, может.

А тут непонятным образом коллектив, с которым проработала душа в душу несколько лет, стал ее сторониться, смотреть подозрительно, разговоры обрывались, когда она входила, шепоток за спиной крепчал вместе с нарастающим Ингиным недоумением.

Да что происходит?

Она попыталась выяснить, беседовала с людьми, вопросы задавала — бесполезно! Ужами

уворачиваются, глаза отводят, лепечут что-то невнятное, с явным неприязненным оттенком к ней.

И надо же, именно в это время она находилась в процессе развода и выдворения мужа из своей жизни, поэтому и не уделила особой внимательности творящемуся на работе. А зря!

На одном из корпоративов, когда народец поднабрался, расслабился, она штирлицевой ученицей подседа к самой большой сплетнице конторской позадавать вопросы, а та и без них начала делиться информацией с большим чувством.

— Ты, говорят, Инга Валерьевна, скоро партнером в фирме станешь, — «секретничала» пьяненькая дама.

— Вряд ли, — повздыхала с намеком Инга, подогревая желание собеседницы откровенничать дальше.

Известно же, что страшнее ничего для сплетника нет, чем не поделиться добытыми сплетнями, для него самое главное — быть первым, кто «узнал» и рассказал остальным.

— Да ладно, не скромничай! — как с родной беседовала дамочка. — Говорят, ты жену Бориса подсидела, он тебе ее долю отдает.

— Да глупости все это! — возмутилась Инга, не выдержав роли шпионки.

— Может, и глупости, — прищурилась задумчиво тетка. — Но только вы с ним частенько вдвоем в кабинете задерживаетесь, а о чем там разговариваете, нам неизвестно, и разговариваете ли вообще или чем другим занимаетесь. Ты ведь потому и разводишься, чтобы его заарканить, это все знают.

Инга поняла, что надо срочно действовать, а то вся эта чушь грязная обрушится на них с Борисом. Она попыталась его найти, но охранники сказали, что главный уже уехал. Инга позвонила, но Борис телефон отключил. Ладно, в понедельник первым делом, как придет на работу, поговорит с ним.

Но не успела! Не успела....

Утром, когда Инга вошла в свою приемную, секретарь Вика аж подскочила с места, торопясь сообщить:

— Инга Валерьевна! Вас Заварзин вызывает! Срочно! Ужасно злой!

— И что ты так перепугалась? — утихомиривала секретаршу Инга, снимая пальто.

— Он сегодня такой страшный пришел! — полушепотом испуганным рассказывала Вика. — Орал ужасно! Случилось, наверное, что-то катастрофическое!

— Ну, Кремль же не рухнул, — резонно заметила Инга и поспешила к «страшному» начальству.

Секретарь Заварзина, обычно всегда доброжелательная и любезная, на Ингу даже не посмотрела, когда та прошла через приемную в кабинет.

— Вызывал, Борис?

— Проходи, садись! — с каменным выражением лица приказал он.

Инга села за длинный совещательный стол на стул рядом с письменным столом главного Борис кинул ей лист бумаги, ручку и проговорил тоном, не допускающим возражений:

— Пиши заявление об уходе!

— Почему? — максимально спокойно спросила она, пропустив удар сердца.

— Почему?! — взорвался гневом Заварзин и вскочил со своего места, оперся кулаками о стол и наклонился к ней. — Ты еще спрашиваешь почему?!

— Да, я хотела бы знать причину, — холодным, отстраненным тоном сказала Инга.

Он посмотрел на нее с настоящей, неподдельной, высшей пробы ненавистью, аж желваки на скулах заиграли, и резко сел обратно в кресло.

— Пиши заявление! Видеть тебя не хочу! — брезгливо заявил Борис и предупредил: — Запомни, Исла, я предательства и подстав не прощаю! Уволю по собственному желанию, дам тебе пособие выходное, как и полагается, только потому, что ты несколько лет проработала и многое сделала для фирмы!

— Борис Анатольевич, я имею право знать, за что вы меня увольняете, — настаивала Инга.

Ее начала бить мелкая предательская дрожь внутри, где-то в области живота, резко заболела голова, как стукнуло чем-то сильным в черепе, и похолодели пальцы рук.

— Ты ни на что теперь права не имеешь! — Его просто душили ярость и неприязнь. — И не надо передо мной тут непонимание разыгрывать! Все ты прекрасно понимаешь! Пиши заявление и иди отсюда, пока я тебя ненароком не зашиб! И через час чтобы духу твоего здесь не было!

И тут она сорвалась, как стрела с долго натягиваемой тетивы, ждавшей цели.

— Прекрати немедленно орать и унижать меня! Я не заслужила твоих оскорблений и угроз! Это, в конце концов, непорядочно и недостойно тебя!

— Непорядочно?! — взвился он, захлебнувшись беспредельным возмущением.

Порывисто открыл портфель, порылся в его недрах, достал какой-то лист и швырнул ей чуть не в лицо.

— На, читай!

И Инга прочитала.

На отпечатанном на принтере тексте некий «доброжелатель» сообщал жене Бориса Анатольевича Ольге, что его заместитель Инга Исла давно влюблена в начальника и делает все возможное, чтобы увести его из семьи. Что госпожа Исла признавалась коллегам, как сильно его любит, что специально развелась с мужем, надеясь выйти за Заварзина замуж. Что собирается стать его партнером, уговаривая Бориса Анатольевича передать ей долю жены в бизнесе, утверждая, что только благодаря ей, Инге Валерьевне, фирма процветает, увеличив объемы вдвое. Что Инга старается ездить с Заварзиным во все командировки, надеясь его там соблазнить. И что, когда случаются редкие форс-мажоры, именно она всегда остается с ним один на один в офисе под видом помощи. И много еще перекрученных фактов, трактуемых в

этом ключе.

Целый лист грязи различной консистенции и вони.

У Инги перехватило дыхание от жгучей обиды, брезгливости, непонимания и разочарования! Такого беспредельного, бесповоротного разочарования!

Она поднялась со стула, и, стараясь контролировать голос, чтобы не сорваться на крик, произнося слова чуть ли не по слогам, спросила:

— И вот этому ты поверил? — и тряхнула листком.

— Это вчера нашла Ольга в нашем почтовом ящике, — неприязненно объяснил Борис. — Она поверила. А я сопоставил факты. Мне раньше надо было к тебе внимательней присмотреться и прислушаться к тому, что говорят!

— Кто говорит? — четко выговаривая слова, поинтересовалась Инга.

— Многие! — ушел от конкретики Борис Анатольевич. — Меня предупреждали, что ты мечтаешь стать партнером и готова ради этого прыгнуть ко мне в постель!

— Значит, лживому анониму и всем слухам ты поверил? Сразу? Сомнительным разговорам и вот этой грязной писульке? — никак не могла вместить в разум такое Инга. — Ты не попытался поговорить со мной, узнать, чьей рукой состряпан этот пасквиль, кто и зачем обливает меня помоями, ты даже не попросил Андрея выяснить все обстоятельства!

— А что выяснять?! — резко сменив тон на устало-отстраненный, продолжал настаивать на своем Борис. — Это лишь подтвердило мои подозрения.

— Прекрасно! — отчеканила Инга. — Ну, я обязана познакомить тебя с доброжелателем, приславшим предупреждающее письмо твоей жене! Идем!

— Я с тобой никуда не пойду, Исла! — отказался Заварзин. — Пиши заявление, и покончим со всем этим дерьмом!

— Нет, — твердо заявила она. — Я не собираюсь так все заканчивать! Я знаю человека, который это затеял и воплотил в жизнь, и догадываюсь о его резонах. Ты бы не ногами на меня топал, смешивая с грязью, а на минуточку допустил мысль, что все, написанное в анонимке, лажа! Я-то уйду, а ты останешься с человеком, который умело тобой манипулирует! — И вдруг «наехала», не скрывая презрения: — Вставай! Идем! Будь мужиком! Обвинять и уничтожать подчиненную тебе женщину очень просто, попробуй хотя бы сохранить свое достоинство!

— Ты как со мной разговариваешь?! — взвился в новом праведном гневе Заварзин.

— Попридержи высказывания, Борис Анатольевич, потом стыдно будет, — предупредила она. — Идем, я знаю, чей это принтер распечатал, здесь характерные пометки. И, кстати, ты бы пригласил начальника службы безопасности, вопрос-то стоит о твоём и фирмы престиже и о финансах, если ты упустил сей момент.

Не дожидаясь Бориса, Инга развернулась и вышла из кабинета. Ее колотило всю так, что листок пасквильный, который она держала, мелко-мелко дрожал в руке, издавая характерный звук, когда она, гордо подняв голову, шагала через приемную, коридор, офис менеджеров, провожавших ее взглядом с горячим любопытством, в кабинет к Оксане Юрьевне.

— Добрый день, — поздоровалась Инга с Оксаной, смотревшей на нее настороженным, испуганным взглядом.

Но она быстро справилась с первой реакцией, удержала лицо, напустив надменности победительницы.

— Вы что-то хотели, Инга Валерьевна? — добавив немного презреньца в голосок, поинтересовалась девушка.

— Я бы хотела многое, — тяжело посмотрела на нее Инга.

Дверь у нее за спиной открылась и закрылась, пропуская Заварзина. Пришел, значит.

— Позвольте, — подойдя к девоньке, настойчиво согнала ее с креслица за столом Инга, села и, пощелкав мышкой, отправила на печать какой-то документ.

— Что здесь происходит? — предприняла попытку возмутиться Оксана, уж извините, Юрьевна, у Заварзина.

— Как насчет правосудия? — предложила вариант «происходит» Инга, подхватила лист из принтера, посмотрела и протянула оба листка Борису. — Что и требовалось доказать.

Он посмотрел тексты. Без комментариев, молча. Еще порассматривал, внимательнее, перевел взгляд на Ингу и сразу же на Оксану. В дверь постучали, и, не дождавшись приглашения, вошел Андрей Егорович, начальник службы безопасности. В маленьком кабинетике сразу сделалось тесно от его массивной фигуры.

Инга с кресла не встала, и трое, вынужденно стоявших, обратили вопрошающие взоры на нее. Правда, каждый со своим выражением на лице.

— Оксана Юрьевна, — обратилась сверхофициально Инга. — У вас два варианта. Первый: вы сейчас подробно объясняете, с какой целью устроили данную провокацию, и Борис Анатольевич сам решит, каковы станут ваши дальнейшие отношения. Вариант второй: я звоню своему хорошему знакомому, следователю прокуратуры, он приезжает и устраивает официальный допрос вам и всем сотрудникам. И выясняет, кто, когда и при каких обстоятельствах рассказывал им то, о чем вы так красочно поведали в анонимке. После чего по моему заявлению будет открыто уголовное дело о клевете, порочащей мою честь и достоинство, а также дело о материальном ущербе, нанесенном вами фирме. Под девизом борьбы со мной вы, Оксана Юрьевна, намеренно запороли два проекта. Нанесенный ущерб я просчитала и заверила в бухгалтерии. Разозлили вы меня всерьез, посему года три тюрьмы я вам гарантирую. Ну, и что мы выбираем? — закончила речь Инга, демонстративно доставая телефон из кармана пиджака.

— Ну да! Да! Это я! — став некрасивой от злости, «раскололась» Оксана. — Я хотела занять ваше место! Я знаю, что более достойна его! Я многое сделала для фирмы, и мои идеи интереснее ваших! И почему вам все?! И зарплата огромная, и поездки по поставщикам!

Инга встала, прервав пламенную, с элементами обвинения речь об индивидуальной душащей «жабе».

— То есть, как я понимаю, вы избрали вариант первый. Тогда будьте любезны, не отвлекаясь на лирику, подробно: что, кому и как вы говорили, каким образом крали чужие идеи, как уничтожали другие проекты. — Она посмотрела на Заварзина. — Прошу, она ваша.

И, отодвинув его с пути, вышла из кабинета.

Тем же манером — спина-струна, подбородок вверх, лицо Снежной Королевы — прошагала назад, в кабинет к Заварзину.

— Туда нельзя! — подскочила его секретарь.

— Сядь! — приказала, не останавливаясь, Инга.

Она взяла лист, который несколько минут назад начальник бросил ей в лицо, стоя написала заявление об увольнении, положила на стол и направилась к выходу, где ее и перехватил Заварзин, войдя в кабинет.

— Не уходи! — Борис ухватил Ингу за руку и потащил за собой. — Надо поговорить!

— Допрос Оксаны закончен?

— Нет, кается Андрею, пишет признание. — Он плюхнулся в кресло, заметил заявление и только теперь смог посмотреть на нее. — Инга, я не знаю, что сказать! Так лохануться!

— Всякое бывает, — обессиленно вздохнула она.

— А если бы ты не уперлась?! — представив возможную перспективу, негодовал он.

— Через год максимум ты бы на ней женился, такие девочки на полпути не останавливаются, — разъяснила «если бы» Инга.

— Ну, прости ты меня! — покаялся он. — Сама знаешь, у меня сейчас такая запара!

— Борис, у меня точно такая же запара! У нас с тобой она одна на двоих, если ты не помнишь! — высказалась наконец Инга. — У меня к тому же развод не самый легкий и разборки с мужем! Но если бы мне прислали нечто подобное и нашептывали всякие мерзости про тебя, я бы ничему ни на секунду не поверила! Даже сомнениями не баловалась бы! И выяснять сразу начала бы, кто и зачем гадит в доме!

— Ну, сглупил, признаю! Мой косяк! Но ты бы слышала, какой мне скандал вчера Ольга закатила!

— Ладно, — Инге стало и противно, и неинтересно, — все это уже вчерашний день, омытые камни. Подпиши заявление.

— Да ну, ты же не уйдешь? — не поверил он.

— Мы не сможем вместе работать, Борис. Ты будешь постоянно помнить, как чуть не подставился, как обложил меня, и я стану ежедневным напоминанием о том, что хочется поскорей забыть. Я с огромной радостью отдавала свои способности тебе и фирме, потому что ты был надежным тылом, классным руководителем и партнером. Я не смогу тебе больше так доверять. Прости.

— Давай напьемся, Исла! — предложил он, от безнадёги скорее.

— Это уже ничего не изменит, — вздохнула Инга, словно вагоны разгружала, так напереживалась.

— Не изменит, но скотство житейское притушит! Я вот думаю, что заявление твое хочу подписать, а не могу, на тебе ведь большая часть клиентской базы. Получается, что я тебя сегодня уже второй раз предаю.

Она отмахнулась от всего сразу: и от предательств, и от откровений его, теперь уже запоздавших.

— Значит, уйду без клиентской базы. Новую наработаю.

— Ты? — спросил он грустно. — Ты наработаешь. Факт. Куда пойдешь? Ведь тебе одна дорога: к конкурентам, ты же в строймонтаж не двинешь. Тебя уже сколько раз пытались переманить? Три? — и сам себе ответил: — Три. Перекупали, старались, а ты отмахивалась и внимания не обращала.

Она усмехнулась невесело — поздненько ты соображать начал, господин Заварзин, мог бы на пару часиков раньше об этом вспомнить. Борис заценил ее усмешку, понял. Подобрался, став вновь жестким, волевым бизнесменом.

— Я тебя отпущу, Инга. Ты права, нам трудно будет дальше работать. Передашь Коле дела-проекты, клиентов мне лично. Заплачу за три месяца и премиальные. И пристроить тебя помогу, пушу среди цветочников слушок, что боюсь, как бы не ушла, вроде намекала. Пусть они посоревнуются за тебя, зарплаты и бонусы побольше предложат. Да и ты выбирать сможешь.

Ну, понятно — горячий привет! Отступные за оказанное неудобство и ошибку, более ни на что не рассчитывай. Вот так, почти буднично, по-семейному — развод после скандала на кухне. Ну что ж, спасибо и за малое. По-хорошему, он не должен бы так ее отпускать — она слишком досконально была в курсе всех дел, секретов и особенностей конторы, чтобы переходить к конкурентам. Но Борис демонстрировал сейчас этим своим «помогу» уверенность в том, что она его не продаст.

Кстати, считай, подарок большой, что можно так спокойно, достойно уйти.

Знаете ли, законы бизнеса ведь еще никто не отменял. И дикий рынок тоже.

— Спасибо, — поблагодарила она, — пойду дела передавать.

Борис лишь махнул рукой, перебирая бумаги на столе, и, только когда она взялась за ручку двери, сказал по-человечески искренне:

— Жаль. Ужасно жаль, Инга!

— Да, — согласилась она, — ужасно.

— Вы сильно переживали? — спросил Стрельцов.

— Знаете, нет, — вспоминала она. — Конечно, первые дни, пока сдавала дела, во мне все кипело от обиды. Но я перешла в ту фирму, которая мне нравилась своими идеями, направлением, и работаю с удовольствием в ней уже пять лет. У нас гораздо больший спектр интересов и производство свое, цветы от луговых до экзотических выращиваем, да и в должности, и в деньгах я выиграла. И надо признаться, мне здесь лучше, чем на предыдущей работе, больше возможностей для роста и творчества. Да и урок я получила на всю жизнь:

дистанцироваться как от начальства, так и от подчиненных, никаких дружб задушевных, это только мешает и усложняет работу.

— А что с бывшей фирмой? — все спрашивал с интересом Стрельцов.

— Работает. Но без особого роста, почти на тех же позициях, что и пять лет назад. То есть, как ни странно, можно считать, что мне очень повезло, моя-то фирма за эти годы поднялась и развилась значимо и уверенно, вошла в тройку крупнейших.

— А барышня та, Оксана?

— Не знаю. В цветочном деле ее нет, по крайней мере, в тех фирмах, которые мне известны. Но такие девочки, как вы понимаете, никогда не пропадут и жизнь свою устроят по лучшему раскладу. Не удивлюсь, если она в Рублевском гетто королевствует.

— Да уж, такой ярко выраженный типаж, — поддержал Игнат и вдруг опомнился: — Инга, вы ж, наверное, спать хотите, время-то уж позднее?

— Да нет, — прислушавшись к своим ощущениям, поняла она. — Я сова по натуре. Люблю ночами работать, читать. Вот с ранним подъемом у меня полная беда, можно сказать, ежеутренняя пытка. Это вам, Игнат, спать необходимо, вы же намучились как, да и напереживались.

Обменялись они этикетными поклонами в вербальном исполнении, выказывая обоюдную учтивую заботу.

— Вот я как раз спать точно не хочу, — заверил Стрельцов. — У меня перепутались все часовые пояса, да и днем я выспался за всю командировку сразу.

— В таком случае, — предупреждающе посмотрела на него Инга, — ваша очередь рассказывать о своей работе. Дмитрий Николаевич говорил, что вы в Институте мостостроения работаете.

— Точно. В Институте мосто- и дорожно-транспортного строения.

— Так вы строитель или архитектор? — с неподдельным интересом принялась выяснять Инга и вдруг спохватилась: — Игнат, вы есть хотите?

— А давайте! — подумав, согласился Стрельцов. — Только, чур, ничего не разогревать и не готовить. Я там какой-то закусон купил и бутылочку вина, давайте под разговор-то?

— А и давайте! — поддержала с воодушевлением Инга, вставая с дивана.

Игнат тоже поднялся и прошел вместе с ней в кухонную зону, участвовать:

— Я помогу накрыть.

— Вы помогайте и рассказывайте, — порулила процессом Инга. — Так архитектор или строитель?

— Ни то и ни другое. Я начальник объединенных отделов научно-технической экспертизы.

Инга сунула ему в руки бутылку и штопор.

— Экспертизы чего?

— Материалов, конструкций, сооружений, изделий, проектов, почв-грунтов, ритма жизни водоемов, геологических особенностей районов, научных экспериментов, анализа флоры-фауны в местах строительства и многого, многого другого.

— Ничего себе! — восхитилась она.

Стрельцов отнес бутылку и бокалы, что она ему дала, на стол, вернулся, получил в руки блюда с разложенными на них деликатесами разнообразными, отнес-поставил. Инга протянула ему тарелки, ножи-вилки, плетенку с хлебом и сама, прихватив еще пару тарелочек со снедью, следом за ним направилась к столу.

Все. Сели. Стрельцов налил вино в бокалы и предложил:

— Может, раз у нас такие разговоры ночные, перейдем на «ты»? Тем более что мы, как утверждает Анфиса Потаповна, родственники.

— Легко! — поддержала Инга.

Они чокнулись, закрепив договоренное, обойдясь без пошлого брудершафта, отпили по глотку и, обнаружив, что оба прилично проголодались, принялись активно наполнять свои тарелки. А Инга подгоняла вопросами, без запинки душевной, влегкую, перейдя на единственное число в обращении:

— И как ты себе такую профессию выбрал?

— Так же, как ты, еще в детстве.

Все игрушки, попадавшие маленькому Игнату в руки, проходили тут же испытания на излом. Нет, не в тот же момент, сначала мальчонка машинку покатает, сосредоточившись на процессе, колесики покрутит, а уж после приступит к детальному раскурочиванию агрегата с тщанием, от усердия сдвинув бровки.

Мама роптала:

— Варвар какой-то! Может, ему только мячики и кубики покупать, их не сломаешь, не разберешь, разве что понадкусываешь от досады?

Но папа присматривался внимательнее к действиям сына. А однажды обратил внимание на замечание ребенка в магазине игрушек:

— Нет, папа, эту машинку не надо. Я у такой же посмотрел уже, что внутри, и понял, из чего она состоит.

Отец сообразил, что не в разрушительности хронической отпрыска дело, а в познавательном энтузиазме исследователя. И Дмитрий Николаевич принялся развивать это природное любопытство ребенка. На прогулках они ломали веточки, поднятые с земли, шишки, мяли листики, и папа пояснял, почему разные предметы по-разному ломаются.

Дома большую часть игрушек составляли всяческие моторчики, уже разобранные и еще не освоенные, кусочки каких-то материалов от пластилина, гипса, деревянных палочек до кусочков бечевки и тканей. В возрасте шести лет, когда Игнат уже бегло читал, особо не парясь изучением азбуки, появились детские книжки основной тематической направленности:

что из чего состоит и делается. Игнат мог часами ковыряться с какой-нибудь деталькой или замороженно разглядывать картинки в этих книжках.

Ну, как говорится, природа сама подскажет или промолчит. В случае Игната Стрельцова подсказала, проорав настойчиво.

В школе, в первом классе, ему было ужасно неинтересно. Читать он умел бегло, без запинок, умножать, считать влегкую. И начинал ребенок скучать и, непосредственный в своем волеизъявлении, мог запросто встать, бродить по классу или вообще выйти во время урока, откровенно не понимая, почему его учительница ругает и требует сидеть на месте, он ведь все задания уже сделал!

Педагоги, посоветовавшись с родителями перевели его из первого сразу в третий класс. Вот здесь ему поинтересней стало, да и задания побольше, посложней, нужда бродить по классу отпала сама собой. А уж когда пошли физика, химия, геометрия и алгебра, Игнат совсем как рыбка в родном пруду оказался.

Но ему и этого было маловато — вопросов к науке и мироустройству много в головушке умненькой, а ответов недостаточно. И стал ребенок учиться на специальных курсах по углубленному изучению физики-химии при институте. И там же, в институте, увлекся легкой атлетикой, понаблюдав один раз, как занимаются ею студенты на стадионе.

Понятное дело, в институт он поступил, в пятнадцатилетнем возрасте, как дорогу на светофоре перешел. Правда, возникла одна закавыка: гуманитарные науки Игнат своим интересом обошел. Но при поступлении это не сыграло трагической роли — сочинение на экзамене написал, имея врожденный слух к языку.

Благодаря крупному в том возрасте телосложению из толпы студенческой Игнат не выделялся, а живой познавательный характер позволял участвовать активной единицей во всех студенческих отрывах-тусовках, правда, тогда они по-другому назывались и не имели такого масштаба и возможностей для разгуляева, как нынешние времена.

Но общаги с пьянками-гитарами-девочками, утренней головной болью, и походы с палатками-байдарками-кострами, и легкоатлетические соревнования, и стройотряды, и секс шалопутный — все по полной, положенной программе прошел Игнат Стрельцов.

Разница между ним и однокурсниками обнаружилась лишь по окончании замечательного института, именуемого тогда ЛИСИ — Ленинградский инженерно-строительный институт. Стрельцов в свои двадцать лет — в аспирантуру, а остальные — по распределению страны на работу.

За два года аспирантуры Игнат защитил кандидатскую, попреподавав параллельно немного, но тут ему стало скучно заниматься чистой наукой. И наш непосредственный хлопец принялся предлагать себя, такого гоголя бесценного, в серьезные организации...

Это потом, спустя годы, он поражался тогдашнему себе и своей наивной уверенности, что его знания-умения нужны всем, как неожиданное богатство, свалившееся с небес чудом на голову.

То, что на дворе девяносто третий год и в стране происходит заваруха, которая очень напоминает жертву Альцгеймера в борделе, которая удивляется, что ее постоянно все имеют и не хотят за это платить, он как-то не учел.

И, тем не менее... тем не менее, его взяли, и по родной, любимой специальности, обойдясь,

правда, без аплодисментов восторженных, в отдел научной экспертизы в ленинградский филиал Государственного проектно-строительного и конструкторского института строительства мостов.

В яблочко! И наукой можно заниматься, и настоящим, прикладным, реальным делом, радовался перспективам Игнат.

Ага! Жизнь поржала над оптимизмом Стрельцова, покрутив выразительно пальцем у виска, и принялась обтачивать его, как карандаш точилкой, поучая реалиям.

Игнат, когда вспоминал себя того, двадцатитрехлетнего, поражался до глубины души своей имбецильной наивности и радости житейской. Какая наука? Какое строительство? Вот кто-нибудь из вас слышал о том, что у нас в девяносто третьем мосты-дороги строили? Нет, их, конечно, иногда строили, но кто, как и за какие деньги, сейчас даже школьникам понятно.

А так, чтобы всерьез, капитально и по науке, — фантастическая беллетристика!

Но, черт его знает, то ли Стрельцов такой фартовый был, то ли не затачивался категорически под негатив и проецирование на себя возможных худших сценариев жизни, но применение его знаниям-умениям и исследовательскому энтузиазму нашлось.

Правда, как выяснилось, несколько экстремальное, даже скорее не несколько, а критически экстремальное, с перебором.

Руководство института в те времена крутилось как могло, чтобы сохранить и коллектив, и работу, и уникальные научные наработки. Вот и брались за любые проекты по профилю. Одним из таких проектов стал договор с международной организацией о проведении глубокого анализа состояния мостов-дорог в отсталых странах. Назначили Стрельцова руководителем и принялись посылать в такие места...

Мама дорогая!

И где он только не бывал, и чего только не посмотрелся, и каких только страхов не пережил, хоть пособие по выживанию пиши!

В Африке пришлось ноги уносить всей группой от повстанцев, да еще героически спасти аппаратуру дорогостоящую. Отсиживались в какой-то заброшенной халупе трое суток, пока их не выручили правительственные войска. В Анголе чуть в реке не утонул вместе с оборудованием, еле выгреб, и два дня чапал к переправе по склизкой, разъезжающейся под ногами, размытой дождями грязи.

В Афганистане на их экспедицию натолкнулись наркоторговцы и держали под прицелами автоматов несколько часов, пока не врубились, что они собираются дорогу ремонтировать, — обрадовались! Хорошо, мол, дорога нужна, да еще как! По плечам дружески хлопали, угощали чем-то подозрительным, улыбались в бороды, словно и не пытались несколько минут назад пострелять мимоходом.

Да каких только засад, попадалова и фигни не случалось за эти годы!

Но деньги для института родного, Отечества и себя самого зарабатывать надо было и опыта уникального, богатого и разнообразного набираться.

Постепенно командировки стали менее экстремальными. Спокойнее, продуктивнее и

цивилизированной, с явным географическим смещением в сторону Европы. В двухтысячном году Стрельцов получил должность начальника отдела научно-технической экспертизы металлов и сплавов. Между делом и поездками по настоятельному требованию начальства защитил докторскую, основанную на своих наработках в разных странах. Материала у него накопилось выше головы, только компонуи и систематизируй.

Но наука в чистом, так сказать, виде, ради науки, Стрельцова теперь не увлекала, он больше прикладником хотел быть, для которого важнее конкретика в контексте проектных изысканий.

В две тысячи четвертом году их институт отпочковался от Главмостостроя и стал отдельной единицей, стремительно развивающейся и завоевавшей определенный вес в мировом масштабе. А в две тысячи пятом Стрельцова назначили начальником всех объединенных отделов научных экспертиз. Так и работает по сей день, по пути карьерном успев жениться-влюбиться, родить дочь и развестись.

— Есть куда еще расти? — начала расспрашивать заслушавшаяся его рассказом Инга.

— А то! Наука сейчас так стремительно развивается, только успевай изучать-внедрять, совершенствоваться. Я больше года проработал в Европе: Германия, Франция, Голландия, что-то вроде обмена опытом различных школ и направлений. А сейчас у нас потрясающий проект во Владике.

— Наверняка это ужасно интересно! — посверкивая глазами, рассуждала Инга.

— Интересно, — подтвердил он и усмехнулся, — и очень далеко от цветоводства.

— А в жизни все далеко от цветов! Ну и что! — живенько принялась дискутировать Инга. — Вот моя задача и состоит в том, чтобы как-то соединить цветы и нерифмованную жизнь.

— Инга, ты извини, — осторожно задал Игнат всплывший в сознании по аналогии с прозой жизни вопрос, — а чем болеет Анфиса Потаповна? Почему она в инвалидном кресле?

— Да ничем наша Фенечка не болеет! — рассмеялась Инга. — Прекрасно себе ходит, и зарядку по утрам делает, и променады у нас по два часа в день с весны до первых снегов.

— Почему она тогда в кресле передвигается? — недоумевал Стрельцов.

— Ну, это как раз из разряда тех погрешностей в избушке. Весьма характерно для нашего семейства.

— Придется тебе рассказать, — усмехнулся Игнат, предвкушая нечто неординарное.

— Как водится, все началось с мамы. Мама — это отдельная тема, в тонах психологического этюда. Она, конечно, замечательная, и мы все друг друга любим, но жить с ней — еще тот экстрим!

После смерти супруга, случившейся шесть лет назад, погоревав тяжело, повдоев год, Ангелина Павловна вдруг обнаружила, что осталась без любящего мужчины, который безоговорочно принимал ее такой, какая она есть. Осознание этого обстоятельства и чувство дискомфорта от одиночества послужили бикфордовым шнуром к тротилу для эгоцентризма Ангелины Павловны. И она посчитала себя вполне конкурентно достойным призом на рынке

невест.

Первые поиски настоящего мужчины завершились парочкой романов, стремительных по накалу страстей, как в начальном, так и без перехода наступавшем конечном этапе.

Третьим на горизонте возник Степан Иванович со странной фамилией Гардо. Язвительная Фенечка не преминула тут же подтрунить над дочерью, намекнувшей на серьезность отношений с данным кавалером:

— Гардо-Исла звучит как-то с подтекстником, ты не находишь?

Ангелина Павловна реагировала на высказывания и подколки Фенечки привычно однотипно — как движок на искру, — заводясь моментально!

— Мама! Прекрати свои шутки неуместные! Степан Иванович серьезный солидный человек, богатый и с репутацией! Не дай бог, он услышит твое ерничанье над его фамилией!

— А я по поводу твоей будущей фамилии прохаживаюсь, — ответствовала маркиза, посмеиваясь, — к его фамилии у меня претензий нет. Степан Гардо звучит весьма миленько, почти как Аполлон Васечкин.

Фенечка отрывалась любимым занятием подкалывать и доставать дочь, и делала это с большим удовлетворением, для чего у нее имелись свои весомые причины.

Степан Иванович пришел с визитом в их дом где-то через месяц после начала романа с Ангелиной Павловной. При параде, цветах, шампанском и с многочисленными сладостями, демонстрируя семье все лучшее в себе — манеры, намерения и денежно-должностную составляющую.

Инге с бабушкой он понравился! Ну, с поправкой на легкую иронию, — невысокий, чуть выше Ангелины, полненький, при животике, пухлых ручках, героической лысинке с респектабельной складкой на затылке, в убойно дорогом костюме.

Начальствовал где-то, на так и оставшейся туманно-непонятной кресельной должности. При деньгах! При деньгах, связях, легкой форме вальяжной надменности и самолюбования, лет немного за шестьдесят.

А в общем, неглупый мужик, с неплохим чувством юмора, обходительный и, что самое главное в том раскладе, — влюбленный в маму последней осенней любовью.

Ангелина Павловна блистала в роли обожаемой женщины, наслаждаясь ею и «аплодисментами» со стороны мужчины. Переехала к нему в палаты подмосковного особняка, с упоением пользовалась благами обеспеченной жизни и даже принялась почитать нравоучения Инге по поводу того, как правильно надо жить. Та отмалчивалась, посмеивалась про себя, Фенечка хохотала открыто на любую обучающую эскападу дочери и с удвоенной язвительностью шутила в ответ.

«Молодые» прожили совместными усилиями год, и что-то там у них не заладилось, закончившись маминым появлением на пороге с огромными чемоданами, которые, потея и отдуваясь, перетащил личный водитель Степана Ивановича.

— Непереносимая несовместимость характеров? — приподняв одну дворянскую бровку, «поздоровалась» с дочерью маркиза.

— Вот именно! — скидывая с плеч мантию, трагической актрисой водворилась в доме Ангелина Павловна.

— Ма, а что случилось-то? — попыталась внести разумность в этот балаган Инга.

— Он оказался весьма прижимист и требователен! — в роли, в роли, почти прекрасна, восседая за столом, поясняла «трагические» обстоятельства неудавшейся совместной жизни мама. — Жадноват. Да.

— Ты вроде бы при шубах, бриллиантах и именных марках, — напомнила Фенечка.

— Это все такая ерунда, мишура! — сыграла высокую духовность мимикой мама. — Мне хочется большего: простора, самовыражения!

— Спаси господь! — демонстративно перекрестилась Фенечка. — Куда же больше? Ты, Геля, суть сплошное самовыражение, исключительно публичное! Еще немного самовыражения, и получится бюстик.

— Мама, перестань! — привычно потребовала Ангелина Павловна. — Степан отказался заплатить продюсеру за мою главную роль в сериале! А это моя роль! Я знаю, как ее играть! Она словно для меня написана! И вообще, представляете, он считает, что мне надо уходить со сцены и посвятить себя дому, семье!

Бабушка с внучкой переглянулись многозначительно — представля-я-я-ют, отчетливо! Вот этого Степану Ивановичу делать никак нельзя было! Замахнуться на святое! Лажанулся мужик, прямо скажем. Накосячил.

Степан Иванович предпринял несколько попыток вернуть любимую извинительными подарками, уверениями в любви и покаянным «прости!». Маман не снизошла, высказав в присутствии семьи бывшему кавалеру претензию, раскрывающую всю его жадную натуру.

Степан Иванович обиделся и отступил.

Но ему требовалась реабилитация в глазах близких Ангелины и себя самого в первую очередь, добиться этого он решил красивым прощальным «подарочным» жестом.

Где-то через недельку, в воскресенье, когда все домочадцы находились в сборе, им привезли с особой торжественностью навороченное инвалидное кресло с мотором и кучей сопутствующих прибабасов. Следом за работниками, доставившими и начавшими распаковывать чудо-технику, вальяжно, старательно выверенно по времени, появился Степан Иванович и официально-уважительно сделал заявку:

— Анфиса Потаповна, я заметил, что у вас болят ноги, надеюсь, мой подарок облегчит вам жизнь.

В русле проникновенной речи он, как на сцене благотворительного аукциона, протянул бабушке инструкцию по эксплуатации и документы на агрегат, но на этом аттракцион небывалой щедрости не закончился.

— А это добавит радости в вашу жизнь!

И достал из переносного собачьего ящика совсем маленькую свинку и передал ее в руки прибалдевшей от происходящего Фенечке.

— Это мини-пиги. Миниатюрные свинки. Я выяснял, утверждают, что они невероятно смышленные и даже умеют подражать нашей речи.

— Благодарю, конечно, — опомнилась дворянским воспитанием маркиза. — Но не слишком ли это дорого? И неожиданно как-то.

— Я человек щедрый, — взял многозначительную паузу и выразительно посмотрел на покинувшую его возлюбленную Степан Иванович, — и могу себе позволить сделать подарок человеку, которого глубоко уважаю.

Засим и отбыл, довольный произведенным эффектом.

— Ну, нам всем кранты! — поделился весело умозаключениями Федька. — Живыми от маркизы теперь никто не уйдет! Особенно Ангелина!

Совершенно обескураженная происходящим, Инга, глядя на агрегат, цитаткой определила этот фарс:

— «Святая воля провиденья, актриса сделалась больна!»

— Хорошо! — утвердила Фенечка, усаживаясь в кресло.

Все дело в том, что бабушка хоть и пребывала в полной иронично-скептической разумности активной, но тело не поспевало за живостью ее ума. Ноги побаливали, и передвигалась она медленно. И самым большим поводом для недовольства жизнью и расстройств у Фенечки являлось то обстоятельство, что, пока она прищандыбает на звуки разговоров, разборок и происходящего в доме, разгар событий и важных заявлений-выяснений, как правило, уже идет к концу. Поэтому приходилось получать сведения путем расспросов очевидцев. Что Фенечку никак не устраивало и крайне печалило.

Федька прав! Теперь им всем кранты! Ничего не утаишь, да еще огребешь подколок и комментариев язвительных, особенно мама!

То есть дым коромыслом от баталий словесных был обеспечен им прочно и стопудово. Но все оказалось еще более засадно, чем можно было предполагать!

Первые дни они пугались и подпрыгивали от неожиданности, когда, сопровождаемая тихим жужжанием, Фенечка появлялась рядом. Через недельку-другую попривыкли и даже начали находить в этом достойный повод для смеха. Но еще и свинья! Вернее, кабанчик. Мальчик.

Маленький он был премиленький! Симпатяшка с розовым пяточком, вертлявый, смешной. Ага! Что-то типа троянского коня в мини-варианте. В мини-пиговском варианте.

Когда они первый раз оставили животное одно дома, то, вернувшись, обнаружили разрушения, близкие к катастрофе!

Каким образом этот кошмарик умудрился пооткрывать нижние кухонные шкафы, так и осталось загадкой. Но, не ограничивая себя в действиях и желаниях, кабан пробрался внутрь и вытолкал на пол все содержимое. И принялся по запаху и на вкус, методом пожирания, определять, что из этого изобилия ему особо нравится.

По всему полу кухни, коридора, комнат валялись перемешанные крупы, подсолнечное масло, мука, макароны, соусы, банки, одноразовая посуда — да все! Абсолютно все содержимое

шкафчиков!

А обожравшийся кабан мирно спал счастливым сном посреди коридора и не тихо, вонюче попердывал.

Несколько часов они скребли, отмывали, отчищали и ликвидировали это свинство. После чего Федька забурился в Интернет, выясняя подробности поведения мини-пигов и особенности их содержания.

Оказалось, не хотите получить увесистый шмат сала на ножках, полирующий паркет животом, — диета! И причем жесткое ограничение в еде. И вообще, не мешало бы стать членом клуба мини-пигов.

Стали.

Но тишь-блажь не наступила. С постепенным взрослением у кабанчика, которому до сих пор не дали никакого имени, начал стремительно меняться характер. Животина становилась требовательной и капризной день ото дня и... Не смейтесь — до маразма брезгливо-чистоплотной! Вот честное слово!

Он требовал, чтобы его мыли через день. Пробирался в ванную комнату и принимался стучать копытами и недовольно верещать, пока Федька не сообразил, чего он хочет. Грязные овощи и фрукты кабан не ел, обиженно, презрительно начиная хрюкать, переходя на визг, если обнаруживал неочищенные продукты в месте своего столования. Помытые, очищенные и порезанные на кусочки на чистой тряпочке — только так! Эстет хренов!

Научился выражать ушами, рыльцем, хвостом, всей тушкой и мордой целую гамму чувств. Фенечку выбрал подругой-хозяйкой, единственной, к кому он относился с неизменным уважением, Федьку определил в друзья, Ангелину Павловну практически игнорировал, а к Инге проявлял большую настороженность. Соображала скотина, от кого можно ждать беды на свое рыло. Правда, и ей «высказывал» критику.

Как-то ночью, дочитав увлекшую ее книгу, Инга отправилась на кухню попить воды, где застучала Фенечку, пришедшую своим ходом. И как она с любимой игрушкой рассталась?

— Ты как Васисуалий Лоханкин в ночном набеге на борщ, — заметила Инга. — Чего не спишь?

— Да какую-то белиберду о политике смотрела, оторваться не могла. Умора, взрослые, здоровые мужики, солидные, при галстуках и лысынах, а несут такую чушь несусветную!

— Ну и спала бы, чего на них смотреть.

— Так вот же! — согласилась она. — Инга, достань наливку? У меня в комнате закончилась.

— Что, за допингом среди ночи, Анфиса Потаповна?

Бабушка готовила потрясающую наливку. На их старой даче были заросли смородины и малины. Фенечка с соседкой Галиной Анисимовной, местной жительницей, вдвоем делали настоящую водку на имеющемся у соседки перегонном аппарате. Настоящую, по всем правилам. Колдовали, как два алхимика. На этой водке настаивались каким-то особым способом ягоды, из чего получалась потрясающая наливочка. Увы, как ни печально, но дача уже в прошлом, остались лишь запасы наливочные.

Фенечка иногда позволяла себе рюмочку, для чего держала в своей комнате бутылочку, как она говорила, «для бесконтроля и визитов».

Инга достала с верхней полки из ряда красивых разнообразных бутылочек одну и протянула бабушке.

— А что ты пешком?

— Так ходить полезно, — сдерживая улыбку, толкнула лозунг за здоровье маркиза.

— Да что ты говоришь? — «удивилась» преувеличенно внучка. — А рассекать на троне боевом? Или ты ночами расхаживаешь, чтобы днем отрываться заездом?

— Грешу, грешу, — призналась Фенечка. — И зарядку утреннюю не забываю. Вот весна придет, гулять буду.

— Да я уж заметила, что ты испытываешь особое издевательское удовольствие, раскатывая на троне своем, теперь всегда в теме и эпицентре событий.

Фенечка села за стол, налила в малипусенькую рюмочку, которую предусмотрительно прихватила с собой, наливочки, выпила и удовлетворенно заявила:

— Люблю себя в ралли!

— Эт точно! У нас теперь в доме сплошной Париж-Дакар! Мама уж бегать и прятаться начала от одного звука, когда ты едешь! — и немного повоспитывала старушку: — Ну что ты ее достаешь, подкальываешь постоянно? Раньше хоть догнать не могла, а теперь она, бедная уворачиваться не успевает.

— Потому что Геля прекрасный объект для данного занятия! — хохотнула Фенечка. — Я ее, как ты изволила выразиться, достаю с детства, уж скоро пятьдесят лет, пытаюсь отучить актерствовать в жизни и относиться к себе с юмором. Но она всегда так живо реагирует.

— Фенечка, отстала бы ты от нее!

— В моем возрасте не так много возможностей для веселья. А Геля все подачи принимает, трудно удержаться!

— О господи! — возроптала Инга. — Если раньше наша семья казалась просто странной, то теперь уж точно, сомнений нет, — филиал дурдома! С актрисой вторых ролей, маркизой на механическом троне и кабаном с претензиями!

— Большого ума животное, с характером, солидностью и добровольно взятыми на себя обязанностями по охране дома и слежению за порядком, — улыбнулась Фенечка.

— Моралью и нравственностью! — добавила Инга. — Я же говорю: дурдом! Ну подложил свинью, в полном смысле слова, Степан Иванович! Двойную, снабдив средством мобильного передвижения не в меру веселую старушку и приставив к ней кабана-охранника! Удружил! Отомстил сполна! И хряк-то наш на него похож повадками, такой же заподляк оказался, как и Степан Иванович!

— Кстати, хорошее имя для скотинки, — оживилась от удачной мысли маркиза. — А то ходит животное безымянной. Степан Иванович ему очень даже подходит! Гардо, пожалуй, было бы

перебором.

— Согласна, надо как-то увековечить, вернее, в морде, подлянку Степана Ивановича.

— По-моему, ты ворчишь, Ингуша, тебе это не идет. Да и согласись, стало намного веселей!

— Это точно! Веселей! — прислушалась к призыву и согласилась Инга. — И разнообразней! Свиныи за порядком следят, Геля от мамы на картинге по углам прячется, а мы с Федькой с тистами подвигаемся! Комедь!

Стрельцов хохотал, изо всех сил стараясь делать это потише, помня о спящих. Ему удавалось, потише-то, но с большим трудом, так забавно, ярко, в лицах и деталях рассказывала Инга.

— Анфиса Потаповна права! — утирая слезы смешливые, крутя головой, сквозь хохот нес Игнат.

— Что самое неприятное, она всегда права! — пожаловалась, смеясь, Инга. — Ну, в большинстве случаев.

— А почему у них такое противостояние с Ангелиной Павловной? — отсмеявшись, поинтересовался Стрельцов.

— Я бы не назвала это противостоянием. Просто мама, как бы точнее сказать, — она покрутила легонько головой, подбирая определение, — весьма своеобразная. Она всегда играет: и на сцене, и в жизни. Особенно в жизни, так как ролей у нее мало и никогда не было главных, вот она и добирала актерства в быту. Отец, дедушка Павел, любил ее без меры и баловал ужасно, потакал капризам и желаниям, а Фенечка героически с этим боролась. Мамулька очень добрая, далеко не глупая, и сильная, и интересная, но ей так удобней — вечная инфантильная девочка. А вот актриса, к сожалению, посредственная. Фенечка говорит: «Дарование есть, а талант приходится изображать». Вот они и буцкаются по жизни: Фенечка не теряет надежды заставить ее быть самой собой, а маму устраивает роль непонятой дочери, над которой постоянно издевается мать. Но я сильно подозреваю, что маме нравятся все эти бабушкины насмешки язвительные, потому что не дают расслабляться, держат в постоянном тонусе. Они никогда в жизни серьезно не ругались. А когда десять лет назад умер дедушка, Фенечка слегла от горя. Так мама ее на ноги поставила. Не отходила от постели, по врачам возила, следила за курсом лечения, отказалась от всех спектаклей и занималась только ею.

Инга тогда поражалась силе и упорству мамы. С какой уверенностью и настойчивостью, без паники, без сомнений она выхаживала Фенечку.

Мама всегда казалась Инге несколько поверхностной, несерьезной, как заигравшийся ребенок, не знавший ни в чем отказа. Она и не подозревала в ней такой душевной силы и даже умудрилась, не удержалась, высказала маме вслух свое удивление. А Ангелина Павловна ответила, спокойно улыбаясь:

— Знаешь, дочь, чтобы всю жизнь изображать недооцененный талант, точно оценивая свои способности, вечно играть вторые роли, выдерживать снисходительность и бряцание своими успехами других актеров, требуется иметь нечто непробиваемое внутри.

И Фенечка, уверенно идущая на поправку, на вопрос Инги ответила, удивившись:

— А разве ты не знала, что у Гели характер как кремь? Ты думаешь, я бы позволила себе шутить над ней бесконечно с подковыркой, если бы она была размазней? Да никогда! Геля из породы тех женщин, которые играют, пока есть зритель, готовый терпеть вечный театр, но если случается действительно что-то тяжелое, то тогда они становятся как скала, не победить!

— Ну, вот такие у них отношения. Своеобразные.

— Которые держат в тонусе не только Ангелину Павловну, но и всех вас, как я успел заметить, — поделился наблюдениями Стрельцов.

— Точно, — рассмеялась Инга.

— И тебе это нравится! — утвердил Игнат, рассматривая ее как-то по-особому.

— А то! — продолжала посмеиваться она. — Маркиза говорит, цитирую: «Инга, меня настораживает такая резкая перемена от буйствующей фигами всем девицы к житейской правильности. Не иначе, где-то в тебе черт притаился. Вот как выскочит, боюсь, полетим мы все клочками по закоулочкам!»

— А он притаился? — У Стрельцова аж глаза загорелись!

— А бог его знает! — сделав «загадочное» лицо, интригуяще заявила она. — Ты как считаешь, можно орать металлику, сверкать ягодицами из клепаных шорт, а потом стать добропорядочной матроной?

— Верняк, притаился! — заверил серьезно Игнат. — Фенечка ваша не зря опасается, может и бабахнуть!

Они непринужденно баловались словами, Инге невероятно нравилось и дурачиться с ним, и откровенничать, но что-то такое... из иной «оперы» блеснуло у него в глазах, и она почему-то испугалась. Ну, не совсем испугалась — насторожилась в некой форме вопроса-ожидания. Что-то там из женского либидо и отзова на невербальный мужской призыв. И она заторопилась отступить от начинавшей окутывать ее магии «мужчина-женщина».

— Ты прости, Игнат, можно спросить?

— При таком прологе мне следует опасаться вопроса? — уловил, считал ее «уход» Стрельцов.

— Я хотела узнать, почему вы разошлись с Мариной? Мне показалось, Маша обвиняет в вашем разводе больше ее?

— Да Маша всех обвиняет, — перешел на серьез Игнат, «отпуская» Ингу, — меня, мать, жизнь. Но, пожалуй, Марину больше, потому что она стала инициатором развода. Хотя если честно, то именно я, невольно, сделал все, чтобы мы разошлись.

— Я почему спрашиваю, — пояснила свою бестактность Инга. — У меня приблизительно такая же ситуация. У Федьки с отцом непростые отношения, даже скорее непримиримые. Я вот что думаю, Маша беременность не может быть результатом что-то доказать вам, в ущерб себе? Вроде излюбленного многими детьми: «Вот заболел, тогда пожалеете и плакать будете!»

— Уверен, что нет, — принялся размышлять вслух Игнат. — Мы сегодня с ней много и откровенно говорили, и я убедился, что ты была права, это как раз та история: «Ой, мы не

знали, что так получится!» Мальчик, цитирую: «прикольный, классный, с ним весело», чего оказалось достаточно для секса, и контрацепция у них порвалась. Представляешь?

— Отчетливо! — И мягко коснулась непростой темы: — Жаль, что у Маши сложные отношения с матерью.

— Это потому, что они живут вместе. Жила бы Машка со мной, у нас были бы такие же скандалы. Мы видимся по выходным, да и то не каждым, но, когда вместе, свою порцию подростковых взбрыков я получаю.

— Так почему вы с Мариной все же развелись?

— Несовместимые разногласия, как говорят американцы о разводе.

И, не испытывая душевного дискомфорта или конфузливости, Стрельцов рассказал об их с Мариной отношениях, попутно неожиданно для себя осознав, что еще ни с кем и никогда не обсуждал этого: ни с друзьями, ни с отцом, ни с той же Мариной, ни даже с самим собой. Странно, не правда ли?

Странно устроена жизнь! Каким-то непонятным образом из-за большой личной проблемы он оказался здесь и теперь легко и спокойно откровенничает с женщиной, которую знает всего сутки. Чудны дела твои, господи!

С будущей женой Игнат познакомился, когда оканчивал аспирантуру и готовился к защите диссертации. Марина работала у них в институте лаборанткой. Стрельцов сразу обратил на девушку внимание — высокая, стройная блондинка с голубыми выразительными глазами, припухлым по-детски ротиком, румянцем на щеках — красавица девятнадцати годов.

Он подсел к ней за столик в институтском буфете в обеденный перерыв, прямолинейно знакомясь, без лишних сопутствующих в таких ситуациях ужимок. Себя, двадцатитрехлетнего тогда, он чувствовал оцененной, интересной мужской особью, немного бравировал своей востребованностью у женского пола и добротной так любовался собой. Полный пакетник молодого самца.

Да и Марина его самооценку лишь повысила, восторженно поглядывая на институтскую знаменитость, о которой с придыханием душевным перешептывались все женщины кафедры: от студенток до преподавательниц.

Ну, еще бы! В двадцать лет уже институтский диплом имел, аспирантуру досрочно оканчивает и, говорят, кандидатскую не заметит как защитит.

Любимый ученик декана, и спортсмен, и на гитаре играет-поет, да и симпати-и-ичный! А что еще девушкам молоденьким для обмирания надо — весь набор, даже с перебором, получите!

По сути, Игнат-то понимал, что ничем особо выдающимся не отличается от остальных. То, что раньше школу окончил, так это большое спасибо бабушке, которая занималась с ним тихими развивающими играми, благодаря чему легко и весело научила еще в пять лет читать, а потом и считать. И отцу спасибо, что вовремя заприметил тягу ребенка к познанию мира и поощрял, углублял предрасположенность характера, стремящегося обязательно докопаться до сути вещей. А то, что хобби, можно сказать, подготовило и направило к выбору профессии, так это повезло по жизни.

Ну, нравилось бы ему в детстве лепкой заниматься или наряды куклам шить, где бы он сейчас был и кем? Вот то-то. Повезло, одним словом.

А так человек обыкновенный.

Ничего подобного, разумеется, он Марине не объяснял, и не намекал даже, а ровно наоборот, пользовался с удовольствием сложившимся имиджем и утвердившимся мнением окружающих о нем, да еще всячески значимость свою чисто по-мужски подчеркивал.

Очаровывал девочку. И весьма успешно.

Игнату нравилось, что она такая целеустремленная, приехала из-под Выборга, из маленького городишки, учится на вечернем, работает лаборанткой, и не тянет ее в модельную кутерьму, срывающую в тот далекий девяносто третий год крыши всем девочкам страны.

Тогда же первый бум был всяких «миссок из села Беспролазное» и «мисс Вселенная Гороховского района» с мужиками похотливыми в жюри.

А эта нет! И внешность убойная, всех бы победила, а фигурка! А волосы до попы естественного, родного, почти белого цвета! И не хочет она мисской быть, хочет образование получить!

А он поможет! А как же! Рыцарь влюбленный, а дама в стесненных жизненных обстоятельствах.

Влюбился Стрельцов сразу. Об их романе, бурном, шумном, жарком, но без скандала, знал весь институт.

Поскитавшись пару месяцев по общежитским и друзей-приятелей койкам, решили жениться, хотя бы для того, чтобы спокойно и регулярно заниматься любовью в собственной кровати.

Родителей Игната выбор невестки не удручил, но и в восторг не привел, отделались неясным: «Тебе с ней жить, ты и решай», но свадьбу справили достойную, со всей полагающейся данному мероприятию мишурой.

Стрельцов на всю жизнь запомнил один неповторимый момент, оставшийся яркой короткометражкой в памяти.

Они летели с Мариной в Сочи, первый раз вдвоем, на третий день после свадьбы, в медовый месяц. Она задремала, положив голову ему на плечо, а Игнат смотрел в иллюминатор. Самолет, накренившись на крыло, сделал поворот, и картина за бортом преобразилась, изменившись сказочно, — кипенно-белые облака вдруг окрасили золотистым ореолом лучи садящегося солнца, а на неправдоподобном небе цвета индиго засияла полная луна. Солнце — луна — облака. У него дух захватило от красоты божественной какой-то. Игнат повернулся к Марине, хотел разбудить, разделить с ней этот восторг. Но она так мирно, безмятежно спала, улыбаясь во сне, — чуть подрагивали реснички, выбившийся из прически локон упал на щеку, губки припухли от их бесконечных поцелуйчиков. И Стрельцов почувствовал, что вот это и есть настоящая красота в чистом виде!

Спящая у тебя на плече любимая женщина!

Почему-то навсегда в нем запечатлелся тот момент чем-то истинным — невероятная, потрясающая небесная красота природы за бортом самолета и не уступающая ей земная красота женщины.

Жили они вместе с его родителями, вроде бы неплохо, скандалов-выяснений не происходило ни разу, нюансы, естественно, имели место, а как же без них. И две хозяйки на кухне, и разные уклады жизни: у Стрельцовых свой, у Марины свой, и непонимание сторон. Но притирались как-то.

А тут Игнат ушел из института в Строймост. И что в институте денег было фиг — ребята, девяносто четвертый, какая наука?! Что на новой работе, ну, два фига!

А Марина сообщила, что беременна, к всеобщей радости. Порадовался мальчик Стрельцов предстоящему отцовству и глубоко, скорбно задумался: где денег-то на эту радость брать?

Он к начальнику — помоги, Михаил Захарович! Любые подработки, любой левак — жена беременна! А Михал Захарыч от досады только зубами скрипнул, кривясь, как от яду.

— Да какие подработки, Игнат! — махнул досадливо рукой. — Не бедствуем, конечно, так уж, чтобы пальцами подтираться, но и на икру красную не зарабатываем!

— И что, мне бригадиром на объекты выходить?! — психовал Стрельцов.

— Да ладно тебе, не кипятись! — пугался его решительности Михаил Захарович. — Есть у главного сейчас один проект, переговоры с заказчиками ведет, денег конторе нашей хороших поднять. Дак он, главный-то, у меня под него специалистов потребовал неженатых. Вот, думаю, Савушкина да парочку младших научных бессемейных пошлю.

— Что за проект? — оживился Стрельцов.

— В том-то и дело, что маета одна командировочная, и опасная к тому же. Выиграли мы заказ полной экспертизы мостов и связующих дорог для парочки африканских стран беспокойных. У них все коммуникации от боев бесконечных порушены, а сейчас, пока там относительное затишье, международная организация выделяет финансирование на восстановление основных магистралей, естественно, требующее предварительной серьезной экспертизы. Тендер на экспертизу выиграли мы.

— Я поеду! — заявил Стрельцов.

— Да ты себе представляешь, что это за жопа?! — расшумелся Михаил Захарович. — Там бои идут перманентные, повстанцы дикие, никакой связи практически нет, голод, болезни, условия не просто полевые, а фронтовые! Да и экспедиция предстоит не меньше чем на полгода! Жена тебя только во сне будет видеть, да и ребенок без тебя родится! А про риск я даже не говорю, огромный!

— Но заплатят-то хорошо? — выяснял Игнат.

— Да, хорошо! Не просто хорошо, а очень даже! Только если тебя там уконтрапупят, тебе это до лампочки будет! — продолжал бушевать начальник.

— А ты знаешь, Михал Захарыч, сколько детская кровать и коляска стоят? Нам, конечно, родители мои помогают, но и у них не от рэкета доход, а оклады!

— Ладно, Игнат, — тяжело, безысходно вздохнул Михаил Захарович, — ты посоветайся с женой, родителями, а я приказ о назначении придержу. Даю два дня.

Игнат посоветался, послушал дельного совета начальника. Мама в слезы, отец расстроился,

Марина надулась обиженно.

— А ты подумал, как я учиться буду, если ты уедешь? — со слезами наехала она.

С первых дней Марина тяжело переносила беременность: токсикоз непроходящий, боли, перепады истерические настроения. А у нее третий курс института, самый трудный. Она и так-то не блистала в учебе, всегда с хвоста жиденькими троечками, пересдачами, а тут работу никто не отменял, и беременность тяжела.

— Может, тебе академку взять? — предложил Игнат.

— Может, и взять, — размышляла она, перестав плакать, — но как я потом с ребенком на руках учиться буду?

— Родители помогут, бабушку попросим посидеть с ним.

— А знаешь, — задумчиво свела брови молодая жена, — тебе надо ехать! Ну, где мы еще такие деньги заработаем? Ты езжай, Игнат, точно. Такие заработки дважды не предлагают, и на дороге они не валяются!

Родители на вторичном совещании высказали серьезные сомнения по поводу необходимости этой поездки.

— Да при чем здесь деньги?! — уговаривала мама. — Что мы, втроем не справимся с жизнью и ребенком? Зачем голову свою подставлять и риск такой?!

Отец отмалчивался, только головой крутил. Марина неожиданно начала настаивать на командировке, аргументы, касающиеся заработка приводила, убеждая родителей. Игнат послушал, послушал их дискуссию и закрыл, сообщив, что решил ехать.

А Михаил Захарович обрадовался, не скрывая, что Игната пошлет:

— Понимаешь, нам надо себя проявить и показать институт самым наилучшим образом, чтобы заказы на наших специалистов косяком шли, а Савушкин слабоват для этого. Руководить не умеет, да до тебя ему еще жопой по лесу учиться и учиться!

Пришел домой Стрельцов и сообщил: через месяц улетает, уже проходит медицинское обследование, прививки обязательные делает, успеет ли вернуться к родам, неизвестно.

Марина в слезы, и почему-то на сей раз на одну тематику: как она учиться будет этот год без его помощи.

— Я все сделаю! — твердо пообещал Стрельцов, разозлившись.

О вполне реальной опасности, угрожающей его жизни, она не плачет, не беспокоится, а переживая за учебу свою, прямо изрыдалась!

Навестил Стрельцов родную альма-матер, договорился по старой дружбе и уважухе. Вошли в его положение и Марину пожалели, все-таки она их сотрудница. Игнат взял задания по предметам, все курсовые, рефераты, лабораторные работы за третий курс. Посидел пару недель, сделал сам — сложил стопочкой Марине, чтобы сдавала по мере поступающих требований. Договорился с преподавателями, что разрешат ей выучить к экзаменам билетов по пять, не больше.

Марина, провожая мужа, плакала, целовала благодарила. Так и улетел — зацелованный благодарно и облитый слезами.

Хотя бы где, чего, намеком каким подозревал Игнат Стрельцов, во что с разбегу вляпается! Полный караул, на грани выживания! Жара под пятьдесят градусов в тени, сплошная красная песочная взвесь вместо воздуха, общение с государственными африканскими представителями на смеси русского, который они изучали в России, и почти непонятого английского. Короче, разговаривали в основном с помощью жестов.

Группу сопровождали выделенные для охраны правительственные военные. Но стоило отъехать от столицы на десяток километров, как они куда-то испарились, как выяснилось потом, занятые своими незаконными делами. Оставили парочку пацанов с малоубедительными карабинами, а сами рассосались по саванне вместе с командиром.

Кошмар все больше пугал своей натуральностью!

Динамомашина стопорилась с периодичностью раз в два часа, перегреваясь от жары, забиваемая песком, перегоняемым ветром, как коллоидная субстанция. Аппаратура часто не работала, практически все приходилось делать, просчитывать-выверять, вручную.

Ночью жгли костры у палаток и, холодея до спазмов желудочно-кишечных со страху, прислушивались к звукам саванны: львиным рыкам, непонятному шуршанию, лаю, писку-крику разнообразных тонов и оттенков. Страшилки, одним словом.

Попривыкли за месяц-то. Как-то вышло на их стоянку племя аборигенов, вооруженных копьями и ружьями. Черные до жгучести, красивые, высокие, стройные. Ни к кому из группы не обратившись, сели на корточки вокруг лагеря и несколько часов наблюдали за ними, переговариваясь короткими фразами между собой. Интересный такой у этих людей был язык, похожий на птичий клекот.

Посидели, встали и растворились в мареве садящегося солнца, словно их и не было. А Стрельцов с ребятами туханули! Мало ли чего можно было от них ожидать! Посидели бы, посидели, что-то им не понравилось, и постреляли бы из винтовочек, да легко!

Много с Игнатом и его товарищами в той поездочке подобных ужастиков случилось — и интересно до нетерпеливого азарта, и жутко до оторопи!

Семь месяцев провел Стрельцов со своей группой в Африке. И наука тебе, и практика, да такой полной ложкой, что большой вопрос, как не захлебнулся!

Вернулся он в Питер, а дочке Машеньке уже месяц. Вот так накомандировался!

Денежек привез, правда, и предприятию, и Родине, и себе.

Но чего это ему стоило!

Последствия такой жизни, как и после радиационного облучения, проявляются через какое-то время. Стрельцов подсел, что называется! Как завсегда с тяжелой зависимостью!

Ему ночами снилась бедовая жаркая Африка!

Марево на горизонте, цепляющееся за редкие акации кроваво-красное садящееся солнце, стадо пасущихся зебр, запах саванны, пыль на зубах, львиный рык недалекого прайда,

дрожание земли от бега носорогов, ночное завывание гиен.

Игнат просыпался, подскакивал с кровати, не понимая, где он: еще там, в первобытной, завораживающей Африке, или дома, в мурашечно-стылом Питере.

Не успел привыкнуть, акклиматизироваться, утрясти спокойствием разум, а его в новую командировку, на сей раз в тропическую часть Африки, не менее «приятную» своими внутривосточными разборками.

И понесла жизнь Стрельцова по перекатам исследовательским! И где только не таскала, закаляя! Опыт Игнат приобрел уникальный, это факт. Такие научные и прикладные знания-умения невозможно получить ни в каких лабораториях. Ни-ко-гда! Редкостные, бесценные, единичные в своей области.

Тоже факт.

А уж то, что перекроило его как личность теми испытаниями, закалив стержень мужского характера до булата в ситуациях, которые преодолевают только божьим чудом, фартом благословенным и матом трехэтажным, это и доказывать не надо — стоит в зеркало глянуть.

Совсем другой человек смотрел на Стрельцова оттуда. Все теперь в нем оказалось иным: взгляд, выражение лица, мускулатура, не в спортзале накачанная, а истинная, добытая в преодолении природы-матушки.

Девять лет так промотался. Девять!

Плавню перейдя от первых командировок в режиме беспредельного пограничного экстрима к более спокойным, продуктивным и цивилизованным. И в строительстве в других странах участие принимал по специальности «экспертиза».

Как Машка выросла, не видел.

У-сю-сю, обнимашки-целовашки, куча гостинцев, с рук не спускал, домой возвращаясь, прямо с порога, она садик-школу пропускала, когда папа приезжал, чтобы вместе все время находиться.

Ну, побудет, денег Марине выложит, подарками засыплет, передохнет, отоспится, отчитается на работе — и привет, далее к новому месту назначения!

Но ведь зарабатывал! В те-то годы! Да еще как!

Пока он там катался на командировочном пайке, Марина с родителями его зарплатки поскирдовали и купили молодым квартиру. Жена за это время и институт окончила. Игнат ей в свои приезды и все работы делал, и диплом рассчитал-написал-начертил, и о защите успел договориться с ее куратором, подкинув тому материал уникальный, привезенный Стрельцовым из поездок, по теме его диссертации.

А Марина, посидев несколько лет дома в удовольствие, давно устроилась менеджером в интересную фирму и начала неплохо зарабатывать. Вроде бы отпала такая крайняя необходимость в надрывочной командировочной жизни Стрельцова.

Да и повысили его, назначили начальником отдела экспертизы материалов-сплавов, что больше кабинетного сидения требовало.

Стрельцов в новой должности и покабинетствовал с годик, придя к некоторым неутешительным житейским выводам. Не получается у них с Мариной семейная жизнь!

Оказалось, что жену свою Игнат не знает вообще!

Как он изменился до перевоплощения, так и она за это время. Где-то там осталась та девочка девятнадцати лет, голубоглазая блондинка с восторженно-влюбленным взглядом. Марина превратилась в уверенную, самодостаточную женщину с налетом цинизма и собственного знания житейского.

— У тебя там были любовницы, Стрельцов, в командировках-то твоих? — спросила она ночью, остывая от горячего секса.

Провокационный вопрос жены после более десяти лет несовместной жизни.

И как вы думаете, что должен на это отвечать мужчина? Муж? Любой ответ жену не удовлетворит: скажешь «да» — скандал с вытекающими, «нет» — не поверит, а итог тот же — скандал с последствиями.

Стрельцов, по всем законам мужской эгоистичной самости, жил себе в своем азарте, увлечении наукой, поездками, не задумываясь — а как там жена живет? И как у них с ней жизнь складывается? А как она без него?

А тут, вишь, завис больше чем на год в Питере, и повылазили наружу черной ниткой наметки на белом житейском полотне все нерешенные проблемы, отодвигаемые на потом.

«Потом» наступило, а вместе с ним и расплата, начавшись вот этим вопросом, словно выстрелом крейсера «Аврора» по Смольному.

И что? На такие вопросы надо отвечать?

А вы уверены?

Он вроде бы на целибат не подписывался и религиозностью канонной не обременен, а пребывает в сексуально активном возрасте здорового мужика! Разумеется, ни о каких сексуальных «леваках» в странах, отягощенных политически житейским беспределом, и речи не могло быть. Но последние несколько лет Стрельцов работал в цивилизованном мире, случались там и встречи с женщинами. Редкие, единичные, но случались. Вот уже больше года Игнат дома, и Марина прекрасно знает, что он только с ней и на сторону не заглядывает. Зачем?

Он встал с кровати одним рывком, натянул трусы и пошел в кухню.

А куда еще ночью уходят люди от вопросов глупых?

Разумеется, она пришла следом за ним. Вопрос же повис безответно, а это для любой женщины отмашка к разборкам, зеленый свет, стартовый выстрел к началу скандала.

— Значит, были! — утвердила Марина, садясь за стол напротив него.

Некурящий мужчина такое дело запивает крепкоалкогольными напитками. Стрельцов к моменту ее прихода бутылку коньяка на стол поставил и уже плеснул себе в пузатый бокал, выпить не успел, отчего разозлился еще больше.

— У тебя, Марина, пока я в командировках пропадал, мужики были? — суровая от неизбежности разговора, спросил он встречным поездом.

А она не ответила. Глаз суетливо не прятала, румянцем щек не окрасила, смотрела чуть надменно, улыбаясь уголком губ.

— Значит, были! — понял Стрельцов, запил одним махом утверждение коньяком, поставил бокал на стол и спросил: — Претензии?

— Мы с тобой стали посторонними, незнакомыми людьми, Стрельцов, чего тебе мои претензии высказывать. Я честно пыталась этот год привыкнуть к тебе заново, но ты относишься ко мне, как к чужой. Правда, один плюс в твоих долгих отсутствиях все же есть — трахаешься ты совершенно потрясающе! Оттого, что мы виделись месяц-два в году, все в любовниках состояли.

— Марин, ты к чему всю эту бодягу начала? — скривился от ее грубости Игнат.

— К чему начала, не знаю, от обиды скорее всего, а закончить хочу разводом, — разъяснила она.

Встала, взяла с полки бокал, вернулась на место, Игнат налил им обоим. Она достала из холодильника нарезанный лимон, сыр.

Понятно. Непострадавшими им уйти спать не удастся.

— Зачем тебе развод, Марин? Или у тебя любовь какая? — устал еще до начала беседы Стрельцов.

— Нет. Без любви пока живу. Но зачем нам вместе, Игнат? Ты меня не знаешь, я тебя. Мы стали другими и жизнь разную прожили. У меня к тебе масса обвинений, тебе скорее всего это безразлично.

— Так, может, нам начать все сначала? — попытался что-то залатать-склеить Стрельцов. — Институт наш стал отдельной компанией, меня назначают главным над всеми экспертными отделами, буду в обойме руководства фирмы. Зарплата стабильно высокая, больше никаких поездок длительных, кабинетная работа. Ну, трудные годы для нас обоих были, так давай попробуем новое построить, учиться жить семьей, Машку растить, может, еще ребенка родим.

— Машку растить надо было раньше, сейчас уже поздно, она и без тебя выросла. А для того чтобы семью создавать, не мешало бы любить друг друга. Ты меня любишь, Стрельцов?

И что? И на такие вопросы надо отвечать? Женщины, а вы уверены?

Или маниакальная упертость толкает вас туда, где вам совсем быть не хочется?

— У тебя тон атакующей жертвы, — сказал Стрельцов как-то безысходно. — В чем ты меня обвиняешь?

— А ты не понимаешь? — сбилась со спокойно-устойчивого тона на нажим Марина.

Кстати, тоже любимейший идиотский вопрос женщин! Как, ты не понимаешь?

Нет, бля, не понимаю, иначе не спрашивал бы! Что я могу понимать в твоих трагических придумываниях?!

— Ты выскажись, для полной ясности! — немирным баском предложил Стрельцов и отхлебнул коньяка.

— Не надо изображать непонятыша, Стрельцов! — завелась, как мопед от тычка, Марина. — Ты ни муж, ни отец — никто! Приходящий раз в год дядя с подарками! Дитю памперсы с конфетками, бабе секс до обморока, и привет! Нет его! Отметился! Призрак! Летучий голландец! А то, что жизнь надо жить, ребенка растить-воспитывать, — это ему по барабану!

— Ты не заводись так, Марин! — остудил холодно Стрельцов, но желваки на скулах заходили. — А то, что у нас квартира отдельная есть, машина, ездили вы с Машкой на курорты по два раза в год, и одеты мы не с рынка, в китайское шмотье, и евроремонт сделали, и сидела ты дома спокойно несколько лет, копейки никогда не считала? Это не от Санта-Клауса появилось.

— Мне муж нужен, а не барахло всякое! — отмахнулась от аргументов Марина.

— А у тебя есть муж, если ты не заметила! — рявкнул в ответ Стрельцов.

— Не заметила! Вот именно! Нету тебя! Ау! Стрельцов, где ты? А в ответ тишина! И так десять лет!

— Но сейчас-то я здесь и никуда не собираюсь, Марин, — примирительно сказал Игнат. — Я все понимаю, тебе было тяжело, но ведь родители мои помогли во всем, и с Машкой, и с работой, ты же не матерью-одиночкой жила. Мне тоже досталось выше крыши, но времена самые трудные, самые безнадежные мы прошли, пережили. Ты же помнишь, я именно для того, чтобы мы не нуждались, и подписался на эти поездки. Но теперь-то все наладилось, надо постараться наладить и наши отношения.

— Да ничего уже не наладишь, Игнат! Ты думаешь, я не видела, не понимала, как ты маялся дома и как у тебя глаза загорались, когда ты уезжал? Тебе это нравилось, ты кайф ловил! И не надо мне рассказывать про тяготы твоих командировочных будней! Все ты успевал: и работать, и по бабам таскаться. Жил в свое удовольствие!

— Все! — хлопнул ладонью по столу Стрельцов, вставая.

От неожиданности Марина вздрогнула и посмотрела на него испуганным, обескураженным взглядом. Что значит «все»?

— Я согласен на развод, — уведомил Стрельцов.

И вышел из кухни. Одежда, покидал в чемодан какие-то вещи, потревоженным хищником шастая по квартире, но тихо, чтобы не разбудить Машку.

— Ты куда? — неверяще смотрела во все глаза на него Марина.

Он не отвечал, боялся, что сорвется и наорет или такого наговорит, о чем потом жалеть будет.

— Игнат, не глупи! — принялась увещевать мужа Марина, осознав, что он уходит бесповоротно.

Он ушел, так ничего ей и не сказав. Да бесполезно потому что! Что она хотела доказать тем разговором? Что выяснить? Чего ждала от него?

Любимая женская житейская позиция: я хорошая, правильная, а ты — сволочь мужская, меня

обижающая, и я тебе это докажу — растолкую, объясню, донесу до твоего тупого разума, пока он набекрень не свернется!

Ну что, наобъясняла, растолковала, счастлива стала? Себе все испоганила, мужику душу наизнанку вывернула, да так, что он видеть больше «любимую» не может!

Чего хотела-то? Чего? Правой быть? Ну, будь!

Развелись не сразу. От неизбежности развода, от непонимания, как он умудрился угробить семью, любовь, сбегая от самого себя, Стрельцов принял интересное предложение генерального поработать в Европе, как представителю своего института, по совместному проекту, предполагающему сотрудничество и обмен научным опытом в нескольких странах. Сказал Марине: разводись, делай что хочешь, не дав себя втянуть в очередное разбиралово, и уехал.

Машка гостила у него все лето, хулиганя, они еще и сентябрь учебный прихватили. Игнат возил дочь по всей Европе, и так им было весело-здорово вдвоем! Когда отец работал, Машка общалась с ровесниками под присмотром нанятой Стрельцовым гувернантки, совершенствовала свой английский и зачатки французского.

Вернулся в Питер. Позвонил Марине: пошли разводиться. Та закатила истерику, принявшись обвинять его, что он их бросает. Как, не понял Стрельцов, ты же сама настаивала.

— Ну и что! — обвиняла она. — Ты меня обидел, обижал все эти годы! Я хотела, чтобы ты извинился, признал свою неправоту! Неужели ты не понял?! Что ж теперь сразу разводиться! А о Машке, обо мне ты подумал?!

В таком вот ключе.

Жить он с ней не может. И не будет. Ее желание, чтобы оставшуюся жизнь он провел в коленопреклоненном положении, вымаливая прощение неизвестно за что, — извините, для него это неприемлемо.

Развелись. Как и не жили. А и не жили, что ж лукавить.

Он оставил жене с дочерью все, презрительно названное Мариной барахлом. Влез в кредит и купил себе квартиру. Марина разговаривала с ним теперь исключительно требовательно-истерично и только на одну тему — Маша.

Грустно, не грустно? Не поймешь.

Стрельцов, часто лежа ночами без сна, думал, где растерял любовь к жене, то чистое, красивое чувство, которое испытал тогда в самолете? На что разменял? Где оно рассыпалось и закатилось потерей? В знойной африканской саванне, или в удушающе-липких, влажных джунглях, или в пыли афганской, или в переулках цивилизованной Европы? В не обязующих ни к чему редких объятиях женщин, случайно залетевших в его жизнь? Что любил он? Что потерял?

Безответно, как в небо господу.

Думай сам. А любил ли вообще?

— Как ты говоришь? — грустно спросил у Инги Стрельцов. — Нерифмованная жизнь? Вот именно она.

— Маше, наверное, очень тяжело? — тихо произнесла, сочувствуя, Инга.

— Она на Марину страшно обиделась, — вздохнул Игнат. — Оказалось, мы ее тогда разбудили своими голосами, и она подслушала часть нашего разговора, вот и обвинила мать в том, что та меня прогнала. Я пытался объяснить, что все равно у нас с мамой жизнь совместная не получилась бы. Вроде бы Машка поняла. Я ведь на самом деле в тот момент думал: ну ладно, прожили мы две разные жизни, Марина свою, я свою. Я даже не обвинял ее в душе за измены, в которых она так и не призналась напрямую. Хотя один этот факт уже о многом говорит: значит, не ревновал. Но я думал, надо попробовать жить заново, сохранить семью ради дочери. Однако когда Марину в штопор претензий затянуло, так отчетливо понял — нет! Для того чтобы пытаться что-то сохранить, надо родными быть, любить, а ушло все безвозвратно, и смысла нет склеивать.

— У Марины сейчас есть кто-нибудь? — осторожничала голосом Инга.

— Насколько мне известно, нет. По-моему, она сама не поняла, как случился наш развод. Когда встретились в суде, истерику закатила, мол, сволочь я последняя, бросаю их с дочерью, и всю эту шнягу про обиды вековые и мою обязанность повиниться, прощение вымолить. Вот так.

— М-да, — опечалилась Инга, похоже, думая о своем. — Жизнь начерно не проживешь, работу над ошибками не сделаешь и не перепишешь.

— Как выясняется, набело тоже не очень хорошо получается, — отозвался Игнат.

— Светает уже, — в тихой грусти посмотрев в окно, заметила Инга.

— Да, — стряхнул с себя печаль-задушевность Стрельцов и посмотрел на часы. — Седьмой час. Ничего себе мы засиделись с тобой!

— Слушай! — озарилась идеей Инга, уводя их обоих от тем печально-чувственных. — Мне сегодня надо ехать в квартиру Дмитрия Николаевича, принять этап выполненной работы и передать бригадире деньги на материалы. Давай со мной. Я же ни черта в ремонте не понимаю, а ты специалист по материалам, да еще какой!

— Я же не по ремонтно-строительным материалам специалист.

— Да какая разница! — настаивала она. — В любом случае ты лучше меня в этом разберешься!

— С удовольствием поеду, и не надо уговаривать. Посмотрю, что там у отца происходит, — согласился Игнат. — Ну что, спать?

— Спать, — подавила рвущийся зевок Инга.

Свинья подлая Инге долго и в удовольствие поспать не дала, несколько раз принимаясь стучать в закрытую дверь копытцем и осуждающе хрюкать. Инга в ответ громко посылала его всячески ругательно, с большим намеком на свою любовь к свиному шашлыку. Кабанчик удалялся, но возвращался через непродолжительные промежутки времени, явно подсылаемый неугомонной маркизой, не рискнувшей самой сунуться под раздачу к невыспавшейся внученьке.

— Все, отстань! Холодец потенциальный! — ругалась Инга, поднимаясь с постели после очередного «наезда» хрюканьем с чечеткой. — Иду я!

И, находясь в устойчивом недовольстве жизнью, одевшись, поплелась в кухню.

— Ингуша, час дня, что-то ты заспалась. Опять всю ночь работала? — встретила внучку, бодро улыбаясь, Анфиса Потаповна.

— Могу я в выходной поспать? — выдала претензию Инга.

— Ты кому предъяву высказываешь? — оживилась Фенечка возможности ярких дебатов.

— Минздраву, — проворчала внученька, вставая к плите. — Почему не вывешивают предупреждающие плакаты на дверях роддомов: «Жизнь убивает!»

— Заботятся о демографии, — предположила маркиза и с подозреньицей добавила: — Игнат Дмитриевич тоже спят сном праведника после молитвы.

— Но к нему ты кабана не подсылала, — буркнула Инга, понемногу бодрясь от бабушкиного жизнерадостного настроения.

— Да боже упаси! — выдала лицом наигранный испуг Фенечка. — Что я, изверг?!

— Я начинаю подозревать, что таки да! — отозвалась признанием Инга, заливая кофе в турке кипятком.

— А что, он тоже ночью не спал? — приподняв подрисованную бровку, допытывалась Фенечка. — И чем вы с ним занимались?

— Фи, маркиза, что за намеки? — укорила Инга, успев перехватить вовремя турку с плиты, перелила кофе в чашку, начиная внутренне тихо посмеиваться. — Совсем не тем, чем ты подумала.

— То есть декламация стихов исключается? — ехидничала Фенечка.

— И даже распевки под гитару, — кивнула Инга, подтверждая верность предположения.

Прихватив чашку с кофе, села за стол рядом с бабушкой, сделав первый глоток, аж зажмурилась от удовольствия и, только насмаковавшись, пояснила, посмотрев на маркизу:

— Говорили за жизнь.

— Хорошее занятие, только не для вашего возраста, — заметила глубокомысленно Фенечка. — В вашем возрасте есть куда более продуктивные дела для совместного времяпрепровождения.

— Шашки, шахматы, конькобежный спорт? — быстренько выдвинула варианты Инга.

— Да уж! — артистично-безнадежно вздохнула Фенечка. — Что-то ты гневливая сегодня, Ингуша. Вот к чему приводят ночные разговоры с интересным мужчиной!

— Хмхрю-да! — поддержал старшего товарища Степан Иванович.

— А вы вообще помолчали бы! — оторвалась на животном Инга. — Устроили тут побудку штормовую, потекаете ей во всем!

— Хрю! — ворчнул Степан Иванович осторожное порицание.

Все-таки эта могла испортить ему жизнь! И предостережение насчет шашлыка еще не забылось.

Коротко стукнув один раз в дверь, вошел Игнат Дмитриевич, прервав дебаты, не успевшие взяться веселым огоньком.

— Доброе утро! Или скорее день? — поздоровался он.

— Проходите, Игнат! — обрадовалась ему бабушка.

— А где Маша? — спросил он, усаживаясь на диван.

— Дети давно уехали в Коломенское, — уведомила бабушка. — А у вас какие планы?

— Мы поедем на квартиру Дмитрия Николаевича, — опередила Стрельцова Инга, — в три у нас с бригадиром встреча.

— Ну, тогда не будем вам мешать завтракать-полдничать и собираться, — улыбнулась Фенечка и отправилась к себе.

Завтракали-полдничали, собирались и ехали Игнат с Ингой, испытывая легкую необъяснимую неловкость и натянутость, скорее всего от откровений ночных, не таких уж, прямо скажем, душу навыворот, но все же. А может, от неосознанно подавляемого влечения и недоумения, что это такое? Но скованность некую испытывали оба, — пойдя пойми, откуда что взялось?

Разбивая эти флюиды вопросные и неуютность наступившую, Инге позвонил начальник, и она с облегчением душевным углубилась в разговор производственный надолго.

Стрельцов смотрел в окно такси и думал о чем-то своем, испытывая подобное ей облегчение от прерванной звонком непонятности взаимной.

Бригадир строителей, мужик лет за пятьдесят, крупный, с плотным животиком, наивно обрадовался тому, что отчитываться о проделанной работе ему придется не шпингалетке этой въедливой, которая доставала всех многочисленными вопросами и дотошностью последнюю неделю, человеку, что-то в их деле понимающему. Это он рано обрадовался! Неосмотрительно. Игнат Дмитриевич Стрельцов настолько понимающим оказался, что бригадир через пару минут явно затосковал, предчувствуя грядущий раздолбон и, что хуже всего, выяснение финансовой составляющей, не сулящей ему ничего нежного.

— Вот, спальню мы уже сделали, — начал «экскурсию» бригадир, находясь еще в наивной неосведомленности, — диван с креслами и телевизор сюда пока перенесли.

На разложенном большом диване и креслах, прикрытых полиэтиленовой пленкой, валялось какое-то обмундирование строительное, на подоконнике стоял электрический чайник, чашки, лежали ложки-вилки, снедь какая-то, на полу несколько пар башмаков, обляпанных различными составляющими ремонтных издержек, в углах комнаты большие клетчатые сумищи с загадочным содержимым.

Стрельцов обошел неспешно по периметру спальню, проверил качество отделки стен, внимательно осмотрел новое окно, пол, потолок и...

— Я не понял, что это за дом колхозника? — талантливо-начальственным тоном, до жути требовательным, обведя диван с креслами рукой, спросил он.

Инга с бо-о-ольшим душевным удовлетворением мысленно приготовилась присутствовать при «порке», настроившись просмотреть всю пьесу до конца с особым эстетским смакованием, старательно придерживая рвущуюся улыбку.

И началось!

Она балдела, как ей нравился Стрельцов! В роли руководителя сурового, специалиста высшего ранга, профи! И мысленно смеялась, видя, как сразу усох на размерчик бригадир — глазки забегали, ручки запотресывались, голос задрожал.

Да, классно! А то ей на уши наплетут с три короба, а она, как лохушка, ни бе ни ме в предмете! Этот мужик настолько расслаблялся в ее присутствии, что даже позволял себе говорить то, что думает! А тут такой облом!

Метр за метром они продвигались с осмотром по квартире, дойдя до готовой кухни, ожидавшей только оснащения «начинкой», где Стрельцов оторвался выговором с оттягом — в удовольствие! Инга, не вникая в суть разговора, смотрела на Игната, не отрываясь, и честно признавалась себе, что нравится он ей ужасно!

Так нравится, что она и не знает, как с этим справляться!

А потому что не испытывала такого «нравится» никогда! Вот вам крест!

А он громыхал сурово, спрашивая за все дела, смотрел смету, чеки, отчет, заставил подписать морально укокошенного бригадира какие-то расписки, обязательства, уведомил о возможных карающих мерах — отрывался, одним словом, по-полной!

Прощаясь, бригадир уже еле сдерживал слезы на растерянном-перепуганном лице, но с бо-о-ольшим пиететом и даже неким трепетом с намеком на восторг пожал Стрельцову руку.

Финита! Выключайте рампу!

— Что, все так плохо? — когда они остались в доме одни, спросила Инга.

— Да нет, — вынес вердикт Стрельцов, — очень даже ничего.

— Но ты так его ругал и недоделок целую кучу нашел! — растерялась она.

— Это же стройка! — пояснил Игнат. — Здесь недоделали, тут лажу сляпали, там накосячили, рядом залепили дыру штукатуркой. Вроде по мелочам, а сдадут ремонт, спустя время все и посыплется. А так, в общем, совсем неплохо.

— А я в этом ни бум-бум! — призналась она. — Я их, конечно, достаю, задаю много вопросов и пальчиком тыкаю: а это что? А это? Но они с радостью меня разводят, как лохушку деревенскую.

— Да отец бы разобрался, не переживай, — поспешил успокоить ее Игнат, — ты же не подписывалась приглядывать за всем ремонтом, а особо напортачить за время его отсутствия они бы не успели.

— Но тебе, Игнат Дмитриевич, — торжественно заявила Инга, — мое особое почтение! Я

испытала большое удовольствие, наблюдая за «битьем мальчика»! Слушай! — озарила ее идея.

Инга полезла в сумку, нашарила связку ключей, достала и потрясла ею демонстративно.

— По-моему, мы просто обязаны отметить победу профессионализма над разгильдяйством! — И объяснила: — Первым делом мама потребовала сделать ремонт в кладовке, куда они убрали некоторые вещи на время ремонта. У них там есть винотека и посуда, да много чего! Им презентуют всякий эксклюзивный алкоголь, особенно Дмитрию Николаевичу, а они не пьют оба, вот и складируют для гостей. Выпьем?

— Да за милую душу! — поддержал предложение Стрельцов.

Кладовка метров шести квадратных, примыкавшая к кухне, являла собой голубую мечту каждой хозяйки. Вместительные стеллажи до потолка по всем трем стенам позволяли складировать любые заготовочные эксперименты хранительнице очага. Но сейчас это кухонно-хозяйственное счастье было заставлено плотненько коробками, тюками так, что Игнату с Ингой приходилось с осторожностью втискиваться между скарбом и стеллажами.

Бутылки с разнообразным спиртным они нашли быстро и, посоветовавшись, решили отметить викторию над строительным разгильдяйством шампанским. А почему нет?

Тем более что обнаружили вполне пафосную «Мадам Клико» и антураж продуктовый, вписывающийся в замысел: баночку маслин, консервированные персики, привезенные Дмитрием Павловичем из Испании, французские галеты и засахаренные лимонные цукаты. Считай, большой намек на пир.

Бокалы и посуду вытащили из одной коробки, Инга наткнулась на сложенный барный столик на колесиках — то, что надо! И, уж раз пошла такая песня, Инга прихватила парочку подушек «думок» для относительно возможного уюта в предлагаемых условиях.

Шампанское они выставили в снег на прилепленный к гостинной маленький балкончик назначения очень непонятного из-за своих размеров, скорее это был некий архитектурный прибабас на теле дома, но вместо холодильника в самый раз.

Смотрели вместе с рабочими робами полиэтилен и убрали в угол комнаты с дивана, диван же сложили, для удобства посиделок, разложили по тарелочкам, вазочкам добытый провиант, включили телик вместо лампы, убрав звук, и Стрельцов открыл успевшее подостыть за время их хозяйствования шампанское.

— Вообще-то за тебя! — провозгласила Инга. — Потрясена и благоговею!

— Это слишком, — усмехнулся Стрельцов, в таком режиме проистекают мои обычные рабочие будни.

— Тем более! — протянула Инга бокал, они чокнулись и отпили по паре глотков.

Помолчали, успокаиваясь после суеты по обустройству экспромтного застолья и легко закусывая.

— Хорошо! — поделилась настроением Инга. — Тишина. Я обожаю свою семью, но иногда их бывает так много, с перебором, и никуда не деться. Мне практически не удастся остаться одной, разве что в командировках. Но там много работы, и когда я возвращаюсь в гостиницу, то способна только спать от усталости. А так, чтобы тихо и чтоб никто не трогал, не дергал —

утопия в моем случае.

— Вот и отдыхай, — поощрил Стрельцов и спросил для ясности: — Мы же никуда не торопимся?

— Я точно нет! А у тебя, может, планы какие?

— Ну, нет, я сегодня тоже отдыхаю.

— Говорю же: хорошо! — радовалась Инга.

— Тогда, под такое дело, может, теперь ты расскажешь, почему вы с мужем развелись? — полувопросом предложил Стрельцов. — Если тебя, конечно, сия тема не напрягает.

— Не напрягает — махнула рукой Инга, — но это неинтересно.

— Интересно, — не согласился Игнат.

— Наверное, логичней было бы спросить: какого черта я за него вообще замуж вышла и прожила с ним десять лет.

— Ну и какого? — усмехнулся Стрельцов.

Имидж безбашенной девицы и подростковые выступления, претензии миру Инге пришлось отложить, сдавая выпускные экзамены в школе и вступительные в институт. Да так и позабыть, невостребованными, оставив себе только неизменные убеждения в умственном превосходстве над взрослыми и гораздо большем знании реальности.

Студенческая жизнь закипела. Училась Инга в кайф, с радостью, и балду гоняла в свободное от занятий время с тем же настроением и задором. Сложилась новая дружба с иногородними однокурсницами, открывшими ей куда большие возможности и разнообразие неконтролируемого родителями общежитского досуга.

Новые компании, пьянки студенческие. На дворе девяносто четвертый гремел отстрелом зарвавшихся изначально несправедливо нажитым капиталом. Так что по большей части студенты «зависали» в местах неоткрытого пространства.

И вот где-то там, в мешанине чьего-то дня рождения, отмечаемого с общежитским размахом, Инга и увидела ЕГО!

Он играл на гитаре и проникновенно пел нечто о любви, пропавшей, как водится, предательски, без вести. Допев под умиленные зачатки девичьих слез, незнакомец отставил гитару и с «глубоким» знанием темы продолжил прерванный песней разговор с мужиками о политике.

Умничал впечатляюще, до потрохов! Впечатляюще, разумеется, для девиц присутствовавших. С неким налетом многомудрой усталой снисходительности к детям глупым, флером отстраненности, что-то там о Ельцине и власти, о разгулявшемся криминальном беспределе — барышеньки чуть в обмороки не шлепались от восторженного обмирания!

И Инга попала, как под гипноз! Старшекурсник, красавец, в котором сочеталось нечто ухарское и пресыщенно-циничное, и звали сей образчик мужской — Сигизмунд! Представили?

Все! Девушка Инга к употреблению готова!

Она влюбилась мощно, напористо и яростно!

Ей бы подостыть, присмотреться к избраннику, призадуматься, к Фенечке прислушаться и к папе.

Ну да, сейчас! А вы много таких знаете, которые в семнадцать лет кого-то слушали, влюбившись?

Любые высказывания родными и близкими своего мнения имели ровно противоположное их ожиданиям действие. Господи боже, да что мы там понимаем в семнадцать лет?! Ничего не вижу, никого не слышу, все идиоты, — глаза закрыл, уши заткнул — люблю! Все! Физиология — наш рулевой! А что за человек наш избранник, какие у него привычки, характер, наклонности — по фигу! Люблю, и заткнитесь все!

Начнем с того, что Инга Исла по углам от любви своей не вздыхала, смахивая слезу, страдая от безответных, не замеченных любимым чувств, а бронепоездом подрулила к объекту грез девичьих и бабахнула прямой наводкой:

— Уверена, я девушка твоей мечты, поэтому тебе, Сигизмунд, надо переключить на меня все внимание!

Ошарашенный напором гусар внимание свое на малолетнюю первокурсницу обратил. Пристальное. Потому что, вы сами понимаете, подобное поведение как минимум интриговало.

Тем более что вела она себя нестандартно — за ним не бегала, за углами да у дверей не подстерегала, а вполне в духе выработанного за последние годы имиджа шпаны оторванной шпарила прямым текстом, рубя правду-матку попадая где.

И начался у них роман искрометный по чужим койкам, своих-то для сексу никто не предоставлял, хотя оба были коренными москвичами.

Инга притащила его домой, знакомиться родными. Семья потрясенно безмолвствовала весь торжественный визитный обед, предоставив высказываться о жизненной концепции кавалеру дочери.

— Инга! — возроптала Фенечка, как только за мальчонкой закрылась дверь. — Муня Коханный — это же неприлично звучит! Все равно что Йося Зацелованный! С таким имечком-фамилией просто нельзя жить! Ты знаешь, что в переводе с украинского коханный значит любимый? Муня Любимый! Это даже не анекдот, это черный юмор какой-то! Кстати, мальчик полностью соответствует своему имечку и любит себя взасос!

— Его зовут Сигизмунд! — взорвалась Инга.

— Кто зовет?! — громыхнула раздраженная донельзя маркиза. — Только ты? Для всех остальных он Муня! Ты же сама слышала, что его так с детства зовут!

— Да какая разница, как его зовут?! — уже во все горло орала Инга. — Мы любим друг друга!

— Доченька, — увещевал папа, — это весьма спорное утверждение. У меня создалось впечатление, что мальчик любит только себя, до головокружения.

— Неправда! — испытывала предел своих голосовых связок доченька.

Хлопала дверь и убегала следом за «неоцененным» любимым.

Вообще-то, правда. Все.

И про имечко, и про любовь к себе, необыкновенному.

Его матушка, Зинаида Олеговна Коханная, любила своего мальчика до удушения, устранив стремительным разводом из их совместной жизни его отца, чтобы не мешал любить сына беспрерывно, не отвлекаясь более на такие мелочи, как муж.

Сигизмундом она нарекла дорогое чадо в честь какого-то там эпического героя викингов, как она утверждала. Но Инга имела все основания подозревать, что руководствовалась Зинаида Олеговна в выборе имени для сына своей любовью к Аркадию Райкину и его миниатюре: «И я сказал себе: «Сигизмунд, не спеши себя отдавать!», при этом напрочь проигнорировав окончание этюда: «И если меня прислонить в темном месте к теплой стенке, то я еще очень даже ничего!»

Муней ребенка начали звать сразу, с ясельной группы детского сада, и навсегда.

И полная правда, что он соответствовал своему имени-фамилии во всем!

Знаете, мальчики бывают разные: одни всегда номер первый, а другие — вечный номер никакой, но до язвы желудочной мечтающие стать похожими на тех, кто первый. Из них вырастают подражатели.

У первых отсутствует напрочь необходимость выпячивать себя, рисоваться, им это без надобности, просто лидерская сила воли есть в них, и все. И вроде не прилагают они никаких усилий, а яркие личности, и люди за ними и в огонь и в воду, и за что ни берутся, все у них легко и талантливо получается, хотя каждая победа достается им трудом и упорством.

Вокруг таких мужиков всегда трутся подражатели, те, кто подсознательно понимает, что у самих-то, извините, с данными качествами полный недобор, вот и приходится присматриваться внимательно, чтобы потом оттачивать поведение, манеру держаться, движения, мимику лицевую путем долгой тренировки у зеркала.

У Муни был товарищ, Саша, вот именно тот номер первый всегда. С большим душевным дискомфортом и напрягом Мунечка Коханный дружил с ним с детства, старательно подражая его лидерским качествам.

Он выучился играть на гитаре и петь душевно, до слезы, но если пел Саша, то сердце замирало и Муня отдыхал, задвинутый и забытый. Учился Саша как дышал — легко, в радость. Муня мучился ужасно — «дралоскопил» чертежи перед сдачей, тряся под экзаменационной дверью, выпрашивал оценки у преподавов.

Наденет Саша простенькие, недорогие джинсы и черную рубашку, и сидят они на нем как от Армани, ей-богу, и он в них и в пир, и в мир, и в добрые люди, везде уместно и в тему. Муня испотеется, обыскивая магазины в поисках таких же одежек, да еще маманя любимая на машинке по фигуре подгонит, и вот он несет себя пиру, боясь помять прикидец.

Но он так наблатыкался за эти годы своему подражательству, что почти сросся с ощущением себя пусть не номером первым, но самым первым после него!

И девочки глупые, по молодости бестолковой, мало что понимающей, выбирали именно таких, как Муня, за яркость оперения и нарочитость манер умелого самца.

И только очень мудрые девочки распознавали еще в молодости настоящих Саш и любили их по полной.

Назвать барышеньку Ислу мудрой о ту пору жизни никак не получалось, даже с большим натягом, умище-то был, и потенциал развития просматривался, но в те годы все как-то «мимо дома с песнями!». Но и она бы разобралась в Муне, причем довольно быстро, скорее всего...

Без «но» никак!

Оказалась беременной, не успев откапризничать влюбленностью.

Вздыхнув обреченно, семья устроила свадьбу, уговорив всем скопом Ингу на единственную уступку — не менять девичьей фамилии.

— Инга Коханная — это какой-то ажур с перьями получается, — настаивала Фенечка. — Ты же не в Малороссии родилась, у тебя папенька из латышей будет!

Поселились молодожены в большой квартире с невестиной родней. Не с маманей же Муни в двушке на Теплом Стане тулиться!

О то ж! Семья заимела вместо одного дитяти двух с половиной.

Инга ходила со здоровенным животом, опасаясь, что родит тройню. Сама маленькая, худенькая, пузом вперед, еле носила. И так ей тяжело было, что никакого Муню она в упор не видела, иногда даже недоумевая, что он рядом с ней делает. Девочка уже ко второму триместру трудной беременности вполне наигралась во влюбленность и семью. Но не выгонять же мужа, вроде не мешает.

Федька родился четыре триста, крепенький, как богатырек, чуть не угробив мать при родах. Ничего. Обошлось.

Муня окончил институт к тому времени, и дед Павел Федорович пристроил его на работу по знакомству.

Муня благоденствовал! Настал! Настал его звездный час, затянувшийся на много лет! Боже, как же любил себя Муня Коханный, проживая в шестикомнатной квартире, в самом центре города Москвы, «близенько» от Кремля, с тещей — актрисой ведущего театра, с тестем — главным инженером на засекреченном заводе, с дедом жены — глубоко засекреченным военным ученым, с бабушкой «дворянских корней» и с приобретенным в должности портфелем! Это счастье, господа!

А Инга уставала ужасно! Грудной ребенок, тяжелый послеродовой реабилитационный период, учеба в институте и полное игнорирование очевидного факта своего замужества. Так и прожила в беспамятстве четыре года до окончания института. Единственное, для чего очнулась временно, — чтобы защитить диплом и шугануть свекровь.

Уложила как-то Федьку спать, зашла на кухню и прибалдела, услышав разговор Зинаиды Олеговны и Фенечки.

— Анфиса Потаповна, вы обязаны окружить моего мальчика заботой и вниманием! Следить за

его здоровьем и самочувствием.

Молодая мать прониклась такой заботой о своем ребенке. Ага, тот случай!

— Вы же понимаете, что Инге необычайно повезло! Мой мальчик — прекрасный порядочный человек, только поэтому он и женился на вашей девочке, а мог бы найти более достойную партию. К тому же он занимает важную должность, — и повторилась, видимо, опасаясь, что с первого раза ее не поняли: — Вы просто обязаны о нем заботиться самым серьезным образом!

— Так, Зинаида Олеговна, на выход! — распорядилась Инга. — Более не смеем вас утруждать своим общением!

— Вот! — поднялась с места праведницей непонятой свекровь. — О чем я и говорю! Ваша девочка просто недостойна моего сына!

— Очень хорошо! — согласилась с очевидным Инга. — И сыночка можете прихватить с собой, его здесь никто не удерживает! И облизывайте его дома, на Теплом Стане, до глазурного блеска, в свое полное удовольствие! Заодно за его здоровьем присмотрите, а то вдруг чихнет, не дай бог!

Муня, не принимавший ни в чем житейско-бытовом никакого участия — ни действием, ни деньгами, ни помощью с ребенком, — как-то инициативу жены о своем перемещении в Теплый Стан не поддержал. О чем он говорил с маман, неизвестно, но больше она не приходила к ним и инструкциями по улаживанию любимого чада не нагружала.

Совместовали дальше. Как, непонятно — в тумане бытовом.

Инга мытарилась по работам, старшее поколение взяло на себя всю заботу о ребенке. Муня в этом раскладе так и оставался единицей странной, ни в чем участие не принимавшей.

И тем непростым временем у Муни и группы его неизвестных Инге товарищей возникла идея создания собственной фирмы, во что он и кинулся с головой, чувствуя в себе дремавшие ранее задатки буржуазии и желание заделаться коммерциантом. И принялся Муня, все еще Коханный, выканючивать у семьи деньги, на что семья особо мощной не трясла, сильно сомневаясь в том бизнесе, да и давно уже не шикая доходами. Отгремели достижениями и материальными поощрениями в прошлом дедушка да отец, а мама всегда была «слабое звено», сама находясь на их содержании. А тут еще неожиданно умер дедушка Павел Федорович, и семью накрыло тучей черной горе.

Дед был человечисше! Необыкновенный, любимый ими бесконечно.

Фенечка слегла, осиротев в одночасье, мама отказывалась от любой работы и вытягивала бабушку из болезни и горя. В эту спасательную операцию и ухнули все оставшиеся сбережения семьи, обойдя Муню капиталистического финансированием.

У Инги новая работа, она по маковку в новом деле, ребенке, горе, бабушкиной болезни, отец на всех возможных работах надрывается, мама от Фенечки не отходит.

Лишь отдельным непонятным придатком маячит в квартире и жизни Инги Муня, как всегда, ни к чему не причастный — сторонний.

Нормально, жизнь, не до него и душевных копаний.

Через год после смерти деда Муня уговорил Ингу взять кредит для развития его бизнеса, аргументируя тем, что у жены стабильная работа с высоким заработком.

Да на! Отстань только! Как-то опять оказалось не до него!

Ну, не все так уж безнадежно было. Или все?

Но на курорты же они втроем ездили, аж три раза! И если Инга настаивала, Муня раскошеливался иногда на семью. А как часто? Да бог его знает.

А все оттого, что за финансовой составляющей экономики семьи Инга не следила. Вроде как делом этим после смерти бабушки занимались папа и Фенечка, Инга по привычке складывала зарплату в общий котел, а делал ли то же самое муж, не интересовалась.

А ведь стоило! Ой как стоило поинтересоваться!

Не успели от одной беды оправиться, а тут умер папа. И так несправедливо рано, в пятьдесят девять лет! Инга страшно переживала! Она почему и на мужа-то особого внимания не обращала, а за ненадобностью! С самого рождения Инга была надежно оберегаема дедом и отцом.

Они обожали своих троих девочек, и баловали, и защищали ото всего мира! Их два необыкновенных, прекрасных рыцаря.

А тут девочки сиротами остались. Муня не то что не в счет — обременитель капризный.

Вот только Феденька и остался, мужичок подрастающий.

Через полгода, на поминках папы, Муня, на правах единственного «главы» семьи, толкнул идею-требование.

— Надо нам квартиру эту разменять, — рубанул заявкой после того, как разошлись все гости и за столом осталась только семья.

— Ну-ка, ну-ка, — оживилась интересом Фенечка. — За какой это надобностью?

А он пояснил, с вальяжной убежденностью:

— Вы с Ангелиной Павловной сможете отдельно жить, чтобы вам никто не мешал, а мы своей семьей.

— Что за бред?! — взвилась мама, но Фенечка остановила ее, похлопав успокаивающе по руке.

— Да вроде никто никому не мешает? — продолжила «беседу» маркиза.

— Так будет всем удобней! — аргументировал идею Муня.

— Кому всем? — вела диспут Анфиса Потаповна. — Нам с девочками удобно так, как есть. Или ты, Ингуша, отдельной семьей пожить хочешь?

— От кого отдельной? — недобро спросила Инга. — От тебя с мамой?

Фенечка кивнула царственно, давая понять, что уразумела позицию внучки, и к Муне, с последующими вопросами:

— Вы, может быть, Сигизмунд, имеете более расширенный план, чем просто отдельное проживание?

Он степенно, с глубоким самолюбованием, откинулся на спинку стула и важным чином разъяснил:

— Я разговаривал с толковыми риелторами, мы можем разменять квартиру на две весьма достойные и тоже в центре, и с большой доплатой. У меня сейчас идет расширение бизнеса, требуются финансовые вливания, и, думаю, обмен квартиры — самый удачный и приемлемый вариант для этого.

— Инга? — спросила-призвала Фенечка.

И снова успокоительно хлопнула дочь, порывавшуюся высказаться, по руке.

— Подожди, Геля, девочке давно уже пора!

Что девочке давно уже пора, поняли все, даже Федька, кроме, разумеется, неосторожного в своей уверенности в жизни Муни.

— Это ты верно заметила, — согласилась с бабушкой Инга и обратилась к сыну: — Феденька, ты шел бы к себе в комнату.

Десятилетний Федор отвечал матери с серьезностью взрослого человека:

— Да ладно, чего уж там, — и ладошкой махнул, — поприсутствую при историческом событии.

— Это может плохо отразиться на твоей детской психике, — не одобрила Фенечка.

— Все, что можно, на ней уже отразилось! — доложил Федька и уточнил: — Будто я не вижу, как они живут.

Как они живут, не знала и сама Инга. У нее работа интересная, сын изумительный, мама с Фенечкой, поздний чай за столом в кухне с хохотом и единственной возможностью расслабиться за день. В выходные, если она не работала, то вчетвером — женщины и Феденька — ходили в кино, в парки, иногда дома отсиживались, ленились. Летом ездили на обожаемую старую дачу. А где и как в это время Муня обретался под девизом «бизнес», и неизвестно. Ночевал, правда, всегда дома, и супружеским долгом раз в неделю с женой отмечался, и даже что-то там рассказывал про дела и фирму.

А Инга чувствовала, что большинство этих рассказов так, себя самого потешить собственной растущей значимостью, поэтому и не интересовалась особо, не прислушивалась.

И проморгала, что сын десятилетний все подмечает и выводы делает. И то, что отец с ним никогда время не проводит, кроме трех их совместных поездок на отдых за эти десять лет, делами-заботами, учебой, здоровьем, да и самим ребенком как таковым не интересуется.

Зачем? Полно в доме интересующихся и занимающихся мальчиком.

Это как называется? Коматоз жизни?

— И что, сынок, ты не расстроишься, не обидишься на нас? — осторожно спросила у Феденьки Инга.

— Нет! Нам так будет гораздо лучше! — жестко, как-то по-мужски заявил сынок, выбрался из-за стола и ушел.

У троих женщин, как по команде, набежали слезы на глаза — вот какой защитник подрастает, настоящий мужичок!

— Я не понял, что здесь происходит? — затребовал к себе внимания активного задвинутый на время Муня.

— Ничего такого, — развела руками Инга, — просто мы с тобой разводимся.

— Что значит разводимся? — подобрался озадаченный Муня. — Ты с ума сошла? Да еще ребенка в это втянула!

— Ой, уволь, пожалуйста, от выступлений, — скривилась Инга. — У нас этим мама намного лучше тебя и, главное, профессионально занимается, других артистов не надо. Ты возьми, что там тебе на первое время понадобится, а я на днях все твои пожитки сложу, заедешь, заберешь. И давай, Муня, отправляйся.

— Куда, Инга! — бушевал он, обеспокоившись всерьез. — Это идиотизм какой-то!

— Да мне по фигу, куда! — ответствовала жена, стремящаяся стать бывшей. — Хоть в Теплый Стан, хоть в другое место! И, пожалуйста, больше не надо выяснений! Мы все устали, у нас непростой, скорбный день.

Он уехал, не рискнул нарываться на дальнейшее выяснение отношений и откровения дам, разумно предположив, что может услышать много того, что его тонкая натура не переварит.

— Кажется, Йося Зацелованный освободил нас от своего присутствия, — констатировала Фенечка, когда за Муней закрылась входная дверь.

— Знаешь, ведь по-настоящему Феденьку воспитали прадед и дед, мой сын вырос на руках замечательных мужчин. Не отвергнутым и нелюбимым отцом, а обожаемым внуком. Они всегда были с ним рядом, занимались, учили многому и пример подавали. Ему есть с кем сравнивать Муню, невнятного, самовлюбленного и прижимистого, — закончила свой рассказ Инга.

— Ты говорила, что у Феди трудные отношения с отцом? — спросил Игнат.

— А какие они могут быть? Душевные? Это вряд ли. Муня после развода вдруг вспомнил, что у него есть сын, и принялся настаивать на общении. А никто и не запрещал — да, пожалуйста! Общайся, сколько хочешь. Но Федька отказался наотрез. Мы с мамой и Фенечкой его уговаривали, что с отцом необходимо встречаться, общаться, вроде уговорили. Так после первой же их встречи разразился скандал. Федька кричал, что больше не собирается выслушивать нравоучения отца и маразматические речи той бабушки, Муня нервничал голосом в трубку, утверждая, будто мы настраиваем ребенка против него. И так каждый раз, когда он настаивает на их встречах. Федька общаться с отцом отказался, а тот грозит судом и набегам на нас органов опеки и попечительства. Вот за какой надобностью он Муне, я, убей, не понимаю! Может, мой бывший муж какой расчет тайный имеет. Не знаю.

— А может, он его любит? — предположил Стрельцов. — Он же его отец.

— Сильно сомневаюсь. У него один объект для любви, он сам, — и поделилась рассуждениями: — Я давно поняла, что Муня не плохой и не хороший. Он такой, какой есть, ну, испорченный материнской шизоидной любовью и обожанием. Муня далеко не глупый мужик, хорошо окончил институт и оказался удачливым бизнесменом, потому что обладает расчетливым умом и хитростью. Не герой, это понятно, но и не злодей. Муня типичный представитель современных мужчин в нашей стране — эгоистичный, прижимистый, расчетливый, у самого себя всегда на первом месте. Сейчас таких полно. И знаешь, ведь многие женщины охочи до подобных мужиков. Вон у Муни жена гражданская — да полное совпадение интересов, жизненных ценностей, взглядов. Они вполне счастливы рядом друг с другом. Другое дело, что он абсолютно никаким боком не подходил мне с самого начала и никак не вписывался в мою жизнь. Понимаешь?

— Нет! Не понимаю! — холодно, с большой долей укора утвердил Стрельцов. — Я откровенно не понимаю, как умная, деятельная, самодостаточная женщина может прожить с мужем десять лет, не замечая его и даже не делая попыток разобраться в своих с ним отношениях! Это рефлексия такая? Что значит «он мне не подходил»? Десять лет каждодневной жизни все не подходил? Я понимаю, наш развод с Мариной. Мы, по сути, девять лет прожили порознь, попытались что-то склеить за год, не получилось. И кто тут прав и виноват, уже неважно, так вышло, что стали чужими людьми. Но десять лет жить вместе и не удосужиться присмотреться к человеку, понять его мотивы, характер и свое отношение к нему? Так не бывает. Значит, тебя в этой ситуации что-то устраивало. Либо не хотела статус замужней женщины терять, либо что? Такой секс офигенный был, что на все остальное глубоко по фигу? А если нет, то, извини, это какой-то запредельный инфантилизм.

— Вот именно! — легко согласилась Инга. — Запредельный инфантилизм! Это ты правильно заметил. Я настолько была окружена заботой и защитой отца и деда, что даже не задумывалась о жизни, состоящей из каждодневных проблем. Вот они, мои рыцари, снисходительные к моим капризам, позволили мне играть в «семью», взяв на себя всю меру ответственности за нее, легко и без упреков-поучений. Что там муж? Есть он, нет, я на него никогда и не рассчитывала. А зачем? — она пожала плечами, не стесняясь признаваться в собственной несостоятельности и глупости житейской. — Есть же дед с отцом. Разумеется, я не была совершенно оторвана от жизни и во всех хозяйственных делах принимала участие наравне с другими. Но о финансовой стороне заботились мужчины, и я как-то и мысли не допускала, что Муня этого не делает. Конечно, избалованная, глупая девочка, муж мне своим присутствием не мешал и не раздражал — что есть, что нет, одинаково.

Инга замолчала, передумывая сказанное, догнало недовольство собой за слишком уж откровенные размышления вслух и Стрельцовым, что спровоцировал эти откровения. Вздохнула — чего уж, и улыбнулась грустно.

— У эзотериков есть такое понятие: «уравновешивание монады». Это о житейских весах, которые обязательно должны уравновеситься на ноль. То есть если ты обидел кого, то обязательно рано или поздно получишь обиду равноценной величины. И так с любой житейской ситуацией. Вот и со мной это произошло. Перекинулась монада, и после смерти папы вся мера ответственности за семью — и финансовая, и моральная, и житейская — легла на меня. Уравновесилась жизнь подзатыльником.

Стрельцов подлил им в бокалы успешного нагретого шампанского, поднял свой, призывая Ингу присоединиться.

— Ничего, — поддержал он загрустившую явно собеседницу. — У тебя хорошо получается... как там Анфиса Потаповна сказала про погремущки в избушках?

— У каждого свои, — вздохнула тяжеленько Инга.

— У каждого. Именно, — и, протянув руку, чокнулся с ее бокалом, — извини, что напустился на тебя с попреками.

— Но я ведь тоже на тебя вчера напустилась с умничаниями насчет Маши, так что квиты, — с грустинкой нерастаявшей улыбнулась Инга.

Отпили мировые глотки, и Стрельцов постарался как-то сгладить и свой «наезд» поучительный, и присевшую к ним на диван грусть-печаль из-за накопленных житейских ошибок и невозможности их исправить, пережив жизнь набело.

— Расскажи об отце и дедушке. Я уж понял, что ты ими восхищаешься. И очень бы хотелось знать, что такого должен сделать мужчина, чтобы заслужить твое восхищение.

Инга улыбнулась своим воспоминаниям, сразу же всплывшим потоком в памяти, вызвав любимые образы отца и деда Павла.

— Не знаю, — глядя поверх головы Стрельцова, куда-то в себя, сказала Инга. — Скорее всего, просто быть мужчиной.

— Весьма неопределенно, — направлял разговор Стрельцов. — Что для тебя это понятие? Мужчина — непременно военный, как твой дед?

— Дед Павел был не просто военным, скорее наоборот, он был ученым, которому присваивали военные звания.

Павел Федорович Бронников был уникальной, удивительной личностью!

Веселый, шумный, энергичный, позитивный, как сказали бы сейчас. Его улыбка завораживала, куда там Гагарину! Шутки, густой басистый смех, энергия и эмоции заражали всех вокруг. Он был большой придумщик разных розыгрышей, сюрпризов, каких-то маленьких постановок — от анекдотов в лицах до целых представлений. Маленькая Инга долгие годы считала, что дедушка волшебник, потому что, как только он входит в дом, зажигаются тысячи огоньков, играет музыка, все смеются, и праздник, праздник, праздник!

Павел Федорович был серьезным ученым и дома появлялся нечасто, проводя большую часть времени в лабораториях в своем институте, работая на «военку». Никто из семьи, даже Фенечка, не знал, чем он занимается, настолько это было засекречено. Правда, очередные звания и награды «неизвестно за что» отмечали обильным широким застольем. Деду запрещалось даже думать дома и что-либо записывать по своим проектам, вот до чего засекретили. И порой он месяцами не появлялся, но уж когда появлялся!

Фанфары, туш, его веселый бас с порога! Конечно, праздник!

У них с бабушкой было много друзей, но только позже Инга поняла, что все они — коллеги-ученые Павла Федоровича и лишь несколько друзей детства Фенечки. Иными словами, проверенные люди. По причине той же засекреченности.

Деда хватало на все: и на работу непростую, и на решение бытовых проблем, и на такие придумки житейские, что семья не уставала поражаться. То зайдет в дом и с порога, не раздеваясь, громко прокричит приказ:

— Девчонки, быстро собираться, машина ждет!

Мама с бабушкой, уже привыкшие к любым возможным идеям Павла Федоровича, без лишних вопросов бежали паковать чемоданы, а маленькая Инга глядела на деда снизу-вверх зачарованно и спрашивала:

— Куда, дедушка?

Он подхватывал ее на руки, подбрасывал вверх и басил, сверкая загадочно глазами:

— К морю, маленькая! Прямо сейчас и в Сочи полетим!

И ведь летели, прямо сейчас! Или на Байкал, или на дачу спешно за пару часов до Нового года.

Результатом одной из таких неожиданных идей стала эта их большая квартира.

Изначально, до Великой социалистической революции, этот четырехэтажный дом в самом центре Москвы представлял собой четыре большие квартиры, по одной на каждом этаже, для зажиточных господ. После победы большевиков, желающих проживать с господским комфортом, оказалось больше, чем жилплощадей в стране. И методом простым и незатейливым — забрать и поделить — квартиры дома поделили на четыре отдельные на каждом этаже. Хорошо хоть не коммуналки, обошло это нововведение как-то стороной их домик, видимо, большевики приглядели его «для своих» нуждающихся в добротном жилье.

Павлу Федоровичу за особые заслуги перед страной выделили трехкомнатную квартиру, когда они поженились с бабушкой в сорок седьмом году. Фенечке, влюбившейся в этого мужчину с первого взгляда и на всю жизнь, было о ту пору двадцать годков, ровно на десять лет меньше, чем супругу.

В пятьдесят четвертом году у них случилось чудо, родилась долгожданная доченька. Бронниковы уже и мечтать перестали, что у них ребенок появится, а тут такое счастье! Дед захотел ради этого события сделать нечто особенное. Подарок семье.

Фенечкины родители жили неподалеку, и Павел Федорович решил, что надо жить всем вместе, чтобы бабушка с дедушкой находились рядом с внучкой.

Что он предпринимал и каким чиновникам улыбался, гипнотизируя своей улыбкой, так и осталось загадкой по сей день, но умудрился получить разрешение на обмен и перепланировку двух квартир, по ходу легко и незатейливо уговорив соседей через стенку переехать в квартиру Фенечкиных родителей.

Никто в пятьдесят четвертом году такое проделать не имел права! Да и не пытался! А дед сделал!

Строители демонтировали перегородку, которая тупо по прямой делила пространство на две квартиры — проходя по широкому коридору и по середине кухни в конце его. Так у них получились просторный коридор, большущая кухня, шесть комнат, два туалета и одна ванная. Не расщедрились господа делители на установку второй помывочной в разделенной жилплощади. Бани есть. Общественные. Туда и ходите.

Простые бдительные советские люди, они же соседи по дому, о такой оголтелой барщине принялись писать кляузы в нужные инстанции, уведомляя о том, что тов. Бронников и его семья пользуются подозрительно большой жилплощадью, надо бы разобраться!

Недремлющие госорганы на сигналы отреагировали — разобрались. С соседями. И только вмешательство самого Павла Федоровича спасло слишком бдительных от переезда в село Дрыщево на постоянное место жительства.

Более никто из числа «доброжелателей» о социалистической справедливости в данном конкретном квартирном вопросе не вспоминал, заценив по полной заботу государства о своих ученых.

Павел же Федорович привел в дом отца Инги.

Он познакомился с Валерием Артуровичем Исла на военном заводе, с которым работало их конструкторское бюро. Молодой человек сразу же пришелся Павлу Федоровичу по душе, как родной сын. А в процессе совместной работы Бронников по достоинству оценил и его профессионализм — парень толковый, схватывал суть идеи на лету, не нуждаясь в особом разъяснении, и, главное, увлечен своим делом всерьез.

Но особой причиной их возникшей дружбы и уважения друг к другу стала схожесть жизненных историй. Дедушка о своем детстве почти не рассказывал. Все, что Инга знала из его скупых упоминаний и рассказов Фенечки, — это то, что дед Павел был беспризорником и фильм «Путевка в жизнь» не мог смотреть.

И его потрясла история выживания Валеры. На самом деле история странная, типичная лишь исходной составляющей для детей того времени — войной.

Валерий Артурович родился в сорок пятом году в Латвии, точное число и месяц его рождения остались неизвестными. Что произошло с его родителями, так и не удалось выяснить, хотя дед приложил максимум усилий для розыска. Неизвестно, и все! «Не установлено» — единственный ответ, который они получили. Но дед уверен был, что, скорее всего, данные эти засекречены.

Так же непонятно и загадочно, как и почему в возрасте двух лет мальчик оказался в детском доме в Москве.

Почему в Москве? По негласному распоряжению правительства сирот из прибалтийских республик оставляли в местных детских домах. Но кто-то же мальчика вывез, и, вероятно, официально, иначе его б не приняли в московский детский дом, а отправили бы обратно в Латвию.

В сиротском учреждении настоящее имя мальчика, не то Валдис, не то Лацис, поменяли на созвучное русское Валерий, отчество оставили без изменений, а сложную, непонятную иностранную фамилию сократили до Исла.

Вы можете, хоть приблизительно, представить, что за жизнь была у этого ребенка, которого прямо называли сыном латышских фашистов?

Мальчика били, издевались над ним, отбирали у него еду и одежду патриотические русские сироты, по большей части дети расстрелянных врагов народа.

Как он выжил? В полном детском, да и преподавателей-воспитателей, аутодафе инородцу? Выжил!

Путь ему светил один — в ремесленное училище и далее по разнарядке строителей будущего коммунизма на стройплощадки Родины, в основном в заснеженной Сибири. Но мальчик

показал такие способности, что преподаватели ремеслухи, где он учился, по собственной инициативе пошли с «поклоном» по всем инстанциям, чтобы Валере разрешили получить высшее образование и остаться в Москве.

Разрешили. Снисходительно-требовательно, погрозив на всякий случай профилактически пальчиком.

Как учился полный сирота? Между прочим, в главном университете страны? Сон — роскошь, не более трех часов в сутки, остальное — учеба, учеба, учеба и черная работа на износ, чтоб прокормиться.

На третьем курсе мудрый декан Валеры отвел его как-то в сторонку и посоветовал: хочешь достойную работу в дальнейшем и чтобы поутихли вокруг тебя непонимание и настороженность — вступи в партию, сразу отстанут.

Вступил. И место получил, каким-то чудом неприкрытым, — сразу в оборонку на завод. А там быстро вырос от простого инженера до заместителя, а вскоре и до главного инженера.

Комнату ему выделили в коммуналке, зарплату достойную. Правда, пришлось бумаг гору различных подписать, много чего запрещающих, в том числе — всякие знакомства без уведомления соответствующих органов. Но влюбиться Валерию Артуровичу никто запретить не мог, что он и сделал минут через десять после того, как увидел Ангелину, когда дед привел его первый раз к себе домой.

Через месяц справили свадьбу. Валерий Артурович принимал свою жену полностью, без ремарок, — вот такую, красавицу избалованную, немного капризную, эмоциональную с перебором, всегда в накале страстей. Подыгрывал, посмеивался, прощал все ее выкрутасы, любил без упреков и попыток изменить.

Через два года после их женитьбы родилась Инга. И двое мужчин, Павел Федорович и его зять, любили своих троих девочек до самозабвенья. Любили, оберегали, баловали.

Всегда, до последнего вздоха.

— По-моему, Жванецкий сказал, — тихим голосом, не тревожа воспоминаний громкостью, закончила свой рассказ Инга, — дети должны постигать житейскую мудрость на коленях у дедов. Отцы им еще не могут всего объяснить, потому что сами, в силу возраста, многого не постигли, не познали, еще прощать не научились. Но в нашей стране правители сделали все, чтобы мы бестолочками росли, которыми легче управлять. Сначала революция и красный террор дедушек-бабушек искоренили, потом репрессии сталинские, затем война. Так и росли поколение за поколением без дедов. Я бесконечно благодарна судьбе за то, что у Феди были и дед, и прадед, учившие его мужским премудростям, которым априори не может научить женщина.

— Это, бесспорно, большая удача, и очень здорово, — почему-то мрачно сказал Стрельцов, — но у тебя самой планочка-то ой как завышена, недосыгаемо для реальных мужчин.

— Но прожила же я с Муней десять лет! — активно не согласилась Инга.

— Да не жила ты с ним! — от мрачности переходя к суровости, заметил Стрельцов. — Что ты про него знала? Как он ест, спит, разговаривает? А все остальное мимо кассы, без интереса? А зачем? Как жила до замужества, так и после продолжала, все решали отец с дедом, за все

отвечали! О чем париться?

— Ты меня что, ругаешь сейчас? — удивилась необычайно Инга.

— Не знаю! — пробухтел недовольно Стрельцов, сам себя не понимая. — Может, и ругаю, а может, раздражаюсь от твоей излишней идеализации отца с дедом. Знаешь ли, мужиков раздражает, когда женщины при них превозносят с придыханием и трепетом душевным других мужчин.

— Но они же тебе не соперники, — совершенно потерялась от такой его реакции Инга.

— Это кто тебе сказал? — странно посмотрел на нее Стрельцов.

Он вдруг протянул руку, положил ей на затылок ладонь, не отводя взгляда от ее изумленных глаз, притянул к себе и....

Поцеловал. Всерьез. И с большим намеком.

Где-то в середине ее рассказа Стрельцов начал заводится непонятным маховиком мыслей противоречивой направленности, погружаясь в недовольство раздражительное.

Он глаз не мог оторвать, наблюдая за выражением ее лица, она словно засветилась вся изнутри, вспоминая и преображаясь молодостью беззаботной, улыбкой сердечной.

Как же Инга любила и уважала этих мужчин!

Он хотел к себе такого же отношения! Ему вдруг стало жизненно важно, необходимо, чтобы эта женщина так же загоралась внутренним светом, преображаясь, когда вспоминала, говорила, думала о нем!

Он хотел эту женщину! И хотел такого же ее признания! И, бог знает, наверное, где-то поглубже в душе, в тех прикрытых от суеты закоулках, он мечтал, чтобы Инга его так же любила, как тех двоих! Даже еще сильнее!

И его досада, и растревоженное мужское желание росли и ширились от понимания, что та идеализированная картинка, которую она создала и хранила в памяти, не дает ни одному нормальному, здоровому, живому и грешному мужику возможности соответствовать образу «настоящего» мужчины.

По-хорошему, от таких женщин надо несуетливо, но спешно и целеустремленно сваливать на выход! Другой вариант лучше даже не рассматривать, такое непоправимо для мужской психики.

Сваливать он однозначно не хотел — это все равно что проиграть, не вступив в поединок, заранее сдаваясь. Сдаваться Стрельцов не привык и не собирался!

Стрельцов хотел Ингу Исла. В самом примитивном смысле, и в гораздо более глубоком тоже. Причем примитивное желание на данном временном этапе преобладало, что подтверждалось неуместным вставанием некоего органа. Игнату даже пришлось, слушая ее, поменять позу, закинув ногу на ногу, и, как бы невзначай, положить подушечку-думочку на колени.

Вот как она его раззадорила! Растеребила тут ретивое мужское способностью своей так восхищаться мужчинами.

Ну, у живых мужчин в запасе есть верное, как им кажется, средство для утверждения своего превосходства над соперниками. То самое, к чему сейчас господин Стрельцов полностью готов!

И какого черта! Он не собирается отступить от подленького страшка, нашептывающего, что невозможно тягаться с «канонизированными» образами!

Стрельцов вдруг вспомнил высказывание Януша Вишневского: «Боже, помоги мне стать таким человеком, каким считает меня моя собака!» Даже усмехнулся незаметно и головой качнул, но Инга, увлеченная воспоминаниями, не заметила.

Если честно, он не мог бы ответить на прямой вопрос: «Зачем тебе это надо?» Стрельцов просто хотел ее, и все! А от непонятно как сложившегося у него внутреннего убеждения в необходимости соревнования с лучшими — хотел яростно!

Бог знает для чего. Наверное, чтобы уверить себя, ее, их там наверху, что достоин, и не просто достоин — он тоже с большой буквы!

Вечная мужская соревнуха! И не собирался он интеллигентно сдерживаться, огородами ходить — притянул Ингу к себе и поцеловал, вступая в поединок!

За секунды до поцелуя Стрельцов увидел ее удивленные, широко распахнутые карие глаза и веселые веснушки на переносице. От неожиданности она замерла... и ответила на поцелуй. Сначала робко, словно спрашивала, пробовала...

Инга растерялась! Это было так стремительно-неожиданно! Поцелуй!

Не какой-то там нежно-познавательный, вопросительный, а конкретный, с уведомлением о последующем, заставший врасплох!

Ничего подобного она и предположить не могла! Вернее, не совсем так! Или совсем не так? Ах, ты ж, господи, в общем! С того момента, как она увидела его, открыв дверь, в ней росло и вопрошало внутреннее любопытство — а как могло бы у них получиться? Ну, все это! Каково бы было с ним целоваться и заниматься любовью?

И по мере их дальнейшего общения и осознания, что он ей необычайно нравится и как-то созвучен, что ли, эти вопросы росли и ширились, окрашивая воображение иллюстрациями.

Но ведь это были умозрительные вопросы! Без возможности реализации! Игра воображения!

Стрельцов передвинулся, прижал ее сильнее к себе, так, что Инга почувствовала его возбуждение и ответила на поцелуй.

«Все!» — почему-то подумалось ей последней разумной мыслью, и она еще успела удивиться самой себе.

Голова немного кружилась, кожа словно горела, а тело вело себя самостоятельно, как хотело, не подчиняясь разуму. Впрочем, разум куда-то задевался.

Инге хотелось вжаться в Игната, раствориться в нем, потребовать, чтобы он со всем этим что-то сделал. Немедленно!

А он делал. Начал ее осторожно раздевать, но она перехватила инициативу, послав куда-то далеко осторожность, и срывала с себя, с него неосознанно одежду, и постанывала от

нетерпения, слыша себя как бы со стороны.

Стрельцов вдруг остановился, уткнулся лбом в ее лоб и, как о горе, сказал страдальческим, измученным голосом:

— У меня ничего нет!

Чего «нет»? Инге казалось, что у него как раз есть именно то, что надо! Она не поняла и, словно став новой, неизвестной себе самой женщиной, потребовала:

— Не смей останавливаться!

Стрельцов издал громкий стон не то радости-освобождения, не то капитуляции и вошел в нее.

Инга задохнулась от ощущений потрясающих, она куда-то летела за ним следом, спешила, говорила невразумительные глупые слова, отвечая на каждое его движение....

И вдруг перепугалась непонятному, происходящему с ней чему-то необыкновенному и, распахнув широко глаза, вопросительно посмотрела на Игната.

— Все хорошо! — утвердил он. — Все хорошо, не бойся!

И она, поверив, позволила себе расслабиться, перешагнуть черту, падая в то зовущее обещание... и кричала о случившемся!

Стрельцов боялся пошевелиться, ощущение такое, что можно распасться на куски. Он громко дышал, все еще смакуя пережитое только что потрясение.

Как это могло так здорово у них получиться? Так здорово!

Думать пока как-то не получалось, сознание возвращалось неохотно, разгоняемое все еще звучащим у него в ушах криком Инги. Какая же она оказалась! Горячая, искренняя, бесшабашная — потрясающая женщина!

Стрельцов позабыл и про состязание напридуманное, и про желание победить, удостоиться положения, равного главным мужчинам в ее жизни, — все это суть ерунда! Вот то, что у них сейчас было! Он приподнялся, опираясь на локоть, посмотрел на примолкшую под ним Ингу и усмехнулся — какой разительный переход от сексуально раскрепощенной, умопомрачительной женщины к нежно раскрасневшейся, молчаливой, лежащей словно в обмороке девушке.

— Ты как там? — улыбался все шире Стрельцов.

— Потерялась, — шепотом ответила Инга, не открывая глаз.

— Сейчас мы тебя найдем! — пообещал нечто неопределенное он и принялся целовать коротенькими поцелуями.

А Инга ответила, и как-то полыхнуло по новой еще не остывшее жаркое, и затянуло, раскаляясь, удивляя обоих своей стремительностью, и повторилось без всяких предисловий — и жар, и движение вперед, и крик совместный....

Инга чуть не задремала, нежась в полной расслабленности, и осмыслила себя немного, только когда Стрельцов зашевелился, приподнимаясь над ней, опираясь на локти.

— Привет, — тихо сказал он, улыбаясь.

И вид у него при этом был столь довольный, победный, и глаза светились, как у тигра в темноте, от догорающих угольков телесного пожара.

— Привет, — улыбнулась она в ответ.

И вдруг в одну секунду на нее обрушилось осознание своего текущего положения! Полное, отрезвляющее и ужаснувшее!

Она осознала себя голую, лежащую на диване в ремонтируемой чужой квартире, под голым мужчиной, улыбавшемся ей после... после...

О боже!

В мозгу взорвалось воспоминание о том, как... Как она себя вела и что вытворяла!

Да что же такое с ней случилось?!

Как она — она! — могла вести себя столь необузданно и кричать, поторапливать его, и требовать, чтобы не смел останавливаться, и проделывать все эти гимнастические трюки?! И царапать его, и орать во все горло?! Она?! Да ладно! Не может этого быть! Этого же не может быть? И тут, окончательно доканывая Ингу Валерьевну, всплыло воспоминание о несовершенстве ее тела — и слишком большая грудь, и торчащая, далеко не маленькая попа на худом тельце, и растяжки от родов на животе, которые не убирались никакими ухищрениями!

И еще она подумала про педикюр, который давно требовал освежения в салоне, и про ноги, которые надо было побрить еще три дня, а лучше час назад. И про то, что стыдно-конфузно до полыхнувшего румянца на щеках, а также про то, что знает этого мужчину всего два дня, и про... и про...

Она убежала от его внимательного взгляда глазами, паникуя и пытаясь сообразить, что же делать!

Что делать, мамочка?!

Господи, как стыдно, как неловко — ужасно, ужасно!

Она завозилась всем телом, торопливо выбираясь из-под Стрельцова.

— Что случилось? — с легкой степенью беспокойности спросил он.

— Ничего, — проямлила Инга.

И так быстро, оперативненько похватав свои вещи с пола, прыгнула за спинку дивана, прикрыв в скачке стремительном грудь свитером, тщетно пытаясь прикрыть еще и попку, и начала суетно-торопливо натягивать на себя одежду, краснея, отводя взгляд от удивленного Игната, путаясь в пуговицах. Просто умирая от ужасного стыда!

Одним рывком он подскочил с дивана, ничуть не смущаясь своей голости, ухватил ее за запястье и развернул к себе.

— Инга, что случилось?

— Да ничего! — фальшиво до невозможности бляла она и все отворачивалась от начинающего сатанеть Стрельцова. — Я просто вспомнила, что мне еще работать надо, и Фенечка там волнуется...

Абсолютно неубедительная фальшивая шняга, пролепеченная скороговоркой, лишь разбередила Стрельцова.

— Я тебя чем-то обидел? — Он, двумя пальцами взяв Ингу за подбородок, повернул к себе ее лицо, чтобы видеть глаза.

— Нет, ну что ты! — старательно отводя взгляд и убирая его руку, лепетала она. — Все было замечательно! Только действительно пора.

Весь этот бред лишь убедил Стрельцова, что произошло нечто непоправимое. Что каким-то своим действием или словом он...

Что? Обидел? Оскорбил женские чувства?

Да хрен знает!

Он не успел выяснить — побег барышни Исла оказался столь стремительным, как вода, утекающая сквозь растопыренные пальцы, что никакой возможности для выяснений не оставлял. Инга неожиданно рванула боковым отскоком из его рук и выскочила из комнаты. Он торопливо одевался, не собираясь ее отпускать без полной ясности, и сатанел от непонимания, и пугался, что мог, забывшись в удовольствии, что-то такое сделать или сказать. Да, мог! У него голова отключилась! Так у них все сложилось удивительно прекрасно!

Но Инга предугадала эту его целеустремленность волевою к выяснениям, зашла в комнату уже полностью одетая, кинула Стрельцову ключи, он поймал недоуменно.

— Игнат, закрой тут все, пожалуйста, сам и, если тебе не трудно, убери. Ладно? Мне нужно срочно встретиться с начальником, он только что позвонил. Увидимся дома.

И, махнув ручкой, застучала каблучками по полу, выходя из квартиры.

Посмотрев на связку ключей в руке, Стрельцов тяжело опустился на диван. Так! И что это значит? То, что никто ей не звонил, ясен пень, но почему она сбежала? И что, черт возьми, случилось-то?!

— Ладно, поговорим дома! — постановил Стрельцов и смачно выругался.

Инга стремительно бежала, выскочив из подъезда, застегивая шубку на ходу, затем постепенно перешла на торопливый шаг, замедлив его до нормального, а потом и до прогулочного.

Шок! Вот что она испытывала!

Потрясший все ее морально-физические, а до кучи и психологические основы шок! Все дело в том, что Инга Валерьевна Исла испытала первый в своей жизни оргазм. Дважды. И наконец-то врубилась в свои тридцать три года, отчего вокруг секса такой шум вселенский стоит с начала появления человечества.

Она не подходит такому мужчине! Она не может по определению подходить Игнату

Стрельцову! Битому-перебитому, тертому-перетертому, мудрому, завораживающему до обморока, до дрожи в коленках и столь потрясающему любовнику!

Мужчине с такими руками, глазами, губами, улыбкой, голосом, движениями, запахом, силой воли и реализованностью социальной может подходить только женщина модельно-обеспеченной внешности с причастностью к богатым и знаменитым, годочков двадцати пяти.

Тридцатитрехлетняя мать-одиночка, отягощенная бандой в составе свиньи, вьедливой бабушки, сына пятнадцати годов, трудной мамы, будучи низкорослым гибридом пампушки с вешалкой, забывающей о педикюре и регулярном бритье ног под девизом «Жиллетт, лучше для мужчины нет!», подходит такому мужчине как чертополох орхидее.

И даже это можно бы как-то состыковать при большой натяжке и зажмуренных глазах, но что будет, если она влюбится в него по самую макушку?!

Но Инга, сильно пугаясь, подозревала, что уже умудрилась совершить такую глупость! И, господи, что же теперь со всем этим делать?!

Она бы справилась. Точно справилась, если б они так и продолжали общаться в интеллигентно дистанционном режиме. Ну, повздыхала бы ночами, не без этого, немного жалея себя, повспоминала бы, замирая всем женским внутри, Игната Стрельцова и отодвинула на полочку памяти подальше.

Ну что ж теперь, романтика, немного волнения «у крови», рюшки-бантики-цветочки — каждой женщине случается помечтать о зацепившем недоступном мужчине.

Если бы не этот диван с перевыполнением в несколько десятков раз реализации воображаемой мечты! Инга и заподозрить не могла в себе такой страсти и сексуальности, и раскрепощенности шалопутной, и....

Бежать! Прятаться, ховаться, отсиживаться в блиндаже, рвать когти, уматывать, дезертировать с поля боя, улепетывать без оглядки! И на логически возникший резонный вопрос: «Куда?» — она ответила цитаткой Любшина в роли прораба из «Киндзадзы».

— «Солнце на западе, значит, Ашхабад — да», — указала себе Инга направление дальнего забега.

Вот такой «наилучший» выход из ситуации придумала Инга Валерьевна Исла, тридцатитрехлетняя дама, впервые прочухавшая, что такое оргазм!

Всю дорогу до аэропорта, в самолете и во время пути к дому Марины Стрельцов находился в состоянии тяжелого, глухого, недоуменного раздражения и непонятного, нелогичного чувства вины. И это душевное дребезжание было не перманентным, а устойчиво-постоянным, начиная с того момента, когда вчера вечером мадам Исла рванула из-под него с перепуганным лицом потерявшей невинность девственницы.

Никогда не обладавший терпением идиота Стрельцов собирался самым решительным образом выяснить причины ее побега как можно скорей.

Но, когда пришел к ним домой, выяснилось, что Инга принимает ванну и его в данный момент «принять» не может в связи с вышеобозначенным обстоятельством.

Они с Анфисой Потаповной и детьми чаевничали в кухне, а Инга надолго «зависла» в ванной комнате, откуда сначала слышался шум воды, а потом звук включенного фена и звон каких-то баночек-скляночек.

Игнат прислушивался. Ждал.

Дети давно ушли к Федьке в комнату, за комп, оставив их с Фенечкой культурничать беседой, когда впорхнула Инга, покрасневшая, свеженькая.

— Всем привет! — старательно не встречаясь со Стрельцовым взглядом, фальшиво бравурно сказала она. — Чаевничаете?

Фенечка, зная внучку как облупленную, на данный тон удивленно приподняла одну подкрашенную бровку, но от комментариев выяснительных воздержалась, обойдясь бытовым:

— Ты чай будешь, Ингуш?

— Нет! — ответила Инга. — Спать пойду, устала что-то!

— Ну иди, — совсем озадачилась Фенечка, внимательно рассматривая внучку.

— Инга! — поднявшись с места, позвал Стрельцов. — Я хотел бы с тобой поговорить.

— Давай завтра, Игнат, ладно? — хлопая невинно ресницами, продолжала фальшивить она.

— Я бы предпочел сейчас, — нажал тоном Игнат.

И, не давая ей возможности возразить, пошел из кухни, по дороге ухватив Ингу за руку и выводя за собой.

— Как думаешь, Степан Иванович, что у нас здесь происходит? — спросила Фенечка, задумчиво глядя на закрывшуюся за вышедшими дверь.

— Хм-хрю! — выказал недоумение кабанчик.

— Вот и я подозреваю, что дела всякие, а мы с тобой почему-то не в теме!

Игнат остановился на середине коридора, развернул к себе Ингу и потребовал ответов:

— Так, теперь объясни, что случилось, почему ты испугалась и сбежала?

— Да ничего не случилось, Игнат! — заспешила убедить Инга. — Все было замечательно!

— Да? И именно поэтому ты не хочешь продолжения? Я правильно понял? — дуря от тупости и непонятности ситуации, грозно нависал над ней Стрельцов.

— Думаю, это было ошибкой, — обтекла словесами истинную причину Инга.

— Я тебя обидел? Тебе было неприятно? — настаивал он, не собираясь довольствоваться той чухней, что она ему втирала.

— Нет и нет! — твердо и весьма правдиво заявила Инга. — Но нам больше не стоит этого повторять!

— Да какого черта, Инга?! — взорвался Стрельцов, шипя от необходимости сдерживать голосовые возможности.

— Я не хочу больше это обсуждать! — Она выдернула свою руку из его ладони, развернулась и ушла, не забыв пожелать ему спокойной ночи.

Стрельцов прочувствованно выматерился шепотом, резким движением ладони потер лицо, засунул руки в карманы брюк, постоял, успокаивая себя.

Твою ж мать! Ну, ничего! Он ее завтра поймает, затащит куда-нибудь от лишних ушей и вытрясет из нее правду! Лучше бы, конечно, затащить Ингу в постель, а потом, тепленькую и разомлевшую, расспросить обо всем с пристрастием.

Ну да, ну да! Противницу он недооценил! Утром Стрельцов узнал, что мадам Исла срочно уехала на работу ликвидировать какой-то там форс-мажор, образовавшийся внезапно, как водится. Ага, утром! В воскресенье! Какой подходящий повод избежать разговора!

Он несколько раз набирал ее номер, но трубку не брали.

Да пошло оно все! Озверел Стрельцов! Что он, мальчик, бегать за ней, за ручку хватать, в глазки заглядывать: «Что случилось, дорогая?» Да и к черту!

Ты так решила? Ну и бог с тобой! Вторым и третьим пунктами, не добавившими благодати душевной, оказались стойкое нежелание дочери Марии уезжать с отцом и слезно-просительные ругады уговоров оставить ее здесь.

— Ты что, Маш, сбрендил? — недоумевал беспредельно Стрельцов. — Ты вообще понимаешь, о чем ты?

— Ну, папочка! Ну, пожалуйста! — канючила Машка. — Мне надо все хорошенько обдумать в тишине. А мама сразу начнет ругаться и настаивать на своем!

— Что обдумать? — делая усилие, чтобы сохранить спокойный тон, спросил он. — Ты вроде заявила мне, что решила рожать?

— Решила! — подтвердила твердость намерений Машка. — И не передумаю. И именно это мне надо спокойно обдумать. Ну, дай мне недельку!

— Даже если я и соглашусь, обременять людей посторонних твоим проживанием уже просто наглость, — вспомнив ярко, как кадры кино, что он проделывал с одной из этих «посторонних», завелся снова поприхихавший было Игнат.

— Они не посторонние! — почувствовав надежду, заискрила оптимизмом Машка. — А очень даже родные! Фенечка сама мне сказала, что я могу оставаться сколько захочу!

А Стрельцов неожиданно передумал спорить и настаивать. Может, действительно пусть отсидится от матери вдалеке недельку, пока у той спадет первая волна негодования и обе немного остынут. А с Мариной он сам поговорит и постарается ее утихомирить, что ли. В одном Машка права: мать наедет на нее катком с порога, а девочке лучше сейчас поменьше нервничать.

И вздохнув над тяжелой отцовской долей, он пошел беседовать с Анфисой Потаповной на предмет Машкиного недельного проживания.

Маркиза высказала радость, проявив широкое гостеприимство:

— Да, разумеется, Игнат! Пусть девочка поживет у нас, они с Феденькой сдружились, скучно им не будет. А вы уж сами поговорите с ее мамой, подготовите к грядущим переменам.

— Наступившим, — устало вздохнул Игнат, доставая портмоне из кармана. — Я денег на прокорм дочери оставляю.

— Обошлись бы, — махнула ручкой маркиза. — Не бедствуем. Ингуша очень хорошо зарабатывает.

— Это не обсуждается, Анфиса Потаповна, — включил «строгача» Стрельцов.

Он долго и искренне благодарил за радушное гостеприимство и прием, отказался от обеда и дожидаться Инги не стал, понимая, что вряд ли дождетя. Потом, наверное, минут пятнадцать прощался перед дверью со всеми. Машка обнимала его, целовала в щеку, печалилась, что он не может остаться. Федор пожал ему руку со значением и пообещал:

— Вы не переживайте, Игнат Дмитриевич, я за ней здесь присмотрю.

— Тогда спокоен, — кивнул весомо головой Стрельцов.

Он понимал, что прямо из аэропорта поедет к Марине объясняться. От такой перспективы у него зубы сводило! Но никуда не денешься! Он вожак, за все отвечает и разгребает все проблемы!

Весь путь перед глазами у него стояла совсем иная женщина — познанная одурманившим соединением и непонятная до перекилина в мозгу!

А ведь ничего не изменилось — он ее хотел! И пуще прежнего! М-да!

Реальность отвлекла от воспоминаний об Инге Исла, наполненных недоумениями.

— Где Маша? — наездом прямолинейным встретила Стрельцова бывшая жена, открыв дверь на его звонок.

— Осталась в Москве, — переступив порог, сообщил он.

— Что значит осталась?! Ты совсем обалдел, Стрельцов?! — добавив легких истерических ноток в голос, начала нападать она.

— Так! — жестко остановил ее Игнат. — Давай-ка спокойно сядем, выпьем кофе и поговорим.

— Нет, ты соображаешь, что мелешь! — почти кричала Марина. — Ты оставил Машку в чужом городе у чужих людей и заявляешь: спокойно сядем и поговорим?!

— Стоп! — рывкнул Стрельцов так, что Марина от неожиданности замолчала, вытаращив глаза. — Кажется, я уже объяснял, что, если ты будешь разговаривать со мной в подобном тоне, я прекращаю общение с тобой! Давай иди на кухню и вари кофе!

Она поразглядывала его несколько секунд, хотела что-то сказать, но передумала, смекнув, что разозлила бывшего супруга не на шутку и он вполне может реализовать обещанную угрозу. Полное прекращение отношений Марину явно не устраивало, и она пошла в кухню, придерживав до поры накопившиеся претензии.

Игнат снял верхнюю одежду, ботинки, отыскал в калошнице свои старые тапки, обул и отправился следом за ней в бытовую переговорочную. Марина и в самом деле занялась кофе, а он устало сел в кресло за стол и сказал:

— Машка попросила дать ей неделю тишины, передышки от выяснений, чтобы все обдумать без нажима с нашей стороны.

— Что она может обдумывать? — с большим трудом сдерживая себя, отозвалась Марина.

Поставила на стол две чашки с кофе, села напротив Стрельцова. Игнат отпил пару глотков неспешно и с удовольствием — подустал от дороги и бесконечных измотавших размышлений.

— Она решила оставить ребенка, — сообщил он самое главное.

Отмашка красным стартовым флажком — Марину понесло скандальной рысью сразу громко, без предварительного набора оборотов.

— Что она может там решать?! — возмутилась в голос она, подкрепляя эмоции жестами. — Машке пятнадцать лет! Это я решаю, что и как для нее лучше! Какого черта ты оставил ее там, у родственников этой Ангелины Павловны?! Я уже договорилась об аборте, с каждой неделей промедления он для Машки становится все опаснее! Я немедленно позвоню этим людям, чтобы они отправили ее домой!

— Никуда ты звонить не будешь! — жестко осадил бывшую жену Стрельцов. — И я просил тебя не орать. Никакого аборта не будет. Машка решила рожать, и я поддерживаю ее в этом.

— Да мне наплевать, что она там решила, идиотка малолетняя! И плевать на твои поддержки! Я мать, и я буду решать, как моей дочери поступать! Пока она живет со мной и я ее пою, кормлю, одеваю и отвечаю за нее, она будет делать то, что я считаю правильным!

— Во-первых, ты ее не одна обеспечиваешь, а во-вторых, как тебе это ни неприятно, Машка уже выросла и имеет право на свое мнение, — устал сразу и тупо от ее непрерывного нервного крика Стрельцов.

— Она уже продемонстрировала свое мнение, залетев, проявила самостоятельность! — Марина подскочила с места, стул, заскрипев по паркету обиженно, отъехал, а она, жестикулируя активно, высказывала предьяву: — Ты хоть понимаешь, что этим ребенком придется заниматься мне?! Она будет на голове у меня сидеть, вытворять черт-те что, а расплачиваться, расхлебывать мне! У меня сейчас прекрасная работа, карьера, престижное место руководителя, я не собираюсь это терять из-за идиотизма малолетней дочери и твоего потакания ей! Конечно! — театральным жестом разведя руки в стороны, подкрепляла она выступление. — Вы в стороне! Оба! Она родит, свалит ребенка на меня — и тусить с друзьями, балду гонять! А я пеленки стирай, расти! А ты что, дочь поддержка-а-ал, молодец папочка! Вот какой любимый, хороший! Мне не нужен ребенок, я только для себя начала жить и не собираюсь расплачиваться за вашу с Машкой дурь!

Она вдруг резко села на место, подвинувшись со стулом вплотную к столу, и наклонилась вперед, к Стрельцову, высказаться далее:

— А ты представляешь, что о нас люди скажут? Что станут говорить у меня на работе, как смотреть? Мне куда от стыда прятаться? Это же позор!

— Ничего не скажут! — неприязненно взял слово наконец Стрельцов — У всех подростки, и все

родители понимают, что ни от чего не застрахованы и с их детьми в любой момент может случиться нечто подобное, а то и похуже. Тебе что, больше не о чем заботиться, кроме как о мнении окружающих? Может, стоит подумать о здоровье дочери?

— А я как раз о нем и думаю! Поэтому она должна немедленно вернуться!

— Все! Хватит! — прихлопнул ладонью по столу Стрельцов. — Никакого аборта! Забудь! В ее возрасте это опасно, и она может остаться бесплодной! — И предупредил Маринин порыв возражать: — Я сказал, все!

— Не смей на меня кричать! — взвилась девятым, но не последним валом Марина. — Мне глубоко наплевать, что ты там постановил, решил! Жизнь Машке я не дам сломать! Пока она живет со мной, будет подчиняться моим требованиям!

— Хорошо, — неожиданно спокойно произнес Игнат. — Значит, жить с тобой она больше не будет, переедет ко мне.

— Ну да! — ернически разведя руками, ответила Марина. — Отец у нас такой хороший, понимающий, а мать последняя стерва! Ну конечно! Как Машку растить, воспитывать, так тебя и рядом не было! А тут образовался весь такой продвинутый, современный, делай, дочь, что хочешь!

Стрельцов взял паузу, потер устало ладонью лицо и ровным тоном огласил постановление:

— Значит, так. Сложишь Машины зимние вещи, Иван заедет на неделе, заберет.

— Это бред! — перебила она его, опомнившись.

— Помолчи, Марин, — велел Стрельцов. — Ты уже высказалась по полной программе. Возить ее в школу буду сам, по дороге на работу, договорюсь с домработницей, чтобы приходила каждый день и готовила, ближе к родам найду няню. Думаю, втроем они справятся. Этот год Машка доучится, на следующий наймем репетиторов, будет дома экстерном заниматься. А там посмотрим.

— Хочешь попробовать быть папочкой? — усмехнулась скептически Марина. — Ну, давай, попробуй, может, поймешь чего! Кстати, баб водить домой теперь не удастся, как тебе эта свежая мысль?

— Кажется, я объяснял, что, если ты будешь разговаривать со мной в подобном тоне, я прекращу общение с тобой! Сегодня я выслушал последний раз твою истерику, и только потому, что понимаю, как ты сильно переживаешь сложившуюся ситуацию. Нам не воевать надо, а объединяться. Встретиться с этим мальчиком, с его родителями, понять, что за люди и сложатся ли у нас нормальные отношения.

— Дай мне телефон и адрес в Москве! — потребовала Марина.

— Зачем? — насторожился Игнат.

— Я должна знать, где находится моя пятнадцатилетняя дочь!

— Я дам, но звонить и отчитывать Машку не надо.

— Я сама знаю, что и как мне делать!

— Марин, хватит! — предупреждающим и уставшим тоном сказал он. — Уже точно хватит!

Стрельцова измочалил, опустошив, этот разговор с Мариной.

Разумеется, он не ожидал ее радостного «ура!». Она во многом права, и ее можно понять, что Игнат и старался делать. Марина хорошая мать и хозяйка замечательная, понятно, что она потрясена случившимся, и ей надо время, чтобы свыкнуться с самим фактом Машкиного материнства.

Никакой столь серьезной перемены в жизни, как совместное проживание с дочерью, он не планировал. И принял решение во время разговора, отчетливо поняв, что если Машка останется с матерью, то это станет подарочным поводом для Марины бесконечно скандалить с ним. А решив, почувствовал такое внутреннее успокоение, правильность, что даже удивился — почему же он раньше не сообразил, что так будет лучше всего. В первую очередь для дочери, и, конечно, для него.

Как ни странно, им удалось закончить разговор на более-менее мирной ноте и договориться о Машкиных «каникулах» московских и о том, что она переедет к Игнату. И вроде Марина согласилась, что, может, так действительно будет лучше.

Войдя домой, Стрельцов почувствовал себя избитым, точно поучаствовал в добротном уличном махаче — навалились одним большим валом все накопленные эмоциональные «отходняки».

Он долго отмокал в душе, запретив себе анализировать события последних трех дней. Оделся в домашние любимые джинсы, мягкие и удобные, тонкий пуловер того же предназначения — успокоить, умиротворить домашностью.

Соорудив что-то незатейливое поесть, Игнат подумал и плеснул в бокал коньячку, в ту же целевую обойму — расслабиться и уравновеситься душевно. Устроился на диване, включил телик, хлопнул коньяку, закусил в удовольствие и, казалось бы, — мир во всем мире! Тишина отдохновения! Вот она! Он перескакивал с канала на канал, не вникая и не слыша, что там показывают. Предательская память, подогреваемая неостывшими чувственными воспоминаниями, прокручивала перед его мысленным взором свое ток-шоу.

Начиная с их первого поцелуя с Ингой. И как она замерла от неожиданности, и ответила, и распалась в секунды, и оказалась убойно-сексуальной в своей искренности проявления желания, в каждом движении и порыве.

Вспомнил, как думал, что помрет от окатившего ледяного разочарования, когда раздел ее и себя и только в этот момент сообразил, что у него нет презервативов!

На минуточку, он уж давно не мальчик, чтобы носить их с собой в ожидании незапланированного секса по углам-кустам. Дома, разумеется, полный набор запасен, как и полагается, а ежели к даме на свидание, то сии вещи приобретаются вместе с букетом и прочими составляющими — плано-договоренно, солидно, как и положено в его возрасте и статусе.

А тут бабахнуло! Спасайся, кто может! Но... поздняк метаться!

Идиотизм! Кому сказать — обхохочутся! Но ведь сорвало и потащило! И думал, что кондрашка хватит прямо сейчас, когда понял, что придется остановиться! Вот кирдыкнется вместе со всеми своими юношескими неконтролируемыми желаниями!

Но она позвала, приказала, и Стрельцов успел подумать, что вполне может-таки кирдыкнуться, но ровно от противоположного — от безмерной радости освобождения!

Господи боже мой, что за женщина!

Настоящая, ничего поддельного, разыгрываемого — от веснушек и темных разметавшихся волос, покрасневших губ, горящих чем-то потусторонним глаз, белизны кожи и до оргазма — громкого крика, разделенного с ним, и полной, бескомпромиссной отдачи!

Уставший там не уставший, измочаленный дорогой и разговором с Мариной, а при одном воспоминании все встало за милую душу!

Он чертыхнулся от таких «почестей» даме, поднялся рывком с дивана и пошел за коньячной успокоительной «микстурой» — пятьдесят грамм для остужения нейроно-сексуальных связей в мозгу.

Сделал глоток и вдруг подумал — вот странная заморочка жизни.

Взять Марину. Красавица. Ей тридцать пять, и если бы не взгляд умудренных глаз, то влегкую можно дать не больше двадцати пяти. Блондинка голубоглазая, высокая, стройная, как девочка, кожа светится жемчужно. Ухоженная, всегда при макияже, маникюре и всех достижениях косметико-омолаживающей индустрии. Аура, одним словом, та самая, за которую борьба. Модели мировые могут поспать, когда она идет.

И что? А то: грубо, по-мужски выражаясь, не стоит на Марину у Стрельцова хоть на одетую, хоть на раздетую! То ли от памяти, не забывающей напомнить, как дребезжит она истерическим голосом, то ли от доставаний ее вечных, то ли по еще какой причине — но... нет! Хотя если б хотелось, то глубоко по фигу на все ее выступления, обвинения, это любому мужику ясно.

Уж как у нее с другими мужчинами дела обстоят, он не знает. По крайней мере, постоянного друга любезного за эти пять лет свободной разведенки Стрельцов что-то не наблюдал. Кстати — тоже по фигу!

И Инга.

Вот что в ней такого? Маленькая, ему до плеча, худенькие ручки-ножки, ребра, и на таком «каркасе» грудь формы и размерчика — ой-ой-ой! И тыл украшает попочка такой формы, он бы сказал по-мужски определеннице! Словом — смерть инфарктнику, не утратившему потенции. И ведь красавицей не назовешь. Миленькая, симпатичная, интригующая, запоминающаяся, обаятельная — это да!

Темные волосы, глаза с неизбывной смешинкой, белая, как атлас, кожа, веснушечки очаровательные, губы — контрольный выстрел в сердце того же инфарктника. И вроде бы ничего особенного, кроме, разумеется, потрясающей фигурки, вне принятых модельных канонов, а так — ну нет в ней красоты пленяющей!

Но глубоко безразлична любая красота, когда смотришь на нее! Да потому что есть в Инге Исла некая манкость, тайная притягательность, женственность редчайшей пробы и отсутствие искусственности, наигранности, расчета.

И только стоит ее вспомнить, подумать о ней, как горячей волной по телу пробегает желание — большой мужской привет! Ну вот как это объяснить?

Что-то там боженька намудрил в отношении полов! Ой, намудрил!

А Стрельцов мучайся! И мучился, и злился так, что зубами скрипел! Вот что могло случиться? Отчего и почему ее переключило?

Инга себя так ругала! Подыскивая слова по-заковыристей, по-конкретней — ругала на чем свет стоит! Ну как можно было так откровенно сбегать, лепетать что-то тупо фальшивое, прятаться?! Что у нее с головушкой-то? Совсем набекрень?

Ну ладно, решила ты, что ему не подходишь, — так себе решение, конечно, по степени нормальности разума! Бог с ним, хорошо, примем условно такой выкрутас сознания. Но бегать-то зачем?! Да еще так откровенно! Дура дурой, и сбоку бантик!

Вроде бы большая девочка и могла б придерживаться стандарта поведенческого: «Секс получился замечательный, спасибо, мы люди взрослые, всякое случается!» И мудрой хозяйкой посидеть, поболтать на нейтральные темы, а после проводить гостя как положено. Классика жанра, а оказалось — клиника!

Ну не могла она находиться рядом с Игнатом! У нее руки не хотели слушаться приказов мозга и тянулись дотронуться до Игната, прижаться к нему, погладить, потрогать пальцами, вдохнуть его запах — клиника, она и есть!

Головушку сносило напрочь маниакальной направленностью мыслей и желаний! Бред!

Ну, вот она и рванула с утра пораньше в воскресенье под самым тупым предлогом, сбегая от настойчивости Стрельцова все выяснить.

Не рассказывать же ему про педикюр, небритые ноги и несовершенство своей фигуры!

Интересно, все женщины, влюбляясь, тупеют с межгалактической скоростью или она одна такая странная?

Последние четыре дня эти рассуждения стали для Инги Валерьевны основными и пугающими своим постоянством. Вообще-то было стыдно!

За все! За обнаруженный в себе при помощи «доктора» Стрельцова сексуальный экстремизм, за несоответствие ему своей телесной оформляющей, за побег трусливый тоже стыдно!

Словом, нагнесть и окошмарить себя Инге удалось в полной мере, до того, что работать получалось с трудом и в основном волевым окриком. В результате чего новый заказ она взяла домой, предупредив начальство, что ей пару дней надо поработать в тишине. Начальство отпустило, благословило и огласило свои ожидания шедевра при таком творческом рвении.

О да! Шедевр у нее получится, еще какой! Что-нибудь в красно-багровых сексуальных тонах — и беленькую «виноватую» розочку в середину!

Сплошные эндорфины с допоминами! Ужас крепчал!

Инга, когда посмотрела на свой эскиз, хохотала до слезы, аж Степан Иванович прицокал проверить, что тут за дела. И, ра-зу-ме-ет-ся, маркиза следом за ним на таратайке.

— Ну, слава богу, ожила! — возликовала бабушка.

— А что, я как-то мертво выглядела? — удивилась Инга.

— Потерянно, рассеянно, — перечисляла Фенечка, — виновато, раз пять ни за что извинилась передо мной и Федором. Мы подозреваем, что это связано с Игнатом Дмитриевичем.

— Кто мы? — напряглась Инга.

— Дети, я и Степан Иванович.

— Что, даже свинтус отдуплился? — хмыкнула Инга.

— Это слишком тинейджерское выражение, но суть ухвачена верно.

— И что говорит? — все шире улыбалась Инга.

— Степан Иванович, — призвала Фенечка верного друга высказаться.

— Хм-хрю! — вздохнул Степан Иванович грустно, но харизматично.

Инга рассмеялась, радостно освобождаясь. Ну и ладно, что сглупила и вела себя, как неадекватная барышня, — всякое бывает, живем вроде, не ангельствуем! И чего уж так себя стыдить и виниться!

— Итак! — приступила Фенечка к «основному» блюду с особым удовольствием от предчувствия интриги. — Что у вас с Игнатом произошло?

— А-м-м, — не зная, как объяснить и что объяснять-то, неопределенно тянула Инга.

От чистосердечного признания, неизбежного, как судьба, Ингу Валерьевну спас звонок домофона.

— Дети, что ли? — хитро улыбнувшись маркизе, что-то вроде привет ручкой, соскочила она резвой козочкой с места, улепетывая под благовидным предлогом.

— Да! — еще посмеиваясь, звенела голосом Инга, отвечая на звонок.

— Здравствуйте, я мама Маши Стрельцовой! — оповестил домофон.

Искры в Инге тут же потухли, сердце почему-то бабахнуло, обдав жаром внутри, и она автоматически нажала кнопку отпирания двери.

— Кто там? — подъехала Фенечка в сопровождении друга Степки.

— Машина мама, — поделилась настороженностью Инга.

— О как! — подобралась маркиза, и глаза у нее заблестели. — Обещает быть интересным!

— Что, эстетика мыльных сериалов поднадоела? — спросила рассеянно Инга.

— Но в жизни все куда как круче и интереснее, Ингуша!

Прозвенел звонок в дверь. Настойчиво-воинствующий, продолжительный.

— Здравствуйте, — нейтрально поприветствовала гостью Инга, открывая дверь и не зная, чего ожидать.

— Добрый день, — холодно ответила дама и переступила порог. — Позовите, пожалуйста, Марию.

— Проходите, — любезно пригласила Инга. — Маши сейчас нет.

— Где она? — тоном недовольного руководителя поинтересовалась гостья.

— Они с Федей в школе.

Дело в том, что Федька, порадовав их с бабушкой поступком настоящего мужчины, утром в понедельник отвел Машу в свою школу. Представил директору и сообщил, что это его родственница, у них в семье проблема, и Маше придется недели две пробыть в Москве, а она не хочет пропускать занятия. Проверочного звонка Инге, которая подтвердила версию про родственников с проблемами, директорисе хватило, чтобы Машке выдали временный пропуск для прохода в школу и приняли в Федин класс в статусе вольной слушательницы.

Испытав законную гордость за сына, Инга Феденьку похвалила и тихо про себя порадовалась, что девочка не будет болтаться без дела и зависать в Инете, пока он учится.

— С каким Федей? — повысив требовательно тон, спросила Марина.

— Федя мой сын, ровесник вашей Маши, — ровно объяснила Инга, не поддаваясь на провокацию голосовым нажимом. — Чтобы ваша дочь не пропускала занятия, он договорился с директором, что она будет посещать уроки в его классе.

Инга напряглась. И сильно. Даже сердце как-то защемило предупреждающе и тоскливо.

Вот эта женщина, полностью, без зазоров, подходит Игнату Стрельцову! На все сто! Как недостающий пазл в узоре! Она была так хороша, что у Инги защипало в глазах. Шикарная голубоглазая блондинка, неопределяемого возраста, с ногами из-под мышек, холено-ухоженная, салонно-бутиково-фитнесклубовская, гламурное тавро было расставлено на ней по всей поверхности!

И контрольным выстрелом в голову простушек образ видения усиливала навороченная шубка — модная-модная в этом сезоне, дорогущая-дорогущая!

Господи боже и иже все апостолы с ним!

На фоне буйствующей красоты в достойной оправе, коими блистала Машина мама, Инга почувствовала себя огрызком от докторской колбасы на столе у слесаря-выпивохи.

Она никогда в жизни ничего подобного не испытывала! Вот вам крест!

Страдать какими бы то ни было комплексами неполноценности, сравнивая себя с другими женщинами себе в ущерб и в их пользу?! До нынешней субботы Ингу вполне устраивала собственная внешность и неослабевающий мужской интерес к ней.

И на тебе! Два оргазма — и такая вот фиш!

Ничего, незваная визави оторвала временно ее от размышлений о собственной ущербности.

— Кто. Дал. Вам. Право, — выделяя нажимом с паузами каждое слово, надменно-уничтожительно атаковала Марина Стрельцова. — Отправлять Марию в какую-то школу? Не согласовав с ее родителями? То есть моя дочь может в данный момент общаться неизвестно с

кем и неизвестно где шататься, а вы так легко и радостно об этом сообщаете?

«Спокойно! — приказала себе Инга, подавляя естественное желание выставить дамочку за дверь. — Она просто беспокоится за Машу! Как любая нормальная мать!»

— Это хорошая школа, — сохраняя нейтральность голоса, вытолкнула из себя слова Инга. — С сильным преподавательским составом, и дети там учатся замечательные, умные.

— Соберите Машины вещи! — приказала Марина с крутизной начальственной, освоенной по причине завышенной самоидентификации. — И скажите адрес школы!

— Адрес школы я вам не скажу, — включила свое умение остужать зарвавшихся Инга Исла. — А вещи вы можете собрать сами.

— Я соберу! — угрожающе предупредила дама. — И не дай бог я обнаружу, что вы поселили мою дочь в одной комнате со своим сыном! Вы меня благодарить должны, что я в милицию заявление не написала о том, что вы укрываете сбежавшего ребенка! Но это никогда не поздно сделать!

— Что-о-о?! — обалдела Инга, словно ее стукнули.

С терпением у нее всегда была напряженка, а тут уж сам бог велел оторваться на этом воинствующем гламуре! Она уж и воздуха в легкие набрала для «посыльного» выступления...

— Молчать! — остановил ее окрик Фенечки. И так она это произнесла! Ум-м-м! Видела бы мама, умерла б от зависти перед истинным талантом! Дворянство разбушевалось умением повелевать, останавливая одним словом оголтелую пьяную матросню, ввалившуюся экспроприировать!

— Деточка! — холодила таким голосом Анфиса Потаповна, что даже Ингу пробрало. — Разговаривать подобным образом вы можете с поломойками диетической столовой, а не в приличном доме. На кухню! Немедленно! — Она царским жестом указала гостье направление, перевела взгляд на Ингу и добавила: — Обе!

— Хрю! — выразил полную поддержку и свое страшное свинское презрение Степан Иванович.

Маркиза неспешно развернула свой агрегат и — господи боже, кто бы мог подумать, что инвалидное кресло может ездить с преувеличенным достоинством! Видимо, суть в перевозимом содержимом, а не во внешней механической форме.

Потряса и пристыдив до покрасневших щек «подругу» столовских уборщиц, маркиза ехала к кухне, сопровождаемая кабанчиком.

Инге захотелось аплодировать. Стоя. Долго и с большим чувством.

Как пресловутый загнипнотизированный кролик, гостья, не сводя взгляда с удаляющегося кресла, увозящего Фенечку, сняла шубку, растерянно подержала ее в руках, перевела взгляд на Ингу, которая, стараясь ни одним лицевым мускулом не выдать рвущуюся улыбку, забрала у нее «барахлишко». Повесила в стенной шкаф и повторила направляющий жест рукой, в кухню.

Анфиса Потаповна уже устроилась на своем месте за столом, готовая к «диалогу».

— Деточка, — не одарив пока нотками добродушия нахрапистую незванку, обратилась она. —

Вам капль валериановых или коньяку для умягчения нервов?

Инга отмалчивалась, пряча норовящую предательски прорваться улыбку, вполне себе представляя, как может уконтрапупить маркиза любой пафос, а с ним и гордыню вкупе с презрительностью так, что от размазанного только сопли останутся. И, предвкушая акт первый, сцену первую, убыла с авансцены, оставив Марину в полное распоряжение примы — а она похозяйничает в партере. Что-нибудь легкое: чай, кофе, приглашение трапезничать гостя пока не заслужила, и даже более того.

Пока Марина усаживалась, справляясь с потрясением, Инга поставила перед ней рюмку с коньяком вместо предложенных вначале валериановых каплей. Уж она-то доподлинно знала: если Фенечка отрывается с душой, то никакие капли не помогут, хоть литрами их пей!

— Спасибо, — поблагодарила Марина.

— Дочка, — выдержав паузу до конца, пока гостя делала глоток коньяка, приступила к экзекуции Анфиса Потаповна. — То, что вы нахамили и оскорбили нас, говорит о вашей невоспитанности и бескультурье (пауза!). Но мы понимаем вашу обеспокоенность за дочь и спишем это на материнскую тревогу.

Класс! Подзатыльник и конфетка! И предупреждение — спишем, но только один раз!

— Выпейте еще коньячку, вам необходимо немного снять напряжение, — «заботливым» следователем НКВД, после избиения предлагающим подследственному сигаретку, улыбнулась Фенечка Марине.

Коньяк гостя выпила. Весь, что предложили, одним глотком. Сняла напряжение. И шлюзы прорвало! А никаких вариантов — опытный психолог, можно сказать: психотерапевт человеческих душ Анфиса Потаповна «вскрывала» таких девочек легко и незатейливо! Как француженка устрицу на завтрак!

— Вы простите меня, пожалуйста! — принялась каяться с пояснениями Марина. — Вы не представляете, как я намучилась с Машкой!

— Конечно, дорогая, это тяжело, подростковый возраст! — дирижировала разговором Фенечка, похлопывая девочку ободряюще по руке.

Все! Марина теперь ее! Целиком и полностью, с анализом крови и мочи и всем своим глянцевым шиком! Ай, браво!

И как маркиза это проделывала? Факир страстей, ей-богу!

Чтобы справиться с рвущейся улыбкой, Инга сноровисто накрыла стол к чаю, поставив большой заварочный чайник, чашки-блюдца и разнообразное угощение.

А из Марины полились шквальным потоком откровения вперемешку со слезами.

— Вот именно! Переходный! — она вдруг спохватилась. — Простите, как вас зовут?

— Анфиса Потаповна, — представилась бабушка. — А это моя внучка Инга.

— Да, — кивнула Марина, не выпадавая из монолога про больное. — Вы не представляете, что она вытворяла, Анфиса Потаповна! Я ей запрещаю в клубы ночные ходить, говорю, ты еще

мала для них, а Маша орет в ответ, обвиняет меня черт-те в чем! Что ни скажу, на все: «ты не догоняешь!» и «это моя жизнь, я уже большая!». Постоянные скандалы, крик. Подруги — ужас! Размалеванные все, из-под юбок трусы видны, разговаривают, как шалавы подзаборные! Взрослые у них отстой, родителей ни в грош не ставят!

Слезы потекли ручьями по идеальным Марининым щекам. Фенечка сунула ей в руку пару салфеток и жестом показала внучке — еще коньяка и закуски какой-нибудь. Инга налила щедрую порцию, не пятьдесят грамм, поболе, закуску — лимон, сыр, маслины — поставила поближе к «королеве»-матери и села напротив за стол.

— А мальчики вообще кошмар! Эти штаны с ширинкой до колен! Шапочки идиотские, толстовки безразмерные, цепи на шее, кольца-браслеты, матерятся все, курят, пьют, вечные банки с пивом в руках! Я запрещаю дружить с такой компанией, дома запираю, а Маша в крик! Несколько раз сбегала! — Она высморкалась в салфетку, отпила коньяка. — К папочке своему! Он, конечно: доченька, доченька — и все ей позволяет! Да Стрельцов понятия не имеет, что значит растить ребенка, к тому же столь сложного! И получается, он хороший отец, а мать такая-сякая, достает дочь несчастную! Попробовал бы с ней жить! От друзей этих отвадить, от наркоты, клубов и дури разной! Только мне все приходится! А эта беременность!

Она допила одним махом коньяк, оставшийся в бокале, вытерла потекшую тушь под глазами, нос. Фенечка сунула ей еще пару салфеток в руку. Инга сходила в кухонную зону, принесла с собой бутылку коньяка, налила в бокал Марине и оставила бутылку на столе, что ж теперь бегать каждые пять минут!

— Анфиса Потаповна, вы ведь понимаете, какой это стыд! — жаловалась Марина. — Как я людям в глаза смотреть буду?! Я родителям своим сказать боюсь, они не переживут такого позора! А что обо мне на работе скажут?! Я столько лет, столько лет строила свою карьеру! Наконец заняла достойное место руководителя, и тут такой позор! Да подчиненные меня уважать перестанут, и начальство! На мое место, знаете, сколько желающих! Сожрут и не подавятся! — Она отпила коньяку.

— Думаю, вы преувеличиваете, Марина, — высказала свое мнение бабушка. — Сейчас другое время, и малолетних мам более чем достаточно. В этом, разумеется, ничего хорошего нет, но и постыдного тоже. У вас собственный заработанный авторитет, и, что бы ни происходило в вашей личной жизни, это никак не может повлиять на него.

— Вы меня просто успокаиваете! — Глоток коньяка, вытирание носа. — А на самом деле и шушукаться за спиной начнут, и пальцами тыкать, и соседи по дому будут сплетничать!

— Это можно пережить! — чуть строже сказала Фенечка. — Главное сейчас — здоровье Маши. Нужно помочь ей справиться с этой ситуацией.

— А они все придумали. — Красноречивый жест рукой, скептическое выражение лица. — Нет, вы представляете, Машка решила, что будет рожать! И Стрельцов заявляет мне, что поддерживает ее! Как всегда, папочка хороший, а мать — стерва! Он даже собрался ее у себя поселить! Типа, я злая мать, ребенка из дому выгнала, а он прекрасный отец, рожай, доченька, отцу позор не страшен! — Гостья отпила коньяку, уже немного захмелев.

— Марина, вам надо поесть, — предложила Инга, заметив, что она быстро пьянеет.

— Надо, — согласилась та, — спасибо.

— Хрю! — засомневался в необходимости кормить эту гостью Степан Иванович.

— Какая у вас прелестная свинка! — отвлеклась от трагедии жизни мадам Стрельцова.

— Эта порода называется мини-пиги, — забалтывала ее Фенечка, буквально сунув в руки чашку с остывшим чаем.

Инга быстро разогрела в микроволновке гречку с бефстрогановом, нарезала на тарелку овощи и поспешила поставить перед гостьей. Фенечка делилась познаниями в домашнем свиноводстве, Марина внимательно слушала, ела, и Инга немного перевела дух. Вроде утряслось? Ага, как же!

— Анфиса Потаповна, Инга, — обратилась Марина «по-девичьи» к ним. — Вы же понимаете, что надо срочно делать аборт! Любое промедление опасно для Машиного здоровья! Вот я за ней и приехала!

Инга поняла, что сейчас Фенечка ее размажет. И поспешила подлить Марине побольше коньяка в бокал. В это время у Инги в кармане запиликал телефон, останавливая Фенечку, уж было собравшуюся приступить к словесной порке. Звонил Федя.

— Это с работы, — сказала Инга и ретировалась из кухни со стремительностью ветра.

— Ма! — обратился к Инге жизнерадостно любимый сын. — Мы тут с Машкой в кино намылились!

— Мероприятие отменяется! — не дала добро на культпоход мать.

— А че случилось? — насторожился понимающий сын.

— Приехала Машина мама.

— О! — оценил неожиданность визита Федор. — И что там у вас?

— Нормально. Маркиза оттачивает на ней свои дворянские коготки.

— Тогда наша фильма точно отменяется! — хохотнул Федька.

— «Какой тут борщ, когда на кухне такие дела!» — цитатой Жванецкого описала ситуацию «у доме» Инга.

— Поня-я-ял! — уверил сын. — Ну, лады, мамульчик, мы скоро будем!

Мамульчик призадумалась, возвращаться ли в кухню или предоставить маркизе самой отдуваться. Светская красота госпожи Стрельцовой, рассуждения про аборт и ежеминутное упоминание бывшего мужа бодрости духа, прямо скажем, Инге не добавляли!

Но дела гостеприимные еще никто не отменял, да и Фенечка может выйти из дворянского образа и навалить даме моральных тумачков расстрельных!

— Вы же понимаете, Анфиса Потаповна, — очередной раз уверяла бабушку в ее понятливости Марина.

Так, и что она пропустила? Видимо, дебаты по поводу Машкиного переезда к отцу, под которые маркиза умудрилась скормить Марине и горячее, и всю коньячную закуску. Молодец Фенечка!

— Шила в мешке не утаишь, — разъяснила гостя. — Скажут, что я выгнала беременную дочь

из дома!

— А, по-моему, неплохая идея, — заметила маркиза. — Пусть девочка поживет с Игнатом Дмитриевичем, вам, Марина, неплохо бы отдохнуть от этой затянувшейся юношеской скандальности Марии. А любые слухи можно предотвратить.

— Как? — живо заинтересовалась Марина.

— Сказать правду или придумать повод, почему Маше так будет удобней. Например, всем говорить, что у вас ремонт, если вы уж так боитесь сплетен.

— Прекрасная мысль! — оживилась Марина, однако тут же вздохнула. — Но все равно мне не нужен этот ребенок! Ясно ведь, что забота о нем ляжет на мои плечи!

— Но, как я поняла, Игнат Дмитриевич предложил для этого свои плечи? — приподняла одну бровку, вопрошая, маркиза.

Все! Инга догадалась, что Фенечке уже неинтересно и устала она от драматичности навязчивой Марины Стрельцовой. Значит, ее, Инги, выход, желательно без «цыганочки».

— Марина, — старательно улыбаясь, обратилась она к гостье. — Я вижу, вы устали от дороги и стресса. Хотите душ и отдохнуть?

— Я налегке, — соблазняясь заманчивостью предложения, с сожалением ответила Марина. — У меня нет с собой туалетных принадлежностей.

— Да я вам все дам! — порадовала Инга и под локоток, под локоток, осторожно, но настойчиво, вывела осоловевшую Марину из кухни.

Снабдив гостью необходимыми принадлежностями, она оставила ее в ванной и вернулась назад, найдя Фенечку в легкой форме задумчивости.

— И что? — призвала Инга маркизу поделиться мыслями.

— Они правильно сделали, что развелись, — выдала бабушка. — Марина совершенно не подходит Игнату.

— О как! — искренне подивилась Инга. — Это почему же? Выглядит она потрясающе, как с обложки гламурного журнала!

— Да при чем здесь это?! — отмахнулась, досадуя, Фенечка. — Для такого мужчины у нее кишка тонка! Сломалась от первого нажима, я и не наехала толком, а она уже каяться принялась!

— Тебе для полноты образа не хватает кожанки, косыночки красненькой и пахитоски, меж комиссарских пальцев зажатой, закурить удавшийся допрос!

— Испортила тебя мать тягой к актерству! — усмехнулась Фенечка и продолжила делиться выводами: — А девонька так себе, ничего стоящего, мнение окружающих для нее превыше всего, икона. Она и выглядит так шикарно только потому, что это принятый и поощряемый образ состоявшейся социально женщины. И работа, и престиж, и шмотье-барахло стандартного набора. Уверена, что ее квартира скопирована один в один из какого-нибудь журнала интерьеров. Марина — эдакая девочка из провинции, пробившаяся в люди. Только пробиваться

ей не пришлось, и горя-нищеты хлебать, и беды мыкать, и закалять характер и мудреть не на чем было. Все на блюдечке, да с икорочкой. Самые трудные девьяностые годы жила в полном достатке, в хорошей квартире, родители Игната помогали. Никаких трудностей, безнадеги и сложностей, кроме того, что зарабатывать мужа не было рядом. А вот социальной упакованности полный коробок: супруг — кандидат наук, по заграницам разъезжает, денег более чем хватает, ребенок здоровый и под присмотром бабушки-дедушки. Да и после развода, насколько я понимаю, Игнат Марину с Машкой очень неплохо обеспечивает. Чего карьеру не делать, особо не напрягаясь, коли задница прикрыта! Конечно, какой Марине сейчас ребенок! У нее статус социальный, тешаций тщеславие, и Машка уже большая — только и живи в свое удовольствие, а тут новорожденный! И понятно, почему она дочь Игнату отдавать не хочет: это ведь пятно на ее тщательно выверенном имидже. И вроде женщина неплохая, и мать хорошая, и вполне разумна, а стержня никакого.

— Что детям говорить-то? — ушла от обсуждения Марины Прекрасной Стрельцовой Инга.

— Нам — ничего. Маша с матерью сама побеседует, а по результатам их переговоров посмотрим, стоит ли нам вмешиваться.

— Вот чего я и опасалась, твоей активной позиции, — вздохнула безнадежно Инга.

— Активная позиция — это нечто иное, в основном телесное, и только для вас, молодых, — назидательно пояснила Фенечка. — А я по-простому стукану по телефону Игнату Дмитриевичу, если что. Мне можно, я старенькая, видишь вон, на креслице передвигаюсь.

— Хм-хрю! — посмеялся Степан Иванович и от щедрот свинячьей души одобрил: — Хрюм-да!

— О! — порадовалась Фенечка. — И сообщника имею!

Попробовать себя в роли стукача Фенечке не удалось. Машка с перепугу сама позвонила отцу и сообщила о прибытии матери в стольный град за беглой дочерью.

Стрельцова просто прорвало от этой новости!

Он выдержал спокойный тон, разговаривая с Машей, пообещал ей, что уладит вопрос. Но потом с такой силой шандарахнул телефоном по столу, что бедная трубка, попискивая и потрескивая, несколько раз подскочила метательным снарядом по кипам документов на столе, чудом каким-то не разлетевшись на куски и не свалившись на пол.

Твою мать! Вот твою же мать!

Как он мог купиться на ее фальшивое согласие и смиренный тон?!

Ведь подумал еще тогда, что Марина подозрительно быстро согласилась с ним, и не прислушался к своему внутреннему чутью!

Да, сейчас, как же! Разрешит она за здорово живешь Машке переехать к нему! И с родами спокойненько смирится! Ага! А что люди подумают?! Выгнала дочь забеременевшую! Да вы что!

— Сам виноват! — успокаиваясь, вынес себе порицание Стрельцов. — Расслабился, не дождал ситуацию до конца!

Да что уж теперь.

Теперь как ни крути, а надо звонить Инге. Ой, как он этого не хотел!

Приняв за руководящее утверждение: «Он не мальчик и бегать, уговаривать ее не будет!», понимая, что общаться-то так или иначе придется, хотя бы поблагодарить за Машкино проживание, пусть и в полуофициальных тонах, Стрельцов уговорил себя отключиться от отвлекающих факторов и заниматься только делом.

Но вне рабочей зоны ответственности он несколько раз в день думал о ней и хотел позвонить, поговорить.

Зачем? О чем? Да хоть о чем, голос услышать, шуточки ее, с тайной надеждой: может, проговорится, почему сбежала. Но он останавливал себя всякий раз — действительно ведь не мальчик! Чего названивать, мямлить что-то с намеком?!

Но телефон в руках держал и придумывал удобную «нейтралку», единственно возможную: как там Машка.

Ну вот, на тебе и повод! Етить его! Это даже не повод, а обязаловка! Стрельцов, представив, что могла наговорить там Марина, чувствовал, как от злости волосы на затылке шевелятся.

И, проверив телефон — выжил ли? выжил, не подвел удароустойчивостью, — набрал номер Марины, для начала. В ответ — длинные гудки.

Это хорошо, а то бы на горячую голову наговорил бы ей сейчас, устроив такой раздолбон!

Стрельцов набрал номер Инги и почему-то напрягся, замирая.

— Да, Игнат, привет, — отозвалась она дружески-приветливо на его звонок.

— Привет, — поздоровался Стрельцов, убрал быстро трубку от уха, кашлянул в сторону, прочищая забитое вопросами горло, и вернулся в разговор. — Марина там у вас сильно выступала?

— Не очень, — успокоила Инга. — Фенечка своим моральным хуком остановила ее, не дав толком разогреться.

— Прости, я подумать не мог, что она поедет в Москву, — извинился за чужие грехи Стрельцов. — Мне казалось, мы с ней обо всем договорились.

— Не переживай. Это нормально и естественно, она мать и беспокоится за дочь.

— Ты не могла бы дать Марине трубку, а то у меня до нее дозвониться не получается, — спросил Стрельцов.

— Не могла бы, — улыбнулась она, Игнат слышал, что улыбается. — Марина легла отдохнуть и уснула.

Она на самом деле спала, без переходной стадии «отдохнуть», — легла и отключилась, накидавшись коньяку от стресса и душевного выворачивания перед маркизой, дав Инге с бабушкой перерыв в активном общении.

— Я приеду, как смогу, — пообещал Стрельцов.

— Зачем? — попыталась выяснить побудительный мотив оглашенного действия Инга.

— За Машкой, — недовольно напрягся Стрельцов.

«Не бойся, не тебя домогаться!» — очень тянуло ответить! «Зачем?», что она спрашивает! Все Стрельцов уже понял, от него она шугается, как лань от браконьера!

— Ты не переживай, Игнат! — подбодрила «лань» пугливая. — Марину мы вроде бы уговорили оставить Машку у нас. Они с Федей в школу ходят, так что занятия девочка не пропускает. Я хотела тебя спросить: может, она останется еще на недельку? В следующее воскресенье возвращаются Дмитрий Николаевич с мамой, пусть они с Машей хоть увидятся.

— Я поговорю с Машей и решу, — не порадовал мгновенным согласием Стрельцов.

— Ну ладно! — заторопилась она прощаться, Игнат услышал там, у нее в трубке, звонок в дверь. — Наверное, дети пришли.

— Пока, — проворчал прощание Стрельцов. Телефончик на кипу бумажную бросил-таки, но в гораздо меньшем раздражении, чем в первый раз.

Значит, еще на неделю? Ну что ж, он за это время уладит вопросы с Мариной, и Машкины вещи к себе перевезет, и...

Стоп, заявка! Без «и» намекающих обойдемся!

К вечеру общими усилиями разрулили вроде бы. Слава тебе господи! Мария с порога принялась ныть уговорочно:

— Тетя Инга, ну пожалуйста, я не хочу сейчас уезжать!

— Разберемся, — пообещала та, — идите обедать. Мама твоя спит пока, проснется — поговорим.

Поговорили, сначала мать тет-а-тет с дочерью, закрывшись в комнате, Инга, Федька и маркиза все прислушивались, не начнется ли шкандаль. Не завязался.

Когда Марина с Машкой пришли на кухню, присоединившись к остальным, Фенечка оповестила гостью петербургскую:

— Марина, мы хотели предложить вам оставить у нас Машу еще на недельку. В воскресенье из Египта возвращаются Ангелина с Димой, они очень расстроятся, что девочка была здесь и не встретила с ними.

— Ну, я не знаю, — засомневалась Марина. — Я считаю, что ей лучше уехать сейчас со мной.

— Я не хочу, мам! Мы же только что это обсудили! — заартачилась Машка, приняв непримиримую позу.

— Обсудили, и ты знаешь мое мнение, — зазвенела голосом предупреждающим Марина. — У нас непростая ситуация, требующая взвешенного, обдуманного решения, которое мы должны принять своей семьей, не втягивая посторонних людей. Ты и так меня достаточно опозорила, убежав из дома, что лишь подтверждает твою полную безответственность. Так что собирайся,

мы едем домой!

— Я не поеду! — прокричала Машка.

Отступила от матери, скрестила руки на груди защитным жестом, глаза наполнились слезами горькой обиды, требующей выхода.

— Я позвонила папе, он сказал, что сам с тобой поговорит! Он мне остаться разрешил! Вот звони ему и разговаривай, а я никуда не поеду!

— Он не вправе принимать такие решения! — заводясь, все круче звенела голосом Марина. — Ты живешь со мной, и я за тебя отвечаю!

— Стоп! — хлопнула в ладоши маркиза. — Марина, позвоните Игнату Дмитриевичу и придите к какому-нибудь обоюдному соглашению. Маша, а ты ведешь себя неподобающим образом, устраивая публичный скандал. Если у тебя есть веские аргументы, учись их излагать, а не брать горлом в споре, как в детской песочнице.

И дала Марине намекающую отмашку рукой — идите, мол, звоните, слышали, что я приказала. Повинуясь, Марина достала сотовый, кивнула извинительно и вышла в коридор.

— Фенечка! — зашептала Машка, как только за матерью закрылась дверь. — Не отдавай меня! Я не хочу уезжать!

Выражение лица Анфисы Потаповны изменилось, посуровев. Она распрямила плечи, и без того прямые в безупречной осанке, и посмотрела тяжелым взглядом на девочку.

— Кажется, ты собираешься стать матерью? — строго, но негромко спросила бабушка, и от этой негромкости становилось страшновато. — Так вот посмотри, что приходится выносить и терпеть матерям! Ты думаешь, твоей маме доставляет удовольствие выслушивать, как ты оскорбляешь и поносишь ее? Как, не стесняясь окружающих, унижаешь ее, выставляя в неблагоприятном свете? И ради этого удовольствия, рискуя подвергнуться очередным унижениям, она примчалась сюда? Поставь себя на ее место! Ты думаешь, что, когда твоему ребенку будет пятнадцать лет, он не скажет тебе: «Ты отстой и не догоняешь жизни»? Ошибаешься! Тебе сторицей вернется все, что ты вытворяешь сейчас с матерью. У тебя прекрасная мать, которая все силы свои, жизнь тебе отдавала, которая любит тебя и страшно беспокоится о тебе. А ты отвечаешь ей грязным хамством! Ты даже не пытаешься с ней договориться, услышать ее по-настоящему. Если ты считаешь себя взрослой и умной, постарайся без истерик и конфронтации, спокойно объяснить свою позицию.

— Фенечка, тетя Инга! — запричитала Машка ребенком перепуганным. — Я же ничего такого не хотела и не имела в виду! Я не собиралась ее унижать и как-то там выставлять в свете!

— Да? — звенела металлом голоса Фенечка. — А нам откуда это известно? Со стороны все выглядит как унижение и оскорбление матери!

Девчонка расплакалась, не замечая слез, переведя вопрошающе-испуганный взгляд с Фенечки на Ингу.

— Я бы тоже рванула, будь я на ее месте, — ответила Инга на немой Машкин вопрос и просьбу о поддержке. — Если б Федька взбрыкнул и убежал из дома, то все аргументы и уговоры папаши отставного, что пусть поживет у незнакомых мне людей, подумает о жизни, меня бы не только не остановили, а были бы глубоко до лампочки. Это мой ребенок, я несю за него полную

ответственность, я его люблю и переживаю за него ужасно. Разумеется, я бы поехала за ним и постаралась бы его увезти. Маш, это и называется материнство. Огромная радость, счастье и такое же огромное беспокойство и вечный страх за своего ребенка. Потому подумай хорошенько, готова ли ты к этому. Вот твоя мама уверена, что нет, и, думаю, у нее есть веские основания так считать.

— Спасибо вам, — поблагодарила сдержанно Марина у Инги за спиной.

Черт! Меньше всего Инге хотелось выступать адвокатом госпожи Стрельцовой! Вот же досада!

И, конечно, она истолкует слова Инги в удобном для себя ключе, в виде еще одного весомого аргумента против родов.

Инга преследовала совсем иную цель, разродясь монологом за права матерей: призвать Машку к тому, что пора задуматься над своими поступками и словами и уяснить, что отвечает она теперь за двоих, а не только за себя.

Пришлось все испортить — настроение себе, силу назидательности красноречивого менторствования и возникшее расположение Марины.

— Вы неправильно истолковали мои слова, — пояснила она госпоже Стрельцовой. — Я хотела напомнить Марии, что она теперь отвечает не только за себя и что эта ответственность на всю жизнь. Но я против того, чтобы девочка делала аборт.

— Я думаю, мы сами это решим! — похолодела Марина.

— Непременно, — согласилась Инга, — но вы должны знать наше мнение. Я, Анфиса Потаповна и Федор считаем, что Марии нельзя делать аборт.

— В таком случае я попрошу вас держать свое мнение при себе и не навязывать его Марии, — сурово произнесла мадам и совсем уж официально объявила: — Мы договорились с Игнатом Дмитриевичем, что позволим остаться Маше до приезда Дмитрия Николаевича. Но я бы настоятельно попросила вас воздержаться от обсуждения ее беременности и не настраивать мою дочь принимать какое-либо решение.

Очень хотелось послать ее далеко и конкретно! Так послать, чтобы уже заткнулась и выметалась со всей своей глянцевою красотой и дребезжащим голосом, однако пришлось ограничиться кивком согласия.

Инге эта Марина порядком надоела. Утомила своей бликующей неотразимостью, присутствием, втягиванием в семейные разборки и демонстрацией непростого характера. Ехала бы ты в Питер, дорогая!

Бе-бе-бе! Инга предпочла удалиться под лучшим в мире предлогом:

— Простите, мне надо работать.

И вышла из кухни, чтоб не наговорить чего лишнего.

Но послать очень хотелось!

Стрельцов, разговаривая с Мариной по телефону, как мог сдерживался.

— Ты сама-то понимаешь, как это выглядит? — рокотал он.

— Я мать! — в любимой позе обвинения ответствовала бывшая жена.

— Ты мать. Ты съездила, удостоверилась, что с Машкой все в порядке, она здорова и благополучна. Теперь оставь ее, пусть переберется вдали от тебя.

— Она должна уехать со мной! Погостила, и хватит!

— По-моему, мы обо всем договорились? — понемногу зверея, заводился Стрельцов. — Если ты передумала, то должна была сначала поговорить со мной!

— Я ничего тебе не должна!

Господи, как же она его достала! До не знаю чего!

— В таком случае я тоже тебе ничего не должен! Предпочтешь решать эти вопросы через суд? Чтобы Машка там официально заявила, что хочет жить со мной?

— Ты что, с ума сошел? — обалдела бывшая жена.

— А по-другому ты как-то не понимаешь! — гремел Стрельцов, раздосадованный донельзя. — Ты же специально уверила меня, что согласна с Машкиным переездом и чтобы она в Москве побывала, тогда уже задумав забрать ее оттуда! По-твоему, это похоже на то, что нам удалось договориться?

— Какой суд, Стрельцов! — возмутилась Марина.

— Российской Федерации по семейным делам, — «разъяснил» Игнат. — Доверять тебе я теперь не могу, потому не вижу иного исхода.

— Но это невозможно! — возродилась новой порцией предъяв она. — Я не допущу никакого суда! Да ты что?

— А ты уверена, что меня должно волновать твое мнение? Мое, как выяснилось, тебя не интересует. Поэтому спрашивать тебя я не намерен, мои юристы подадут иск в ближайшее время.

— Идиотизм какой-то! Ты не можешь говорить это всерьез! — струхнула она.

— Марин, — устало отозвался Стрельцов, — меня достали твои наезды и необоснованные обвинения непонятно в чем. Я предупреждал: еще раз обратишься ко мне в подобном тоне, я прекращаю общение с тобой. Делай что хочешь, можешь забирать Машку, можешь истерить, мне уже безразлично. Я подаю в суд и надеюсь больше с тобой ничего не обсуждать напрямую. Давно надо было это сделать.

— Подожди! Ну, может, я перегнула! — поспешила уговорить его Марина. — Но ты же понимаешь, как я за нее волнуюсь! Хорошо, давай я сейчас вернусь, мы встретимся и поговорим.

— Нет, — отказался Стрельцов. — Наговорился уже по горло! Более не намерен.

— Не надо так, Игнат! — попросила Марина. — Я понимаю, тебя задело мое решение забрать Машку, не посоветовавшись с тобой!

Господи, дай терпение! «Не посоветовавшись!» — он что, на имбецила похож?

Она его молчание расценила по-своему и какие-то выводы сделала, недоступные пониманию Стрельцова, услышавшего следующее ее заявление в режиме делового совещания:

— Я вылетаю первым же рейсом. Мария останется здесь до приезда деда. Как прилечу, позвоню, встретимся, обговорим все, — и, чтобы не услышать его повторный отказ, нажала кнопку отбоя.

Стрельцов, в который уже раз за день, швырнул многострадальную трубку на стол, смачно выругавшись.

Остается порадоваться тому факту, что они давно в разводе.

Да, он не принимал каждодневного постоянного участия в воспитании Машки. Но жизнь сложилась как сложилась, что ж поделаешь! Он не убегал от этих проблем осмысленно, он просто не задумывался об этой стороне жизни в тот период времени.

И с Мариной развелся, потому что в один момент понял, что жена ему чужая. Так бывает. И тут тоже ничего не поделаешь!

Он допустил одну существенную ошибку — обвиняя себя в том, что не сумел ни создать толком, ни сохранить семью, чувствуя вину перед дочерью, позволил первые полгода после развода Марине упрекать его, особо не останавливая ее высказывания.

Когда же они приняли извращенную форму вечного обвинения, пропитанного плохо скрываемой надменностью и истерией, он постарался не обращать внимания, лишний раз не отвечал на ее звонки, а должен был раз и навсегда прекратить такую форму общения.

И тихо, но с нарастающей динамикой заводился, как пружина башенных часов. А с какой, собственно, козы ты меня пилишь? Рацуху о разводе толкнула сама и настаивала на нем. Ты что, девочка осмнадцати годов и не понимаешь, чем чреваты такие наезды на мужика? Нет? Какие претензии?

Но поставить Марину на место Стрельцов припозднился. Его полугодовое самобичевание уверило бывшую жену в безнаказанной возможности выражать вечные претензии тоном распоясавшейся недовольной барыни. Однажды он сорвался, послал ее подальше по весьма конкретному «адресу», не отвечал на звонки месяц-другой, общаясь только с дочерью.

«Кровосос» задышался без допинга. И Марина пришла к нему на работу под каким-то надуманным предлогом с явной подсознательной целью — восстановить «диалог» в прежнем режиме.

В прежнем у нее не получилось.

Игнат Дмитриевич Стрельцов за пару месяцев передыха научился оберегать свою нервную систему от «вампирного» посещения. Теперь уж обрывал на полуслове, когда она расходилась, или просто отключал телефон в моменты произнесения ею наивысших претензий, или не отвечал вовсе на звонки.

Отец как-то сказал ему мудрую вещь, когда стал невольным свидетелем разговора Игната по телефону с бывшей женой:

— Это оттого, что ты не обзавелся новой семьей. То, что ты выслушиваешь ее нотации, поддерживаешь материально, полностью содержишь Машу и до сих пор не женился, дает Марине ошибочную уверенность, что ты все еще принадлежишь ей. При таком раскладе и муж не нужен. Зачем? Свои амбиции она вполне оттачивает на тебе, и при этом ничего не надо делать и давать взамен.

История с Машкиным побегом и беременностью дала Марине еще один повод для попытки восстановить прежнее «донорство» Стрельцова.

Давайте уж будем честными до конца, все взрослые люди, — он прекрасно понимал, чего боится бывшая жена. После развода Игнат содержал не только Машку, но и очень даже нехило «отстегибал» Марине ежемесячно, и помогал в каких-то больших тратах — новую машину купить, ремонт в квартире сделать, шубу приобрести, съездить в Европу. Конечно, она давно зарабатывала сама, но только недавно это стали вполне приличные деньги.

Машка была тем канатом, за который Марина дергала Стрельцова, и единственным поводом для их общения. Конечно, в первую очередь его бывшая жена беспокоится о Маше, во вторую — боится порицания социума, это понятно. Но ведь наверняка держит в голове и тот немаловажный факт, что если дочь станет жить со Стрельцовым, то, извините, с каких кренделей он должен продолжать помогать и ей?

Анализируя их разговор, Стрельцов поймал себя на том, что испытывает какую-то странную форму физического отвращения. Все! Марина вычерпала остатки, последние капли его терпения, она перешла некую черту, за которой не осталось даже простого хорошего отношения. Только неприязненное отторжение.

Ох, бабы, бабы! Как же вы умеете допечь и отвратить мужиков, проклевав им мозг! До физической брезгливости!

А потом искренне удивляетесь: «А че я такого сделала, че сказала?»

Все, что могла, сделала и сказала! Дура, прости господи!

Стрельцов резко выпрямился в кресле, нажал кнопку на селекторе:

— Василиса Степановна, сделайте мне кофейку и вызовите Станкевича.

Все к черту! И баб этих туда же! Работать!

Встречаться с Мариной он отказался, как она ни настаивала, позвонив сразу, едва приземлился в Пулково ее самолет, но поуспокоил холодным, отстраненным голосом:

— В суд я пока не подал. Маша вернется, там посмотрим.

— Да ничего не посмотрим, Игнат! — на привычной волне принялась увещевать Марина. — Мы обо всем договоримся!

— Посмотрим! — оборвал ее Игнат. — За Машей съезжу сам.

За последние четыре дня у Стрельцова выработалась некая неосознанная традиция. Он приходил поздно вечером домой, устраивался у телевизора на диване, щелкал бездумно каналами и... вспоминал Ингу.

Подсознание выкидывало свои шулерские кости в игре жизни, и Стрельцов опомниться не успел, как к четвергу уже размышлял в вопросной форме: «А не съездить ли в выходные к Машке? Провести время вдвоем?» К пятнице стадия подсознательных размышлений перешла в осознанность, на которой господин Стрельцов себя поймал в момент просмотра в Интернете информации о вечерних рейсах самолетов до Москвы.

Приплыли! Оправдательный повод провести выходные с дочерью, безусловно, хорош сам по себе, но обмануть Игната на этой фазе сознание было уже не в состоянии. С Машкой он с большим удовольствием и радостью повидается, но лететь в Москву Стрельцов собирался со-овсем по иной причине.

И зовут ее Инга Исла. Вот так-то!

Заноза в его умище, прищепка на сердце и горячительный укол в пах!

Да, да! Он разумный и, хочется верить, весьма умудренный жизнью мужик! Он все понимает и, кажется, помнит про установку, данную себе: «Бог бы с ней, он не мальчик!»

Но, черт возьми, какого хрена Инга тогда сбежала, что случилось-то?!

И, черт же возьми, он хочет ее до одури!

На этой простенькой «свежей» мысли настала очередь летать по столу отброшенной раздраженной рукой Стрельцова компьютерной мыши.

Он откинулся на спинку кресла, задумавшись.

Еще ни одна женщина не улепетывала от Стрельцова со стремительностью реактивного снаряда, перепутавшего цель, сразу после улетного, офигенного занятия любовью, оставив его в полном недоумении!

Он поедет. И заставит ее объясниться! Хватит вариться в недоумениях!

Но вечером в пятницу улететь Игнату не удалось, возникли срочные дела, требующие оперативных решений, и он засиделся в офисе почти до полуночи.

Полетел в субботу утром. Прежде чем идти к московским родственникам, заселился в гостиницу, номер в которой забронировал уже ночью, вовремя вспомнив и про билет на самолет, и про гостиницу.

И в этот раз Стрельцов не успел поднести руку к домофону, как, запищав, открылась подъездная дверь, выпуская старушку. Игнат поздоровался, улыбнулся обворожительно и, судя по реакции пожилой дамы, — обаял, обаял! Она улыбнулась ответно, вопросов относительно его целевого направления не задала и даже придержала дверь, пропуская его.

Уже на ступеньках, ведущих со второго на третий этаж, Стрельцов услышал отдаленные громкие голоса, непонятный шум и почему-то заторопился. Увидев распахнутую настежь дверь Ингиной квартиры и услышав доносящийся оттуда истошный свинячий визг, словно кабанчика вели на бойню, предварительно доходчиво объяснив, куда и зачем беднягу отправляют, Игнат почувствовал, как сердце зашло таким страхом, словно в него вогнали большой раскаленный гвоздь!

Машка! Первая, о ком подумал любящий отец, в секунду предположив сразу несколько

возможных несчастий.

Выкидыш? Кровотечение? Заболела?

Пробитое гвоздем сердце бабахало в грудную клетку, делая больно. За пару секунд он преодолел последний пролет лестницы и рванул на голоса — по коридору к также настезь распахнутой кухонной двери, у которой стояли двое неизвестных: женщина впечатляющих размеров и мужчина, столь же габаритный.

Игната они не замечали, увлеченные происходящим в кухне. А посмотреть было на что!

На последнем шаге Стрельцов охватил одним взглядом место действия. Первое, что бросилось ему в глаза, — дочь Мария, в верхней одежде, в шапочке и сапожках, почему-то сидевшая на столе, поджав под себя ноги, улыбающаяся и совершенно здоровая.

От стремительного облегчения у Игната подкосились ноги, ослабнув в коленках так, что он вынужден был прислониться плечом к распахнутой кухонной двери. Несколько секунд понадобилось ему, чтобы ошпаренный испугом мозг пришел в себя, исчез гвоздь из сердца, давая возможность отдышаться и попытаться понять происходящее.

Итак: Машка сидела на столе, азартно посверкивала глазами и, посмеиваясь, кидала какие-то реплики, Фенечка в своем кресле у стола руководила ситуацией с азартом игрока на конных бегах, Инга стояла на диване, Степан Иванович, не рискуя отходить от подружки-заступницы, прижимался к ноге Анфисы Потаповны и верещал истерически, перекрывая визгом остальные голоса, а из-под дивана торчали оттопыренная попа и ноги Федора. Инсталляция радовала абстрактностью постановки.

Расслабившись окончательно, Стрельцов обратил более пристальное внимание на стоявших чуть впереди него незнакомцев. Дама в дверном проеме потрясала воображение формами — ростом под метр восемьдесят, с не существующим в природе размером груди. Ручкой, достойной борца-тяжеловеса, женщина придерживала полы шелкового халатика, расходящиеся на природном феномене, название которого теперь становилось определенно понятным — бюст.

Мужичок, немного пониже незнакомки, в дорогом спортивном костюме, стоял на шаг впереди «барышни». Костюмчик целевого назначения не оправдывал — брюки удерживались объемным задком и впереди причинным местом под огромным животом, куртка на данной части тела, видимо, не сходилась, обрамляя его с боков.

Оба настолько были увлечены происходящим, как футбольные болельщики, когда наши выигрывают в чемпионате мира со счетом 3:0, что до сих пор не замечали Стрельцова.

В руках мужчина держал объемную женскую шаль.

Насмотревшись вдоволь, оглохнув от какофонии криков и визга, поняв, что этот балаган требует угомонить и направить в продуктивное русло, Стрельцов отдал команду:

— Ти-ха!!!

Да так отдал, что воцарилась полная тишина, к которой он и призывал, даже Степан Иванович примолк, не завершив очередную визговую руладу.

Народ потрясенно глядел на вождя, появившегося в самый разгар анархического погрома.

— Что здесь происходит? — строго спросил за безобразие командир.

Тишина. До народа доходила с трудом резкая смена композиции и появление грозного командира на сцене.

— Бе-белка! — первой пришла в себя Инга, правда, не в полной мере.

— Минздравовская? — продолжая опираться плечом о дверь, скрестив руки на груди, выяснял Стрельцов без эмоций. — «Бухаете? Тогда я иду к вам!» Что, у всех сразу?

— Не-ет! — заверила Инга и даже головой покачала в подтверждение. — Настоящая! Беличья белка.

— Что Федя делает под диваном? — допрашивал командир.

— Ловит! — почему-то переговаривались только Инга и Стрельцов. — Загнал ее в угол и пытается поймать.

— Она его укусит! Федя, вылезай! — распорядился Стрельцов.

Федькин задок энергично задвигался, выволакивая на свет божий остальную телесную часть.

— Папа! — заорала счастливо Машка и, так и не спустившись на пол, встала на колени.

— Мария, почему ты на столе? — рулил далее Стрельцов.

— Так она ж кусается! А мы боимся! — освещала жизнь улыбкой его дочь.

— Так! — оттолкнулся от двери командующий и переключил внимание на незнакомцев. — Откуда зверь?

Дама, предварительно оценив мужчину взглядом, колыхнула призывно, с большим намеком, дивной красоты и причудливого размера бюстом и одарила томным голосом, тоже, видимо, с намеком:

— Это наше животное.

— Она от соседей забежала! — сообщила радостно Машка и ткнула указующе пальцем в сторону незнакомцев.

— Привет, дядь Игнат! — улыбнулся Федька, поднявшись на ноги, и продемонстрировал на руках кухонные варежки-ухватки. — Я ее почти достал!

— Варежки тебя бы не спасли, белки палки перегрызают! — попугал для порядка Стрельцов и продолжил общее руководство ситуацией: — Так, соседи дорогие, как обычно вы свое животное ловите?

— Загоняем в угол и вот, шаль кидаем, белка из нее не может выбраться, — пояснил мужик и потряс шалью для убедительности.

— Ну что ж! — принял на себя окончательное командование Стрельцов, снял пальто, зашел на кухню и протянул его Машке. — Инга, слезай!

— Хрюм-хрю! — опомнился Степан Иванович, засомневавшись в правильности решения

Стрельцова.

— Да ладно вам, Степан Иванович, — пожурил Стрельцов за недоверие. — Все получится!

И приступил к раздаче указаний:

— Дверь закройте! Инга, сверни коврик и заткни им щель под диваном.

Щель имелась только одна, спереди, боковушки диванные состояли из цельного массива, одновременно служа ножками-опорами без выемок.

— Как вас зовут? — обратился он к соседу.

— Михаил, — пробасил мужик, упустив отчество.

— Значит, так, Михаил! — расстегивая и закатывая рукава рубашки, рулил Стрельцов. — Я поднимаю и быстро отодвигаю тот угол дивана, где она сидит, вы, одновременно со мной, кидаете свою шаль-ловушку.

— Добро, — согласился сосед, но предупредил: — Только Милка, ну, белка, шустрая, может в секунду смыться.

— Попробуем! — решил Игнат. — Если смоемся, будем думать дальше, как ловить.

Стрельцов ухватил диван за боковушку, сосед суетно пытался расположиться как можно ближе к Игнату, «мамонт трудовой» мешал, но Михаил настойчиво старался, пыхтя по-тихому и держа шаль на вытянутых руках.

— Готов? — спросил Стрельцов, получил утвердительный кивок и приказал: — На счет три! Раз, два, три!

Он дернул вверх и в сторону угол дивана, соседка Михаил не глядя кинул в образовавшийся проем шаль, снизу раздался надсадный писк.

— Попал! — расплылся щекастой улыбкой сосед, ухватился за диван рядом с Игнатом, помогая отодвинуть его подальше.

Попал. Действительно. Под шалью билась и металась в припадочном поиске выхода белка. Михаил сгрел шаль вместе с нею, как узелок с провиантом.

— Милочка! — боевой лошадейю ломанулась к ним дебелия соседка и выхватила из рук мужа верещаний тук. — Девочка моя! Напугалась! Безобразница такая! — и, переключив внимание на присутствующих, принялась объяснять: — Вы представляете: мы с Софочкой собирались гулять, но я заговорила по телефону, а Софочка обиделась и отворила дверку Милочкиной клетки. А тут Михочка пришел из гаража, и только он дверь открыл, как Милочка шасть мимо него на лестничную площадку, а тут ваша дверь открывается, и она нырять туда!

— Так, стоп! — тормознул красноречие дамы Стрельцов. — Кто у нас Софочка? Может, ваша белка ее покусала? И кто такой Михочка?

— Михочка — это я, — чуть брызнув румянцем на щеках, признался сосед. — А Софочка — наша собака.

— И где она сейчас? — старательно придерживая неизбежную улыбку, спросил Игнат.

— Михочка! — заорала трубным гласом дама. — А где Софочка?!

Михочка встрепенулся, озадачился и зычно проорал:

— Софочка!

В ответ откуда-то донеслось нечто придушенное, отдаленно напоминающее лай.

— Софочка!!! — оглушила соседка мощью своих легких и ринулась на звук, прижимая к бюсту — пардон, не так, с большой буквы — к Бюсту узелок с белкой Милкой. За женой по пятам с возможной для него стремительностью двигался Михочка.

Софочку нежная супружеская чета обнаружила запертой в гостиной, видимо, во время отлова белки, в пылу охоты закрытой и позабытой там.

— Вот ты где, девочка моя! — расчувствовалась соседка, сунула узел с белкой мужу и присела, перекрыв своим мощным телом обзор, поэтому рассмотреть, что там за любимица номер три или два, не удавалось. — Испугалась? А зачем ты Милочку выпустила?

Дама распрямилась, повернулась к стоявшим вокруг нее полукругом соседям, и Стрельцову наконец удалось увидеть нашкодившую Софочку.

Прижавшись к Бюсту, некая животина, больше похожая на дулю, а не на собаку карманной породы, забившись лапами в ложбинку между грудей хозяйки, тряслась припадочно так, что колыхался волнообразно великий Бюст, а вместе с ним и красный бант на шее этого недоразумения.

— Это ваша собака? — чуть не подавился Стрельцов, с большим усилием удерживаясь от смеха.

— Да, Софочка! — гордо сообщил сосед, довольно улыбаясь.

— Софочка! — кивнул Игнат и прикрыл ладонью глаза.

— Па, ты чего? — обеспокоилась Машка. Стрельцов мотнул головой, ничего, мол, нормально, и у него затряслись плечи.

— Что это с ним, Тусечка? — спросил у жены, озабоченно поглядывая на Игната, Михочка.

— Испугался, наверное, — настороженно посмотрев на Игната, предположила она.

Все! Это уже никому не выдержать! Стрельцов запрокинул голову назад и расхохотался в полный голос.

— А что тут смешного? — поинтересовалась Тусечка, на всякий случай прикрыв ладонью живую вибрацию на Бюсте по кличке Софочка.

— Ой, не могу! — подхватил хохот Федька, хлопнул себя по бедрам, согнувшись пополам. — Со-о-офочка вы-ы-пусти-и-ила Ми-и-илочку!

— Не-е-е, не так! — вторила ему Машка, махая припадочно ладошками и заходясь хохотом. — Со-о-офочка Ми-и-илочку, Ми-ми-ихочка дверь, а-а-а... а она ша-а-асть!

Инга привалилась спиной к стене и тряслась всем телом, ухохатываясь с остальными, аж глаза прикрыла.

— Ну что ж! — оглядела живописную картину маслом Фенечка. — Театр бурлеск, усиленный зоопарковой группой! По-моему, живенько получилось! С огоньком!

И присоединилась к семье приступом смеха, прикрывая глаза ладонью.

Соседи непонимающе переводили взгляды с одного хохочущего на другого, откровенно не понимая, что тут смешного, тайно заподозрив всех пятерых в ненормальности душевной. Или, может, модный стресс с ними случился?

— Пошли, Михочка! — распорядилась Тусечка. — Надо девочек покормить и успокоить!

— Хм-хрю! — поддержал идею Степан Иванович и вдруг несколько раз шкодно так хрюм-кнул, как чихнул: — Хрюм-хрюм-хрюм!

— По-моему, это был смех, — уставившись на кабанчика, предположил Стрельцов, вытирая слезу.

— Степан Иванович обладает хорошим чувством юмора, — подтвердила его догадку Фенечка.

— Идем, Тусечка, они тут все с ума посходили! — подцепив под локоток леди Бюст, двинулся к двери Михочка.

— Ой, мама дорогая! — простонала Инга и, зайдясь новым приступом непереносимого смеха, съехала спиной по стене и уселась на пол.

Так и хохотали несколько минут, заходясь припадно, в том числе и Степан Иванович, когда за соседями закрылась дверь, успокаивались, смотрели друг на друга и начинали с новой волной ухохатываться, пока, спасая от обуявшего всех веселья, у Инги не зазвонил телефон в кармане.

— Да-а! — аж заикалась она, отвечая и вытирая слезы, выслушала, что ей говорят, поднялась с пола, утерла последнюю, запоздавшую слезу и сказала: — Хорошо. В три часа.

Захлопнула телефон, обвела всех взглядом и двинула рацуху:

— Давайте хоть чаю попьем и ликвидируем, что ли, последствия отлова зверя.

Они шумно убирали последствия «охоты», накрывали на стол к чаю, и Машка с Федором наперебой рассказывали, как они выходили из квартиры и только открыли дверь, как в нее что-то прошмыгнуло, а за этим чем-то Михочка лосем ломанул, а за ним Тусечка. Остальные тоже с хохотом вспоминали, как гонялись за белкой по всему дому, опрокидывая малые мебельные формы, пока не загнали ее в кухню. И тут Инга спохватилась:

— Ой, господи! Я же обещала к трем! — и сорвалась с места.

— Пожар по расписанию? — спросила Фенечка.

— Почти! — выбираясь из-за стола, через детей, на ходу поясняя Инга. — Бригадир строителей позвонил, у него какие-то вопросы и этапная сдача работ!

— Я с тобой! — уведомил безапелляционно Стрельцов, поднимаясь с места.

Инга тормознула всем — мыслью, движением, — и екнуло что-то внутри, живенько напомнив, что произошло в прошлый раз, аккурат неделю назад, когда он поехал с ней инспектировать

строителей.

Стрельцов посуровел, прочитав, как с листа, ее испуг на лице, и легонько подтолкнул Ингу под локоток.

— Иди, собирайся, вместе поедем!

Найти подходящий повод отказаться от его компании Инге не удалось — мозг заклинило, и идеи достойные он придумывать не хотел. Пришлось без идей и отмазок идти в свою комнату собираться, попутно уговаривая себя не паниковать, ежеминутно напоминая, что она вроде бы большая девочка. И потом, они же там не останутся одни!

О боже, боже! Она трусила! Глубоко вдохнув-выдохнув несколько раз перед дверью, Инга решительно вышла из комнаты. А-а-а! Будь что будет!

На самом деле, ну не вечно же трястись Софочкой напуганной!

Всю дорогу до квартиры Дмитрия Николаевича Инга трещала безостановочно, забалтывая любую возможность прорваться неловкому молчанию.

Рассказывала про соседей, Михочку и Тусечку, далее, без переходов и пауз последовало повествование про Машу, ее дела и здоровье и что-то еще, еще, таким монологическим бесконечным фоном. Стрельцов молчал: не то слушал, не то делал вид, что слушает. Непонятно.

Бригадира строителей, открывшего им дверь, Инге стало жаль, так преобразилось его лицо, сменив уверенно-улыбчивое выражение на несчастное, когда он увидел за спиной у Инги Стрельцова.

Да уж, прости, мужик, но сегодня не твой день! Факт.

Предчувствие простой детской радости от того, что он с большим удовольствием навешает лапши на уши барышне, бестолковой в их деле, сменилось ужасом от реализованного ночного кошмара в лице Стрельцова.

Держись, бригадир! Инга мысленно с тобой, как с собратом по несчастью!

Ну, почти собратом — она-то может слинять, этот вид спорта Инга Исла уже освоила, а вот ты, друг, извини — нет!

«Друг»-бригадир, тяжело переживая неизбежное, повел их показывать проделанную работу и отчитываться перед Стрельцовым, честное слово, едва не плача!

На кухне уже установили новый гарнитур и встроенную в него технику. Инга разговор мужчин не слушала.

А зачем? Она о своем думает, о девичьем! Вот Игнат с бригадиром сейчас все обсудят, осмотрят, и...

С этой забуксовавшей мыслью она вернулась в кухню, а что за ними ходить?! Набрала воды в новехонький электрический чайник до максимального объема, вскипятить и вылить для первичной очистки, ну и чтобы себя чем-то занять.

Вода закипала, а Инга принялась открывать и закрывать шкафчики, производя что-то вроде

инспекции на предмет удобства. И так задумалась, заняв руки делом, что аж подскочила, услышав сзади голос Стрельцова:

— Что-нибудь ищешь?

Она резко развернулась, громко хлопнула дверца верхнего шкафчика, не придерживая ее рукой, и одновременно громко щелкнула кнопка вскипятившего воду чайника, заставив ее подскочить еще раз.

— Ты меня напугал! — упрекнула Инга.

— И не начинал даже! — предупреждающе сказал Стрельцов.

— А бригадир где? — уже зная ответ, спросила Инга.

— Ушел, — не порадовал он. Стрельцов подошел к окну, засунул руки в карманы и принялся рассматривать что-то за стеклом, ведомое только ему.

Инга замерла в предчувствии неизбежно грядущего, сердце принялось гроыхать, пальцы на руках похолодели. Он все молчал, а ее в спираль закручивало это его молчание грозное. И тут, от зашкалившего страха ожидания, Инга бабахнула фальстартом:

— Ну, как ремонт?

И тут же испугалась, не понимая, зачем разбила молчание ненужным, пустым вопросом. А вдруг бы обошлось!

Стрельцов повернулся медленно, как неотвратимая судьба, посмотрел на нее со странным выражением лица, пугающим. Не угрожающим, а именно путающим, как непроницаемая маска.

— Инга, — наконец произнес он спокойным и немного уставшим голосом, — тебе придется объяснить, почему ты тогда сбежала.

— Я знаю, — вздохнула она покаянно девицей горемычной и замолчала.

Кто-нибудь представляет, как это говорить? Подскажите! Так, чтобы правду и не сгорать от стыда?

Не услышав ответа, Стрельцов с тем же нечитаемым, нейтрально-отстраненным выражением лица призвал:

— Инга?

Она опустила голову, чтобы не смотреть на него, прям как школьница, вызванная к директору объяснить свое ужасное поведение и растолковать, за что избил мальчика.

— Ну-у-у... — предприняла попытку номер один она. — Вообще-то я не знаю, как об этом говорить.

— Попробуй словами, — предложил Стрельцов. — Начни с того момента, как, придя в себя после занятия любовью, вскочила и принялась спешно одеваться, — и холодно спросил: — Вспомнила про оставленный включенным утюг или кашу на плите?

— Да, — рискнула посмотреть на него Инга, поняла, с чем согласилась, и торопливо объяснила:
— То есть нет, не про кашу. Да, это в том смысле, что вскочила и одевалась.

— Ну вот, — не меняя позы — руки в карманах, спина опирается о подоконник — и тона, пугающе холодного, «похвалил» он, — хронологию событий мы восстановили, теперь осталось выяснить причину.

— Ну-у-у... — Попытка номер два ей тоже не удалась. Сделав неопределенный жест рукой, Инга так и не смогла облечь в слова причины те.

— Неужели это нечто до такой степени страшное, что ты и говорить о нем не в состоянии? — суровая лицом так, что желваки на скулах заходили, попытывался Игнат.

— Да нет, не страшное, — мямлила овцой Инга Валерьевна, но, посмотрев на Стрельцова, решилась, как в прорубь крещенскую ухнула, и заторопилась словами: — Все случилось так неожиданно! У нас. Я и не думала даже, не предполагала, что случится, и так прекрасно, что забыла обо всем, а когда пришла в себя... — она запнулась, вздохнула и выпалила скороговоркой: — У меня фигура странная, не модная, я маленькая, а грудь большая, и растяжки от родов на животе, их видно, и педикюр давно не делала, и ноги несколько дней не брила, а ты такой опытный и замечательный, наверное. И у тебя была куча женщин, которые тебе подходят, а я не очень...

— Что?! — у Стрельцова перехватило спазмом горло.

Делая большие шаги, потревоженным медведем-шатуном он ринулся к крану, открыв его до упора. Струя воды ударила, разбиваясь о мойку, обдала брызгами все вокруг. Не обращая на это внимания, Стрельцов подставил лицо под струю, сделал несколько больших глотков, резко закрыл кран, выпрямился, вытер ладонью лицо и посмотрел на нее.

Взглядец был еще тот! Бр-р-р! Она следила за всеми его действиями, скажем так, с большим душевным волнением, суть испугом неконтролируемым. Наверное, то же испытывала белка Милка, пойманная шалью.

— Ты хочешь сказать, — произнес потрясенно Стрельцов, — что вспомнила про педикюр, растяжки и свою немодную, как ты выразилась, фигуру и, ничего не объяснив, ринулась в бега?

— Ну-у-у... — повторила сегодня ею особо любимое неопределенное начало Инга. — В общем и целом, м-м-да!

— Исла, ты идиотка? — искренне поинтересовался господин Стрельцов с некой даже долей сочувствия.

— Вроде нет, — засомневалась мадам Исла в своих умственных эквивалентах. — Думаю, что нет.

— Ты хотя бы представляешь, через что меня протащила? — негодовал беспредельно Стрельцов.

Она неуверенно-вопросительно склонила головушку покаянную набок, поджала губы, изобразив нечто извиняющееся, и призналась:

— Нет. М-м-м, а через что? — аккуратненько спросила.

— Ты разве не понимаешь, что должен подумать мужик, когда женщина сбегает от него сразу после секса с перепуганным лицом? — вопрошал уже ближе к громоханию праведному он.

— Наверное, что ей не понравилось, — двинула версию осторожненько Инга.

— Не понравилось?! — перестал сдерживать громовержное голосовое извержение Стрельцов. — Да я думал, что сделал тебе больно, неприятно! Или обидел чем-то! Ты хоть понимаешь, каково это, думать, что сделал больно женщине в сексе, и она сбежала, словно ее изнасиловали?!

И тут до нее дошло, что именно так он и подумал, и именно так все выглядело с его точки зрения. Инга потрясенно смотрела на него, не зная, куда деваться от раскаяния.

— Понятно! — прочитал процесс понимания на ее лице Стрельцов.

— О боже, Игнат, я даже подумать такое не могла...

— Предполагалось, — перебил он ее, — как-то само собой, что женщина, прожившая в браке десять лет, воспитывающая сына и уже пять лет находящаяся в разводе, кое-что знает и понимает про мужчин.

— Ну, кое-что я про мужчин знаю и понимаю, — не самым убедительным тоном пролепетала Инга.

— Да? — плеснул сарказма Стрельцов. — Судя по той лабуде, которую я сейчас услышал, вы, мадам Исла, убеждены, что мужчины испытывают желание к женщинам, только когда рассмотрят их голых с пристрастием.

— Нет, конечно, но мужчина может сильно разочароваться, рассмотрев женщину после секса повнимательнее, — выдала версию взаимоотношений полов мадам Исла.

— И часто с тобой такое случалось? — в том же скептическом ключе поинтересовался Стрельцов.

— Нет, — односложно ответила она.

— Нет, не часто, или нет, не случалось? — допытывался Стрельцов

— Не случалось! — насупилась Инга, понемногу начиная раздражаться.

— То есть от других мужчин ты тоже сбежала прежде, чем они могли тебя рассмотреть?

— Нет, не сбежала! — недовольно ответствовала Инга Валерьевна.

— Тогда объясни мне, почему ты решила, что я буду тем первым, который больше тебя не захочет, рассмотрев в деталях? — спокойно так спросил Стрельцов.

— Да ничего я не решала! — раздраженно повысила голос Инга. — Я испугалась, что ты все это поймешь, когда увидишь: и про фигуру, и про остальное — и тебе станет неприятно, и ты не будешь знать, как потактичнее расстаться, и начнешь мучиться. И мы все испортим, чувствуя неловкость момента и глаза друг от друга пряча...

— Инга, это полный бред, все, что ты сейчас говоришь! — перебил ее Стрельцов. — Ты сама-то себя слышишь? Ты же встречалась с мужчинами и прекрасно знаешь, что если мужик тебя по-

настоящему хочет, все остальное не имеет никакого значения!

— Да не встречалась я ни с какими мужчинами! — проорала Инга и перепугалась, страшно, сообразив, в чем только что призналась.

— В каком смысле? — сильно заинтересовался Стрельцов. — В смысле множественного числа романов?

Она не ответила, смотрела на него как-то растерянно и незащитно и молчала.

— Инга? — мягко, но настойчиво потребовал Игнат ответа.

— Не было у меня никаких романов! — призналась воинственно она.

— Но ты уже пять лет в разводе? — не сразу дошло до Стрельцова.

— Да! — мысленно махнув на стыд измучивший рукой, продолжала признаваться она. — У меня в жизни был один мужчина, к сожалению, Муня. После развода мне оказалось не до мужиков и романов, другие заботы имелись. Жизнь перекраивать, утверждаться на новой работе, зарабатывать на всю семью.

— Понятно, — проговорил Стрельцов, как постановление какое вынес.

Шагнул к ней, притянул Ингу к себе. Она подергалась, сопротивляясь в своей воинственности незатухшей, но быстро сдалась. Игнат прижал ее к себе, обнял двумя руками, поцеловал в макушку и выдохнул облегченно.

— Понятно, — повторил он. — Чистый лист! Ты, Инга Валерьевна, ни бум-бум в отношениях мужчины и женщины. Придется обучать.

Стрельцов обнимал ее, и ощущение было такое, словно он оказался дома. Не в том смысле, что в квартире любимой, а в доме, к которому идешь всю жизнь. Ищешь, знаешь, что, когда найдешь, вернешься туда из долгого странствия, обретешь его вновь, и тебя обволочет только твоим единственным теплом и уютом. Где каждая половица знакома и тихо поскрипывает, приветствуя тебя, где стены любят и помнят, и пироги в том доме вкуснее всех на свете, и стол щедрее, и подушки мягче, на которых снятся только счастливые сны, и огонь в очаге горит по-особому жаркий, и дух домашний защитит, обогреет и приласкает, дождавшись тебя, наконец. Там даже пылинки в солнечном луче пляшут свои танцы только для тебя — весело и радостно, в честь твоего возвращения.

Игнат стоял, закрыв глаза, прижимая к себе Ингу, тихонько покачивался вместе с нею, вдыхал запах ее волос, умиротворяясь душой измученной, легко поцеловывал в макушку и первый раз в своей жизни чувствовал себя дома. Так странно, удивительно и тепло.

Он чисто по-мужски возрадовался тому, что не прошли через ее жизнь встречи-романы, увлечения, и даже тому, что она, «чистый лист», протащила его через чистилище сомнений, мучений, вопросов.

— Это еще не все! — глухо ему в грудь сказала Инга, глубоко вдохнула-выдохнула, так, что сделалось горячо в том месте на груди, где она прижималась лицом, и призналась обиженно, по-детски: — У меня с тобой был первый в жизни оргазм. Два оргазма первые в жизни. Я и не знала, что это так!

Чистая мужская победа! Кубок кубков! Звезда и звание героя!

А что еще может чувствовать нормальный мужик от такого признания?!

У него аж дух захватило! Не описать, не передать! Впрочем, мужики поймут!

Он положил ладонь ей на щеку, откинул немного назад ее голову, заглянул в глаза и предупредил:

— Нам придется это как можно скорее закрепить, утвердить и повторить.

— Только не здесь, — шепотом ответила Инга.

— Нет, не здесь. У меня номер в гостинице. Сойдет? — улыбнулся обещающе Стрельцов.

— Фенечка, дети, Степан Иванович, фильм «Красотка»... — перечислила возможные препятствия она.

— Благополучно обойдутся без нас, — постановил Стрельцов и заторопил: — Все, поехали быстро! А то я за себя не отвечаю, передумаю и начну здесь и сейчас!

До того как они зашли в гостиничный лифт, Инга четко помнила про бабушку, Федьку с Машей, Степана Ивановича, красавицу Марину, борясь с внутренним дискомфортом, норовящим провести аналогию с кинематографическим шедевром, ибо шариться по гостиничным номерам в поисках «большой и чистой любви» Инге Валерьевне не доводилось.

Двери лифта еще не закрылись, когда Игнат притянул ее к себе и поцеловал....

Далее последовал разрыв в сознании госпожи Исла, отдавшейся поцелую, как в сладкую погибель, смутно припоминающей, что надо бы как-то еще двигаться и куда-то идти.

Но у нее имелся свой, индивидуальный, герой, который определенно знал и куда идти, и как двигаться, и что дальше делать. Хорошо знал, заметим!

На сей раз Стрельцов запасся средствами контрацепции. Ну а то!

Какой же мужик, едущий к женщине для выяснения непоняток, пусть даже гневаясь на нее и подозревая, что вряд ли все поправимо, не будет иметь тайный план с большой надеждой?

Да никакой! Повороты судьбы стремительны, и возможны варианты.

Он целовал ее, думая, что никогда не напьется этим поцелуем. Инга зажглась в ответ сразу же, мгновенно, что-то пыталась говорить, удивленная, потрясенная, пока Игнат ее раздевал.

— Это ужас какой-то! — сияя глазами, торопясь, признавалась она. — Я понятия не имела, что я такая!!

— Поверь мне! — стаскивал спешно с нее одежду Игнат. — Ты такая! Ты еще круче, чем такая, я тебе сейчас докажу!

И доказал! Попробовал было «прелюдию», но выяснилось, что все прелюдии они уже прошли в полной мере, пока добирались до гостиницы, еле сдерживая себя, и целовались, шагая от лифта до номера. И так рвались друг к другу, соединиться!

Наконец соединились, словно в жизнь вернулись! И она кричала, не сдерживая себя, а он вторил ей, был с ней, в ней, и чувствовал себя мальчишкой, победившим в главном в своей жизни соревновании! В том, после которого изменится все — и призы посыплются, и будет ему счастье-удача!

Они лежали, обнявшись, смотрели друг на друга, и наконец-то — слава тебе господи! — Инга могла дать себе полную свободу дотрагиваться до него, не останавливая рук своих, живущих отдельно, самостоятельной потребностью и поведением.

— Это странно, — улыбнулся умиротворенно Стрельцов, принявшись рассуждать.

— Что? — ответно улыбнулась Инга.

— Что у такой темпераментной и сексуальной женщины за пять лет не было ни одного романа.

— Ну, то, что я темпераментная и сексуальная, открылось только неделю назад. До встречи с тобой я считала секс одним из составляющих моментов жизни, не самым главным и значительным, и откровенно не понимала, почему из-за него столько шума.

— Это, разумеется, страшно тешит мое самолюбие, — поглаживая Ингу по спине, признался Игнат, — но поверь мне, как мужику: это в женщине врожденное, либо есть, либо нет. Научить, конечно, можно, но то уже будут навык и умение, а это со-о-овсем другая песня. Такая искренняя открытость сексуальности — дар божий, редкий притом. И почему он в тебе не проявлялся раньше, непонятно, наверняка же мужики в тебя влюблялись и ухаживали за тобой?

— И ухаживали, и авансы разные делали, и в любви признавались, — подтвердила Инга, — только мне совсем не до этого было. Вот совсем.

— До такой прямо степени? — искренне удивился Игнат.

— Умер папа, мы это очень тяжело переживали, а через полгода я затеяла развод....

В девяностых семья жила более чем скромно. Несмотря на то, что дедушка Павел продолжал работать, при тех же званиях, но это же были разрушительные девяностые! И наука в полном отстойнике, и военные там же, а военная наука еще дальше.

И погорели, как у многих, сбережения, хоть их и было совсем немного. В их семье не принято что-то откладывать, заначивать, копить — живем сейчас! Папа тоже продолжал работать на заводе, ну, про заводы в те годы все всё знают! Хоть ты научный, хоть военный, один фиг — без зарплаты в тот же отстойник, да еще с пометкой «разоружение».

Но мужчины вдвоем что-то придумывали, находили дополнительные заработки. Павел Федорович несколько патентов, от которых презрительно отказалась страна, продал за кордон, какие-то денюжки за них небольшие капали, отец выбивал заказы для завода непрофильные.

Худо-бедно жили, не голодали.

К двухтысячным получше вроде стало: и папа получать прилично начал, да и Инга к тому времени зарабатывала не копейки стыдные.

Пережили смерть деда. Только-только отдышались от горя, да и финансово немного на ноги

стали подниматься...

Папа умер.

И оказалась единственной основной кормилицей семьи Инга. Кое-что получала Фенечка за деда, как вдова, кое-что мама за папу, ее актерские не считаются, ибо деньгами называться не могли. Муня как денег не давал, тишком и тайком отсиживаясь за спинами мужиков, так давать не собирался и впредь.

А тут развод, да с выступлениями Муни, который категорически уходит от них не хотел по понятным причинам — десять лет у бога за пазухой в центре Москвы и без каких-либо напрягов и обязанностей! Пирожок в сахарной пудре! А тут в Теплый Стан без выходного пособия!

Нет, с «выходным» — ничего делить с ним Инга не стала, ни фирму, ни машину, и на алименты подавать тоже не захотела. Когда он осознал сей факт в полной мере, поспешил скрыться в недостижимости.

Но засады одни не ходят, без вариантов!

Пришел «поцелуй»-уведомление из банка о том, что она обязана срочно погасить кредит в размере двух миллионов.

Какой кредит?! — откровенно обалдела Инга Валерьевна. А такой, пояснили ей, что вы взяли три года назад под залог вашей квартиры для разработки проекта фирмы такой-то.

Наивняк по кличке Инга — звонить бывшему мужу с «предъявкой» банковской. А он ей нежненько в ответ:

— Кредит оформлен на тебя, ты и обязана его выплатить, я свою лепту внес, оплачивая ежемесячные проценты.

— Муня, ты шутишь, что ли, так неудачно? — не поняла всей серьезности этого объяснения Инга. — Бизнес я с тобой не делила, так что и кредит должен выплачивать ты.

— Нет, не должен, — строго возразил Муня. — Кредит оформлен на тебя. Продай что-нибудь и заплати, иначе вашу квартиру любимую заберут.

— Господи, Муня, какое же ты чмо! — наконец полностью въехала в ситуацию Инга и решила: — Хорошо.

— Что хорошо? — оживился бодренько Муня. — Ты заплатишь?

— Я, конечно, крутая, Муня, но не чокнутая, — остудила его ожидания Инга. — Сегодня подам в суд иск о разделе имущества с тобой. Кстати, и на алименты тоже. Раз пошла такая пьянка, придется тебе, муж мой бывший, резать последний огурец!

— Ты этого не сделаешь! — возбундился Муня. — Даже если и сделаешь, у меня сейчас нет таких денег!

— Да наплевать! — разбушевалась не по-детски Инга. — Позвоню знакомому начальнику региональной налоговой полиции и попрошу сделать полную проверку твоей фирмы. Если я не ошибаюсь, она ведь теперь полностью твоя? Друзья-соратники давно отпали. Ну, так жди, к

вечерку подгонят к тебе аудиторов, заморозят счета до полной проверки. Горячий привет! Справочки в банк из суда об иске о разделе имущества и из налоговой о проверке предоставлю. Денежки от твоего бизнеса получу, тогда кредит и закрою.

— Сука! — взорвался Муня. — У меня нет сейчас таких денег в наличии, я не могу погасить этот кредит!

— А мне безразлично! Зато получу удовольствие!

— Подожди! Давай договоримся! — труханул Муня, поняв, что настроена она весьма всерьез.

— Да о чем? — завелась Инга. — Кредит ты меня уговорил взять для развития твоего бизнеса! Ключевое слово запомнил? Тво-е-го! Развил? Поздравляю. Я на него не претендовала, ни на него, ни на машину твою любимую, ничего делить с тобой не собиралась, даже на алименты подавать не стала! Но ты же не сумел удержаться от халявы, ну не мог не попробовать свалить на меня этот долг! Считай, что лихо в моем лице ты разбудил! Будем делить! Только потом, боюсь, от твоего бизнеса ни хрена не останется! И пошел ты знаешь куда!

— Инга, Инга, подожди! Я погашу кредит, но не сразу! У меня действительно нет сейчас таких денег! Давай встретимся, обсудим все спокойно!

Больше всего ей хотелось спокойно его притюкнуть! Вот взять что-то тяжелое в руки и как дать по башке! И себе заодно за то, что связалась и жила с этим человеком!

Лезть во всю эту грязь дележную, суды-аудиты-разборки совсем не хотелось, до отвращения! Заранее зная, что Муня будет биться за каждую копейку до остервенения.

Одно дело — припугнуть мужа бывшего несуществующим знакомством с налоговиком, другое — реализовать пугалку со всеми вытекающими последствиями.

И Инга дала себя уговорить. Ну не дура?

Дура, а кто спорит!

Договорились они о том, что Муня заплатит большую часть — один миллион триста тысяч сейчас, а остальные семьсот в течение полугода. И договор, заверенный нотариусом, составил и в банке переписали ее долг в оговоренных долях с Муней.

Но семьсот-то тысяч где-то надо было брать! Пришлось, посоветовавшись с семьей, продавать дачу. А деваться-то некуда! Продали, с рыданиями, с сердечными приступами, как похоронили родного человека.

Еще одно горе в семье! Дача-то дедом Павлом полученная и выкупленная позднее, с любовью обихоженная, с цветником редкостным, Ингой выращенным, с деревьями и огородом, с закатами сказочными и соловьиными рассветами, с банькой уютной, с беззаботными летам — свой маленький рай. Простились!

За достойные деньги продали и хорошим людям. Долг Инга погасила, и чтобы не вспоминать болезненно, решили увековечить память о дачке классным евроремонтом квартиры с полным обновлением на оставшиеся деньги. Конфетку из нее сделать, одним словом!

Что такое ремонт? Все в курсе?

Какая там конфетка!

Почти на год растянулась эта головная боль у Инги, и, разумеется, вышло дороже запланированного, и с кучей проблем!

Выйдя из баталии с Муней, банком, ремонтом, потеряв дачу по ходу военных действий, Инга имела только одно горячее желание — отдохнуть!

Какие мужчины, какие романы? Тишины бы! Покою хочется!

Тишины, это вряд ли с ее семейством, а покоя и подавно!

Максимум штиля она находила в своей комнате, работая над проектами и ночами уединяясь для того же — работы — на кухне.

— Вот, как-то так получилось, — вздохнула Инга, завершив повествование.

— Муня-то деньги отдал? — спросил Стрельцов.

— Отдал, частями за два года.

— Досталось тебе, — посочувствовал Игнат, притянул ее к себе и поцеловал.

— Ум-м-м... — видимо, ответила Инга. Правда, не совсем понятно, на сочувствие или на поцелуй. Через пару секунд выяснилось, что на пункт второй.

Ну почему, господи?! Почему она никогда ничего подобного не испытывала и не знала себя настоящую, такую?! Это несправедливо! Жизнь так быстротечна, стремительно пожирающая годы, месяцы, часы! Живешь, не зная себя настоящую, не постигая счастья, — оглянулась, удивиться не успела, а сыну уже пятнадцать лет, и тебе уж тридцать три, а ты еще и не жила вроде! Так, подживала в незнании! Как обидно!

Им было трудно отлепиться друг от друга, разомкнуть объятия, да они и не пробовали. Станный это был день-вечер, словно они выпали из времени, из того пространства, что вне их...

Пока. Ну, это как водится!

Может, кому и везет запереться в спальне, и чтобы их не доставали пару-тройку деньков участвующие в их жизни товарищи. Вы таких счастливых знаете? Ну, хотя бы сутки не доставали!

Маркиза напомнила о существовании и другого мира звонком Инге.

— Да! — ответила внучка.

— Можно полюбопытствовать, где вы пропали? — с неким намеком поинтересовалась Фенечка.

Инга посмотрела на Стрельцова, тот понял ее немой вопрос и без улыбки, даже как-то настойчиво посоветовал:

— Скажи как есть.

Она посомневалась пару секунд, повопросила взглядом: «Ты уверен?» Игнат был уверен, что и подтвердил утверждающим кивком головы.

— Инга, ау! — позвала Фенечка.

— Мы в гостиничном номере у Игната Дмитриевича, — ответила Инга и зажмурилась.

— Нечто подобное я и предполагала, — довольно произнесла Фенечка. — Надеюсь, вы там не за жизнь разговариваете?

— Фенечка! — попрекнула чуть слышно Инга.

— А что Фенечка? — возмутилась маркиза. — Вы же не строительно-монтажную смету обсуждаете уже пять часов!

— Сколько? — открыв глаза, опешила Инга.

— Ну, слава богу! — хмыкнула бабушка. — Домой-то придете?

Инга покраснела. Вот честное слово! Посмотрела на Игната, совсем растерявшись, и, убрав трубку от уха, спросила:

— Фенечка интересуется, мы домой придем? Ужас какой-то! — не выдержав, поделилась смущением она. — Дети наверняка тоже все прощелкали!

А Игнат начал по-тихому смеяться, наблюдая за ее мучениями, притянул к себе Ингу, обнял одной рукой, забрал у нее трубку и сказал Фенечке:

— Анфиса Потаповна, мы сейчас посоветуемся и перезвоним.

— Бог в помощь! — пожелала маркиза весело.

— Они, конечно, все догадались! — прижалась к нему потеснее Инга, прячась со стыда.

— И что? — посмеивался Стрельцов.

— И как теперь с ними общаться? — Ради столь насущного вопроса она отодвинулась и посмотрела на него. — Ну ладно Фенечка, но Машка с Федей! Родители сексом занимаются, и дети об этом знают!

— Не вижу препятствий для общения, — улыбался все шире Стрельцов. — Ты привыкнешь. Просто у тебя раньше никогда не было личной жизни. Теперь вот началась.

— А как же воспитательный пример? — поинтересовалась она. — То есть, получается, родителям можно, и это нормально, а детям не разрешается.

— Да, родителям можно! — веселился еще пуще Стрельцов. — Не дергайся так, все нормально! Думаю, наши дети только порадуются. Машка мне по телефону уже удочку закидывала: «А что у вас с тетей Ингой?»

— А что у тебя с тетей Ингой? — внезапно озадачилась она непростым вопросом. — Роман?

— Не роман, — перестал смеяться Игнат и поторопил: — Давай одеваться. Есть хочется ужасно, и семью навестить пора.

У двери в квартиру Игнат прижал Ингу к себе ненадолго — успокоить и подбодрить.

— Не нервничай, все обойдется! — Он чмокнул ее в веснушчатую переносицу. — И не красней!

— Я постараюсь, — выдохнула обреченно Инга.

Ну конечно, сейчас! Обойдется! Чай, не с английскими герцогами живем, по-простому!

— У вас роман? — открыв дверь, вместо приветствия в лоб спросил Федька, улыбаясь во весь рот.

— Вы теперь вместе? — поддержала опрос общественности Машка, улыбаясь не меньше Федькиного, и оценила: — Клево!

— Дети! — возвала маркиза к их воспитанности. — Грубый наезд — не лучшее средство добиться ответов! — Очаровательно улыбнулась вошедшим и спросила: — Так у вас роман или любовь?

— Дурдом! — возмутилась Инга, враз забыв о конфузливости стыдливой от негодования.

— Хрюм-да! — поддержал ее Степан Иванович.

— Это не ваше дело! — разбушевалась Инга, отчитывая семейство. — Ужасно нетактично задавать такие вопросы! Это просто хамство какое-то! Ну ладно дети, но ты, Фенечка! Вам не стыдно?

— Нет, — подумав, уверила Анфиса Потаповна.

— А че такого? — удивился необычайно Федька.

— Да мы знали, что у вас любовь закрутится! — просветила Машка. — Вы же так друг на друга смотрели! И потом, вы очень друг друг подходите!

— Ущипните меня! — обалдев от беспредела выступлений, попросила Инга. — Я что, в психушке? У меня амфетаминовый шок?

— Нет, — рассмеялся Стрельцов и прижал ее одной рукой к своему боку. — У тебя прост шок. — И разрулил ситуацию, как и положено жожаку: — На сем комментарии и вопросы закончили. Ужинать будем?

Ужинали привычно шумно. Тема взаимоотношений Инги и Игната, закрытая им, не обсуждалась, других полно было — фильм, который посмотрели дети, звонок родственников из Египта, школа и Федькины одноклассники.

Неумолимо приближаясь к вопросу, пardonьте-с, ночевки. Теперь в жизни Инги Валерьевны, как оказалось, образовался и такой вопрос, на котором она мысленно благополучно «зависла», заранее начав мучиться неудобством возможного обсуждения.

Но Стрельцов задачу житейскую расщелкал просто и элегантно.

— Завтра поедем четвером в торговый центр, — постановил он. — В ресторане посидим, в кино сходим, а вечером мне улетать.

— Классно! — порадовалась Машка. — Во сколько пойдем?

— Мы, как проснемся, вам позвоним, — буднично, в рамках обсуждения досуга, сказал он.

Инга слеганца покраснела, Фенечка тихонько хмыкнула, заметив сей факт, дети не узрели ничего необычного в предполагаемом раскладе.

Игнат прав, она понятия не имела, как вести себя в семье, когда у тебя наличествует личная жизнь. Как без дребезжания душевного, в естественном режиме, объяснять сыну, что сегодня не придешь ночевать? Или знакомить его с женщиной, появившимся в твоей жизни? Или просить маму с бабушкой присмотреть за ребенком, пока ты на свидании?

Она привыкнет! Стрельцов обещал! Она свыкнется с собой, такой новой и незнакомой, и научится не стыдиться этой самой — чтоб ей! — личной жизни!

Они проспали всего часа три. Отключились в какой-то момент, ближе к утру. Господи, какой кайф!

Не разъединяться! Обниматься, смеяться, рассказывать что-то друг другу, целоваться, вопросы-ответы, удивление-узнавание! И никуда не спешить!

Инга, переполненная открытиями новыми, позабыла смущаться, удивляться и, расслабившись, наслаждалась тем днем, что они провели вчетвером.

Они пообедали в ресторанчике, смеясь без остановки рассказам Машки с Федькой, пошли в кино, в темноте Игнат держал ее за руку, и так это было по-юношески прекрасно, что у нее нет-нет да закипали слезы в глазах.

Инга поехала провожать Стрельцова в аэропорт — добрать еще пару часов перед расставанием.

— Я уже скучаю, — пожаловалась она ему по девчоночьи, с претензией к жизни за скорую разлуку, прощаясь перед зоной досмотра пассажиров.

— Я прилечу в пятницу вечером, — поцеловав Ингу, пообещал, как «на крови», Игнат.

— Ну, все, иди! — отстранилась она от него. — А то я еще заплачусь!

— Пока! — коснулся последним коротким поцелуем ее губ Игнат, заглянул в глаза. — Я тоже скучаю.

Она сразу ушла. Не стала смотреть ему вслед, махать рукой — ну, на самом деле, не плакать же!

Как девочка влюбленная! А почему как?

Она никогда не болела этим, не знала, не переживала встреч-расставаний, сердце в клочки, от воспоминаний кровь пенится, шибая изнутри в низ живота горячей волной, под коленки и в голову.

То, что было у Инги с Муней в ее семнадцать лет, не считается.

Все не так! Не та биология! Болотная водица! Не то, не то! Что она могла знать об этом, не проживая состояний влюбленности — все мысли только о нем, ожидание еще до прощания, боль и радость, грусть-восторг, зачарованность женщиной, моментом, красотой соединения?!

Инга не переболела этими страстями в молодости и не могла знать силу чувств влюбленной

зрелой женщины — это как шок. Потрясение откровением накрыло ее, восхищая, безмерно удивляя и... пугая размахом своим!

И как выжить, когда все закончится?! А оно закончится! Что у них впереди? Выходные — он к ней в Москву, она к нему в Питер? Сколько это продлится? Полгода? Год? Пару месяцев?

Она не будет об этом думать, одернула себя Инга!

Успеет еще, когда придет время расставаться! Не сейчас!

Странно, но ни дети, ни маркиза не задавали ей вопросов про них с Игнатом, и даже намеками не баловались. Так странно, что от удивления она спросила у бабушки:

— А что, Фенечка, расспросов не будет? Я как-то волнуюсь! — поздно вечером, на кухне, переварившись в своих недоумениях, не выдержала Инга.

— Пока не о чем, — преспокойненько ответила Фенечка.

— Маркиза, а ядику? — удивилась еще больше Инга.

— Господь с тобой, Ингуша! — встрепенулась легким возмущением Фенечка. — Мужчина во всех смыслах орел! Правильный мужчина! Главное, чтобы ты сама ничего не испортила!

— И что такого я могу испортить? — недовольно пробурчала Инга.

— Детка, — вздохнув, приступила к разъяснениям маркиза, — ты у нас девушка, любовьюми не пуганная, Йося Зацелованный не в счет, это была чистой воды физиология чрезмерной подростковой сексуальности и протест миру: «Вот я какая цаца взрослая, что хочу, то ворочу!» Ни про флирт, ни про влюбленность и взаимоотношения полов, переживания-расставания ты ни чего не знаешь, не в теме, как говорится нынче. Потому можешь наделать кучу ошибок, через которые проходят все женщины.

— Это каких? — подозрительно спросила Инга.

— А-а-а! — отмахнулась ручкой Фенечка. — Их такое множество, что устанешь перечислять! Одну, как я понимаю, ты уже совершила: принялась сравнивать себя с Мариной.

— Но это неизбежно! — оборонялась Инга. — Она красавица, Игнату под стать, а я непонятыш какой-то!

— Вот о чем я и говорю! — повысила голос маркиза. — Ты никогда не комплексовала по поводу своей внешности, и не стоит начинать! Ты очень привлекательная женщина, в тебе есть нечто особенное, женская притягательность, редко встречающаяся, которую ты не осознаешь в силу того обстоятельства, что не общалась близко с мужчинами, а иначе бы давно прочухала. Любые раскрасотки за такую манкость душу бы продали, и они тебе не соперницы. Кстати, насчет Марины, она, безусловно, хорошая женщина и мать, и не глупая, но цена ей полтинник: претензий много, а характера пшик. Как ты думаешь, почему она за пять лет так и не вышла замуж при всей своей-то красоте? А потому что мужчины чувствуют сразу, что она одно большое требование к ним. Но разговор не о Марине, а о вас с Игнатом. Не пытайся заглядывать вперед, не придумывай варианты развития событий, живи тем, что есть у вас здесь и сейчас. У вас самый безумный, сладкий и горячий момент отношений, которым надо просто наслаждаться в полной мере. Главная ошибка, которую совершают многие женщины, в том, что они сразу начинают что-то планировать и предугадывать, упуская этот чудесный момент.

Не повторяй их ошибки.

— Я попробую, — пообещала Инга, поцеловав Фенечку в щеку.

Они перезванивались каждый вечер и разговаривали часами обо всем и ни о чем, слушали друг друга. Инга скучала ужасно. Она и не предполагала, что можно так скучать по мужчине!

Воспоминания подкарауливали Ингу везде, в самые разнообразные моменты, в основном неподходящие — во время встречи с заказчиками или в разгар совещания рабочего, и она выпадала из течения событий, как зомби; по дороге домой, и она проезжала свою станцию метро, и, разумеется, дома, где сгорала еда на плите, сбегал кофе. Что стало любимым поводом домочадцев подшучивать над Ингой и обсуждать ее романтическую рассеянность.

Она перестала смущаться из-за их подколов и осведомленности — ну да, вот что значит, оказывается, быть замороченной влюбленностью женщиной!

Стрельцову же почти удавалось справляться на работе с красочными воспоминаниями, во всяком случае, лучше, чем Инге.

А вот дома, да еще слыша ее голос по телефону, — это полная засада! Хоть не вылезай из холодного душа! Или еще чем займись!

И что, теперь вот так каждую неделю? Холодный душ по будням и страсти любовные по выходным? Почему-то так не хотелось!

Вообще-то рановато задавать столь серьезные вопросы, но они задавались сами собой, не сильно интересуясь его нежеланием.

Стрельцов всегда быстро принимал решения, и, как правило, практически стопроцентно верные. Некая врожденная интуиция, что ли, вкупе с умением брать на себя ответственность, риск? Бог знает!

Но почему-то, когда на карте стояли здоровье и жизнь людей, за которых он отвечал в экспедициях, непонятным, мистическим образом Игнат мгновенно решал — идем по правой тропинке — быстро и четко!

Да почему по ней-то? Чем уходящая влево хуже? Тем более никто из них понятия не имел, куда ведут обе! Но некое первобытное чутье, убежденность, ощущаемая физически теплом, говорили ему — сюда! Направо — холодок еле уловимый под сердцем, направо — тепло. Всего пара секунд — и решение принято! И выяснялось потом — эта тропинка к жизни, а та, влево, — вела к гибели.

Как? А никто не знает!

Каждый, наверное, когда-то испытывал необходимость выбора. Но обычные люди, как правило, не прислушиваются к своему внутреннему голосу и ощущениям, предпочитая делать выбор на дурака или вообще его не делать и обвинять потом всех, кроме себя, пострадавшего.

А Стрельцов прислушивался и не боялся риск на себя брать и отвечать по полной программе!

И сейчас он чувствовал теплом сердечным «правой тропинки» — а что выдумывать, вместе надо жить! Боязно там не боязно, трудно не трудно, и не знаем почти друг друга, и сложно — разберемся!

С таким настроением и полетел поздно вечером в пятницу в Москву, пережив маетой душевной как-то эту неделю. И сразу позвонил Инге, как только приземлился самолет.

— Я прилетел, — и попросил: — Давай ты в гостиницу приедешь. Я через часик туда доберусь, а к вам завтра. Упахался я что-то и соскучился страшно.

— Давай! — звенела голосом Инга.

Стрельцов оформлял заселение у стойки портье, когда она впорхнула в холл гостиницы. Раскрасневшаяся, с развевающимися полами расстегнутой шубки, улыбающаяся, искрящаяся вся в предчувствии встречи.

У него аж дух захватило, такая она казалась ему необыкновенная, горячая, родная. Стрельцов засмотрелся, словно они год не виделись.

— До номера доберемся? — спросил Игнат, разглядывая ее близко, прижав рукой к своему боку.

Портье деликатно кашлянул, напомнив о необходимости взять ключ для начала, чтоб добраться до цели назначения.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил Стрельцов.

Ну, что, господа, — девочка дорвалась! Как ребенок до коробки запрещенных конфет, который торопливо, пока не поймали на горячем, засовывает их полный рот и, с трудом пережевывая, испытывает самое настоящее, неподдельное, счастье!

Впрочем, Стрельцов тоже дорвался до своей «конфетки счастья», куда вся усталость делась!

Отдышавшись после страстей стремительных и ярких, они заказали в номер ночной перекус, часа через два.

— Когда родители прилетают? — поинтересовался Стрельцов, выходя из ванной, оборачивая бедра полотенцем.

— Смешно, — заметила Инга, рассматривая его очарованным взглядом. — Машка с Федей, когда говорят о нас с тобой, называют нас в связке «родители». Спрашивают меня: «Мы в субботу на каток собрались, родители, вы с нами?» А ты про маму с Дмитрием Николаевичем: «Когда родители приедут?»

— Вот такая загогулина судьбы. Микс из двух семей, — усмехнулся Стрельцов и забрался к ней в кровать. — Так во сколько родители прилетают?

— В двенадцать десять дня.

— Вдвоем поедем или дети с нами?

— Места не хватит. Я заказала машину на работе, которая, заметь, не автобус.

— А ты обратила внимание, что мы обсуждаем общие семейные дела? — загадочно спросил Игнат.

А Инга испугалась почему-то! Вспомнила Фенечкины наставления наслаждаться моментом без

ожиданий и труханула.

Нет у нее ожиданий! Страхи непонятные намеками, тенями есть, а ожиданий нет.

И она убежала от темы, отвлекла Стрельцова смешками и поцелуями и туда, туда — наслаждаться моментом! Здесь и сейчас!

На катке Стрельцов изворчался, не спуская глаз с Машки, рассекавшей на коньках с большим удовольствием и умением:

— Понесло их на лед! Ей надо сейчас осторожней быть, а она катается! А если упадет?

— Что ты волнуешься? — успокаивала Инга. — Она очень хорошо катается, к тому же мы все рядом. И потом, ей сейчас полезно на свежем воздухе активничать движением.

— Не знаю, — вздыхал отец заботливый, — переживаю вот.

— У Маши все в полном порядке, — уверяла Инга. — Она здорова, и анализы у нее хорошие, и беременность развивается нормально. Я же тебе говорила, что мы ходили с ней к гинекологу.

— Спасибо тебе огромное, — отвлекшись от наблюдения за дочерью, благодарно посмотрел на Ингу Игнат. — Я как-то совсем упустил из виду, что ее надо к врачам отправить, обследовать, и что там еще?

— Еще поставить на учет у врача, который будет вести ее до родов.

Но тут подъехали Машка с Федей и прервали их содержательную беседу, сообщив, что уже накатались до одури и теперь хотят есть.

Они сидели в кафе, дети привычно громко что-то рассказывали, и в какой-то момент Стрельцов выпал из объединения застольного, откинувшись на спинку стула.

Завтра они с Машкой улетают. И было что-то в этом печальное, словно закончился некий этап в жизни, мимолетный, но ставший очень важным. Может, самым важным. И вдруг показалось странным, нелогичным и неправильным, что они сейчас с Ингой засобираются и пойдут от детей, от Фенечки и даже от Степана Ивановича в какую-то гостиницу, словно объявят о своей временной любовной связи, которую не принято нести домой.

Они уехали в гостиницу, но занозой засевавшая мысль не давала Стрельцову покоя, не сгорая в жаре поцелуев и соединения, не отпуская, не отпуская...

— Что-то случилось? — спросила Инга, почувствовав его настроение.

Игнат помолчал, стараясь сформулировать, облечь в слова свои сомнения и чувства.

— Мне показалось неправильным, что мы уезжаем с тобой в гостиницу. Что-то в этом... не знаю.

— Как любовники, сбежавшие от семей для тайных встреч? — предложила вариант Инга.

— Нет. Не так. — Не размыкая объятий, он отодвинулся слегка, чтобы лучше видеть ее лицо. — Остаться дома и тишком пробираться к тебе в комнату тоже неправильно, как-то гаденько. Ситуация у нас с тобой, Инга Валерьевна, другая. На глазах у семьи легонькие любовно-постельные отношения неприемлемы. Расклад иной. — И огласил свое решение: — Нам надо

жить вместе.

— Это для поддержания нравственности? — ошутимо напряглась Инга.

— Не для того. Я бы не затащил тебя в постель, если бы хотел только секса с понравившейся мне женщиной, — весомо, со значением заявил Стрельцов.

Ну, это он лукавил! Заявленьице так себе, скажем, если учесть, что в тот момент, когда от желанная шторка на глаза упала и сносило крышу, Стрельцов ни о чем не размышлял, как нормальный мужик, и уж тем более о чем-то продолжительном с последствиями. Делом был занят.

И что? Да ничего — тогда не думал, зато последние две недели только об этом и мысли!

— Переезжай ко мне в Питер, — сказал, как гвоздь забил.

Инга осторожно, медленно выбралась из его объятий, прикрыла грудь одеялом и села в кровати, словно преграду невидимую, заборчик между ними выстроила, Стрельцов именно так это почувствовал.

— Тебе не кажется, что как-то слишком рано о совместной жизни говорить? — спросила она расстроено.

— А ты знаешь точные сроки, когда об этом говорить в самый раз? — мягко возразил Игнат. — Через пять свиданий? Через месяц, два, полгода? Или когда мы наедемся друг к другу по выходным до отвращения к дороге? Я хочу, чтобы ты была со мной рядом. А ты?

— Не знаю! — призналась потерянно Инга. — Я стараюсь об этом не думать! Мне очень хорошо с тобой, я понятия не имела, что такое возможно! Но быть рядом у нас не получится!

— Почему? — напрягся Стрельцов.

— Господи, ну это же очевидно! — жаловалась на жизнь Инга. — У тебя любимая работа и Машка, и дедом ты скоро станешь, и все в Питере! У меня семья непростая, и тоже работа любимая, но в Москве! И не монтируется это никак!

Он быстро притянул ее к себе, прижал, поцеловал в висок, успокаивая, останавливая готовое прорваться из нее слезами безнадее.

— Все решаемо, Инга, — твердо уверил Игнат. — Это не горе безысходное, а простая бытовая задачка. Ты же семью не сиротами без присмотра бросишь. Федор с Фенечкой вполне могут жить с нами, а не захотят так, попросим отца с Ангелиной Павловной к ним переселиться, найдем домработницу за хозяйством следить. Все решаемо.

— Пожалуйста, Игнат! — таки не удержалась и расплакалась Инга. — Давай сегодня больше не будем об этом говорить! Я не могу, у меня сердце разрывается!

— Нечего ему разрываться! — поцеловал ее в переносицу Стрельцов. — Никакого несчастья не случилось. И давай я сердце твое залечу!

Ее губы были солоноваты от слез, и вдруг Инга сорвалась, зашепила, заторопила его, и в этом их соединении звучала нотка отчаяния, неотвратимости, как будто они прощались навсегда. Знали о том и старались прожить одним дыханием как можно больше мгновений — прожить,

прогореть и запомнить!

Стрельцов все никак не мог заснуть. Поглаживал по спине провалившуюся в один момент в сон Ингу, обнимавшую его даже сейчас, и, закинув руку за голову, размышлял.

Она боится, все понятно. Ее жизнь проходила в кругу семьи, в одной и той же квартире, и хоть жизнь эта была далеко не безоблачной и беспечной, но устоявшейся и с чувством защищенности.

Человеку трудно, очень трудно что-то менять кардинально, переломно в своей жизни. Всегда страшно до жути, и мало кто решается вот так, в один момент, переменить привычное. В эту, казалось, бесконечную неделю он обнаружил, что хочет семью. Настоящую, которой, по сути, у него никогда не было.

Дмитрий Николаевич с Ангелиной Павловной, загоревшие, улыбающиеся, все еще в полете-пути и там, в знойном Египте, мыслями, ощущениями, расцеловывались, обнимались с Ингой и Игнатом. И всю дорогу до дома что-то рассказывали веселыми, бодрыми голосами, бурля впечатлениями, как и все возвращающиеся из поездок дальних туристы.

Инга с Игнатом отмалчивались, отделивались короткими замечаниями, улыбались дежурно и мучились взаимным налетом отчуждения.

Глупо! Так глупо! Но Инга, прячась от трудного, неясного, уже вставшего между ними вопроса, напомнила утром Стрельцову свою просьбу не обсуждать его вчерашнее предложение.

Под радостные вопли детей, ироничные высказывания Фенечки, бодрое похрюкивание Степана Ивановича водворились в дом прилетевшие с огромными чемоданами и встречающие.

Стрельцов придержал Ингу за локоток, когда она снимала шубку, дождавшись «очереди» к гардеробу.

— Пойдем посидим в кафе, — шепнул ей на ухо Игнат тоном, больше похожим на приказ. — Пусть придут в себя и новости переварят. — Помог ей надеть шубку снова, не давая опомниться, и крикнул остальным: — Мы отлучимся ненадолго, вы пока без нас пообщайтесь!

Стрельцов привел молчавшую Ингу за руку в кафе в соседнем доме, не предоставив возможности слянуть по дороге. Инга демонстрировала буку детсадовскую, сама на себя ужасно досадуя.

— Инга, — воззвал к ее разуму Игнат, когда официант, приняв заказ, отошел от их столика, — мы же не расстрел пионеров-героев обсуждаем!

— Почти! — отозвалась «девочка» Инга.

— Давай так! — предложил жестко Стрельцов. — Проясним главное. Ты хочешь жить со мной?

Инга смотрела в окно, Игнат ждал. Она повернула голову, посмотрела на него и удостоила-таки ответом.

— Хочу, — сурово, как показание в суде давала. — Но мое желание ничего не меняет!

А Стрельцов обнаружил, что расслабляется. Оказывается, весь день, с того момента, как

проснулся, он находился в напряжении телесном и душевной собранности, как натянутая струна на колке гитарном.

— Тебе так трудно поменять Москву на Питер?

— Мы уже это обсуждали, — чувствуя, что сейчас заплачет, настаивала на своем Инга, — у меня работа...

— Точно такую же можно найти в Питере, даже еще и лучше. Я помогу, к знакомым обращусь, — перебил ее Игнат, нивелируя препятствие первое.

Инга собралась было ответить, но тут подошел официант, принесший их кофе. Она дождалась, когда он отойдет, и с нарастающим возмущением в голосе продолжила:

— Можно найти. Но есть еще и Федор...

— Который может вполне благополучно жить с нами, тем более что они с Машкой сдружились, — угробил значимость второго препятствия, перебив ее, Стрельцов.

— Ну да! — возразила она. — Сорвать его из школы, от друзей-приятелей, а через полтора года обратно в Москву поступать!

— Ну и что! Может в Москве поступить, а может — в Питере! Не захочет переезжать — останется с Ангелиной Павловной и отцом! Это что, такая проблема?

— Ну, наверное! — не с горячей силой убеждения упорствовала Инга. — А Фенечка...

— Тот же вариант: может с нами в Питере, не захочет — останется здесь, — и посмотрел на нее тяжелым взглядом. — По-моему, дело не в них, а в тебе. Это ты боишься перемен, все остальное — лишь повод убедить саму себя в невозможности переезда и жизни со мной. Никаких непреодолимых препятствий нет, проблема лишь в твоём страхе. А все остальное можно решить, главное — захотеть. У меня не такая большая квартира, как у вас, но мы все вполне в ней разместимся. Я строю дом за городом, правда, уже два года, но потому что мне некуда было торопиться, да и для одного он великоват. Значит, сейчас ускорим стройку, и уже через полгода туда можно переселяться, хоть десять человек живи! Я хочу быть с тобой каждый день, делить заботы-радости. Может, я и спешу со своим предложением, но жизнь так стремительна, мне уже сорок, хочется не семьи выходного дня, а настоящей. С тобой. Я не знаю, почему так получилось, но так получилось, и это замечательно.

Она не ответила. Смотрела на него, и внутри, от горла до солнечного сплетения, рвалось что-то на куски, и было больно-больно!

Они больше не разговаривали, разъединившись мыслями, судьбами и теми самыми проклятущими ожиданиями!

Господи, как же это больно! Кто бы знал! Инга как-то смогла выдержать их возвращение домой, шумное общение с семьей, проводы Игната с Машей — как в тумане, с пеленой на глазах от прилагаемых сверхусилий удержать ровное лицо, не выпуская эмоций.

— Пока, — сказал Стрельцов, посмотрел на нее, свою боль внутри проживая. Публики вокруг много, а боль у них одна на двоих, не публичная — держались оба!

— Пока, — повторил он, шагнул к Инге, прижал ее к себе и поцеловал в губы.

В абсолютной наступившей тишине — поцеловал.

И ушел вместе с Машкой.

Инга развернулась на негнущихся ногах и прошагала в свою комнату, как солдатик — ать-два, ать-два!

И рухнула на постель — в слезы.

Один раз коротко стукнув, распахнула дверь и въехала маркиза на своем «драндулете», как обычно проигнорировав такую милую вещь, как церемонии всякие.

— Что случилось? — строго спросила Анфиса Потаповна.

— Ничего! — глухо в подушку пробурчала Инга.

— Ну-ка! Немедленно утрись и объясни, что у вас случилось! — приказала Фенечка сурово.

Инга перестала плакать, повздыхала в девичий слезный приемник-подушку, села на кровати, спустив ноги на пол.

— Фенечка, а ты не могла бы отстать?

— В другой раз, — пообещала та невозможное. — Так в чем у вас предмет разногласий?

— Ты не отстанешь, да? — вздохнула старушкой над судьбинушкой Инга.

— И не надейся! — и потребовала нетерпеливо: — Да скажи ты, наконец, что случилось-то!

— Ничего, — сдалась Инга. — Игнат Дмитриевич предложил мне переехать к нему в Питер и жить вместе.

— И... — поторапливала бабушка.

— И ничего, — прикрыв глаза ладонью, призналась Инга. — Сказке конец.

— Ты отказалась, — продолжила логическую цепочку Фенечка.

— Ба, да всем прекрасно понятно, что это невозможно, — замученным голосом произнесла Инга. — У меня работа, семья, Федька, ты, мама, вон Степан Иванович...

— Понятно! — не предвещающим ничего хорошего тоном оповестила Фенечка. — Деточка, ты что же это вытворяешь?

— Ба, не надо! — попросила Инга. — У меня нет сил сейчас что-либо выслушивать!

— Извини, но тебе придется! — возразила ледяным дворянским тоном Анфиса Потаповна. — Это что за чушь?! При чем тут я, Федя и Геля? Что, как до серьезного дела дошло, так кишка тонка оказалась, слабо, страшно?

— Да о чем ты говоришь, Феня?! — взорвалась Инга.

— О том! — прогремела совсем уж грозно маркиза. — Твой сын достаточно взрослый, чтобы самому решать, где и с кем ему жить! Я тоже не мебель передвижная и разберусь, с кем и где

мне удобней будет! У Гели своя семья! Это все отговорки! И такая ерунда бытовая! Отказываться от мужчины, только потому что страшно переменить свою жизнь, недостойно тебя и непростительно! Никогда ни черта не пробовала, любви не испытывала, а стоило столкнуться с чувствами, так в кусты! Ах, боюсь, боюсь! Когда это ты чего боялась? Вот и нечего начинать!

— Фенечка-а... — простила Инга.

— Я хорошо понимаю, почему ты сомневаешься, — поспокойней сказала Анфиса Потаповна. — Когда мужчина и женщина знакомятся, они проходят некий временной этап недоверия и стараются выяснить как можно больше друг о друге и вместе с этим узнают один другого, присматриваются. Вы с Игнатом в таком этапе не нуждались, вам не надо было опасаться обмана, потому вы занимались только своими чувствами и ощущениями. Вы познавали друг друга на уровне совпадения физического, интеллектуального, жизненных устоев, юмора. И стремительность, с которой развивались ваши отношения, так тебя напугала. А чего бояться? Побоялась, поплакала, и хватит! Игнат прав, надо пробовать менять жизнь! Риски, получишь удовольствие! И, заметь, ты же ничего не теряешь: не получится — вернешься домой! А получится — станешь счастливой!

— То есть бросить вас всех и укатить за своим счастьем? — саркастически поинтересовалась Инга.

— А почему нет? — искренне удивилась Фенечка. — Сама подумай, что такого трагичного произойдет, если ты уедешь? Москва рухнет? Мы по миру пойдем?

— Трагичного, может, и ничего, но как вы без меня жить будете? — настаивала на своей «страшилке» Инга.

— Как и с тобой, припеваючи! — усмехнулась Фенечка и хитро, заговорщицки подмигнула. И с удовольствием! Геля домой вернется, мне хоть над кем резвиться будет, а то вас с Федькой не проймешь! Ладно, давай утирай слезы свои, пошли в кухню собор держать, то бишь совет большого жюри, как и что лучше решить в связи с твоим переездом.

Она лихо развернула инвалидное кресло, подрулила к двери и, остановившись, неожиданно строго спросила:

— Ты сама-то хочешь с Игнатом жить? Или все эти слезы суть отговорки? Ты его полюбить успела?

В понедельник, первый совместный будничной день Игната с Машкой, они завтракали, спешили собираться, перекидываясь шутками, так естественно и легко, словно всегда вместе жили.

«Ну, дай бог! — подумал Стрельцов. — Давно надо было ее к себе забрать».

И все бы ничего, жизнь вернулась хоть в новое с появлением дочери русло, но привычное. Разумеется, требовалось решить массу проблем с ее переездом и предстоящими родами, и с Мариной, но это текущие бытовые проблемки.

А вот.... Игнат не стал звонить Инге. И хотелось, рука постоянно непроизвольно тянулась за телефоном, но он удержался. Почти не слыша, что Машка рассказывает вечером про свои дела школьные, Стрельцов думал только об Инге.

Он предложил. Она не отказалась однозначностью слов. Но отказала, обойдясь без них. Чувствами, эмоциями, болью в глазах — отказалась!

Как все сложно! Как все простое мы умудряемся сделать сложным и невозможным!

Он не станет звонить, как бы ни хотелось. Это не тупой прямолинейный ультиматум, не поза обиженного мужчины, настаивающего на своем, — нет. Это вопрос их будущего — порознь или вместе.

Во вторник стало еще тяжелее из-за накопившихся сомнений — а не поспешил ли он с требованиями своими? Можно ли так резко: три недели знакомы, и давай вместе жить?

В среду стало совсем хреново!

Машка уехала к Марине на два дня — разговаривать и складывать вещи. Бывшая жена дает Стрельцову честное слово, «зуб на выброс», что не допустит скандала и не станет больше настаивать на аборте. Поговорить спокойно матери и дочери давно пора, а вот как это у них получится? Вопрос!

Поздно вечером он отвез Машку к матери подниматься в квартиру не стал, но дал некоторые наставления дочери:

— Маш, ты характер свой попридержи. Постарайся ее понять. Марина замечательная мать и любит тебя, беспокоится. Ты это знаешь, как всякая мать она убеждена, что именно так как ей кажется, будет лучше. Она пытается тебя защитить и оградить от неприятностей, а не демонстрирует свою власть над тобой. Постарайся это помнить, когда будешь с ней разговаривать, тебе сейчас мама нужна, и ее поддержка очень важна.

— Я постараюсь, па! — выбираясь из машины, пообещала Машка. — Не волнуйся!

Вернувшись домой, Стрельцов никак не мог найти себе места и вдруг понял, что на него давят гнетуще-вяжущая тишина в доме и одиночество пустынное, еще месяц назад казавшееся обычным холостяцким флером, таким удобным и привычно уютным.

Выяснилось, что Игнат Дмитриевич Стрельцов предпочитает общество ироничных вьедливых старушек, подростков и говорящих свиней.

Но больше всего в своей жизни он предпочитает Ингу Исла, во всех отношениях!

Стрельцов откинул голову на спинку дивана, прикрыл глаза и подумал: он мог бы вернуть их выходные, полные зажигающей любви, и плевать, хоть в гостиничных номерах, хоть где! Они с Ингой ведь не ругались, не расставались однозначно и бесповоротно. Не договорились — да, но ведь не порвали все, что возможно!

Стрельцов выругался! Нет!

Это как воровать соседские яблоки — сколько ни воруй, а яблонька за забором, и плоды ее как были соседскими, так и остаются. Дружок подбежит, спросит:

— Что у тебя за пазухой?

Что ты ответишь? Вот именно!

— Яблоки соседские!

Не твои. Хоть ты их все съешь, хоть подавись, а соседские!

Нет! В выходные он поедет на свой участок, контролировать, как продвигается строительство дома, гулять по берегу и среди сосен, вдыхать соленый, вкусный, с морозцем воздух.

Он подумал, как здорово было бы жить там всей большой семьей, даже представил себе, как это. И неожиданно, из области вечного предателя-подсознания, выскочила чертом из табакерки мысль:

«А ведь первый раз мы не предохранялись, она вполне могла забеременеть!»

И ему страстно, так, что защемило в сердце и перехватило дыхание, захотелось, чтобы Инга оказалась беременной!

Его ребенком! Он увидел ее так четко и ясно округлившейся, с симпатичным выпирающим животиком, посмеивающуюся над своей неуклюжей, вперевалочку, походкой. Да к черту все!

Ночь он спал в каком-то изматывающем полусне-полуяви с яркими эротическими видениями и чувством безмерной потери. Встал измотанный, несколько не отдохнувший, собой и миром недовольный.

С работы уехал пораньше, домой взял документы. Ну и, раз такое дело, решил проверить, как там дела у Машки с Мариной, и забрать часть сложенных уже дочерью вещей.

Верный Иван вот уж четвертый день все поглядывал в зеркало заднего обзора на мрачного Стрельцова, качал сочувственно головой и вздыхал над непростыми проблемами начальства.

Машка, простая, как шлагбаум, руководствуясь, видимо, постулатом Фенечки: «Правда в лоб лишает возможности появления досужих слухов», в понедельник утром, только сев в машину, сообщила, весело посверкивая глазами, с явным намеком на провокацию:

— Привет, дядь Иван! Я теперь с вами! Мы с папой вместе жить будем!

— Вот и хорошо! — одобрил Иван, как и положено всем личным водителям, знавший о перипетиях жизни начальства куда как больше, чем самому начальству хотелось бы.

— Да! — веселилось дитя шоковыми сообщениями. — Вы меня поосторожней возите, я беременная и собираюсь рожать!

Иван только крикнул, тюкнутый такой информацией, посмотрел на Игната, тот улыбнулся несколько печально и кивнул, подтверждая слова дочери.

Марины дома не оказалось. Впрочем, ему было безразлично, разговоров с ней Стрельцов больше не вел, на звонки отвечал скупое: «да», «нет», когда она уведомляла о своих решениях и действиях, связанных с Машкой, любые попытки втянуть его в диалог обрывал сразу же. Иван забрал два чемодана, какие-то разнокалиберные пакеты и тактично оставил Игната с Машкой вдвоем.

— Ну, как вы тут? — спросил отец.

— Ничего, — улыбнулась доченька, — перемирие, пытаемся общаться без предъяв. Правда, у мамы новое направление войны, обещала разобраться с Мишкой и его родителями. Но мне удалось приостановить наступление, убедив ее, что лучше вы вместе встретитесь с его

предками, тем более он им уже рассказал про мою беременность.

— И как они?

— Приблизительно как мама после моего сообщения. Пусть отойдут и свыкнутся.

— Ну, пусть. Дашь им мои координаты, общаться все равно придется. Маш, а ты не хочешь остаться с матерью, раз у вас диалог налажился? — осторожно поинтересовался Игнат.

Он-то твердо хотел, чтобы дочь жила с ним, но как ни шаркает наждаком по душе, а спросить надо.

— Вообще-то мама обижается, что я к тебе перебираюсь. Я предложила остаться, если ей так тяжело, но она сказала, что пока не может смириться с тем, что я рожать собралась, и считает мое решение непоправимой ошибкой, так что ей лучше привыкать к этой мысли постепенно.

— А ты сама-то уверена, что со мной тебе лучше будет?

— Знаешь, мы за последние годы столько с ней друг другу наговорили и так ругались, что надо какое-то время, чтобы это забылось, — и задорно улыбнулась. — Хочу с тобой! Мне с тобой клево! На машинке в школу возят, нравочений не читают!

— Ты специально эти три дня себя вела образцово! — усмехнулся Стрельцов. — Вот только повод дай! Ты когда вернешься?

— Завтра. На сегодня запланирован тихий ужин и примирительные разговоры.

— Ну, удачи! — подбодрил он Машку. Думал поужинать где-нибудь в ресторане, но, прислушавшись к себе, понял, что его настроения не монтируются совсем с общественным местом и людьми. Ладно, и дома ужин найдется, теперь для них с Машкой домработница готовит, так что в холодильнике всегда что-то есть.

Засев за бумаги после ужина, Стрельцов поблагодарил мысленно обстоятельства: больше дела — меньше мыслей дурных.

Но вечер переходил в ночь, работу, взятую домой, он сделал, и впереди ждали телевизор, пульт — вселенская власть в руках — и ставшие личными истязателями мысли.

Он щелкал кнопками пульта, бездумно перепрыгивая с канала на канал, и попал на музыкальный, где крутили клип Трофима. Услышав первые строки песни, Стрельцов захотел тут же переключить! Уж слишком в тему, беря и ковыряясь в ране, попала эта песня. Но не переключил и с некой формой мазохизма душевного слушал, погружаясь в печаль, разделенную с тем кто понимает и проходил то же самое.

Казалось бы — ну что скучать?

Всего семь дней разлуки,

А вот скучается, хоть волком вой!

Стрельцов закрыл глаза, откинул голову на спинку дивана, сглотнув ком в горле, вставил спазмом.

Я скучаю по тебе —

Вот какая штука...

Какой там загород на Финском заливе?! О чем он?

Он поедет к ней и постарается еще и еще раз убедить! Ну, пусть не сразу, ненадолго, пусть возьмет отпуск, и они попробуют на вкус и на радость пожить вместе, хоть две недели! Он придумает что-нибудь! Если понадобится, подключит всю родню к уговорам! Он поедет! Завтра же, поздним рейсом!

...И наш обыденный уклад, сложившийся годами,
Где суета сует владеет всем,
Мешает нам расслышать крик седого мирозданья,
Что мы живем не так и не затем.

Пел, делясь своим выстраданным, Трофим, так совпадавшим....

Их с певцом разъединил звонок в дверь. Игнат стряхнул с себя резонансную грусть душевную, посмотрел на часы — странно, кого в одиннадцать вечера принесло?

Обычно осмотрительный житель мегаполиса Стрельцов в этот раз почему-то не посмотрел в глазок и тривиальный вопрос «Кто там?» не задал, может, неосознанно скандалу искал, разгрузить нервную систему?

И распахнул дверь...

Инга смотрела на него немного вопросительно, немного настороженно, держа двумя руками небольшую дорожную сумку, и была в этой позе так похожа на смущенную девчонку, приехавшую из задвинутой глуши в столицу поступать в институт, — перепуганную, но решительную.

Стрельцов перестал на какое-то время дышать! Смотрел, до конца не врубаясь и не веря, что это наяву, а не плод его измученного воображения.

Шагнул вперед, протянул руку, положил ей ладонь на затылок, под распушенные черные струящиеся волосы, притянул медленно к себе — она переступила порог, не отрывая взгляда от его глаз, — еще ближе к себе! И поцеловал! Поверил, что это она, реальная, и здесь!

Инга выронила сумку из рук, прижалась к нему сильно-сильно, поднимаясь на цыпочки, и целовала в ответ, как улетала куда!

А за спиной Игната музыкальным сопровождением их встречи разливался по квартире бархатный печальный голос Трофима:

Я скучаю по тебе —
Вот ведь как бывает!..

Стрельцов оторвался от ее губ, рассматривая близко Ингино лицо подозрительно повлажневшими глазами.

— Мне предложили стать директором нашего питерского филиала, — шепотом сообщила Инга, сверкая радостно глазами.

— Сами предложили? — тихо спросил он, удерживая ее лицо в ладонях.

— Нет, я попросила перевести меня в Питер.

— Хорошо! — кивнул Стрельцов. — Замечательно!

— Не спеши радоваться! — предупредила Инга, излучая полную противоположность сказанному. — Федор решил жить с нами, передаю дословно: «Надо за Машкой присмотреть, да и разобраться, что там за Миша такой, и школу сестрице помочь окончить. И вообще-то будет по приколу пожить в Питере!» Фенечка обещала нагряться погостить, утверждает, что Степан Иванович перенес серьезный стресс из-за нас и ему требуется лично убедиться, что в семье все в порядке, а то у кабана случится нервный срыв!

— Мы не можем такого допустить! Степан Иванович при своей ответственности, — улыбался Стрельцов и все смотрел, смотрел в ее счастливые глаза, а потом предупредил: — Я разбрасываю вещи и носки, и забываю опускать сидушку на унитазе, и не всегда закручиваю крышку на зубной пасте, и люблю громко и фальшиво петь в душе.

— Последние десять лет это каждый день благополучно проделывает мой сын. У меня иммунитет! — ответила, светясь радостью, Инга и предупредила теперь в свою очередь: — Я ужасно ворчливая, когда приходится рано вставать, долго не могу проснуться, и всем попадает, если встречаются на пути, пока я не выпью кофе. Когда работаю над проектом, не замечаю ничего вокруг, несколько раз чуть дом не спалила, забывая еду на плите. И еще я разбрасываю везде свои украшения, ключи и косметику, а потом ищу и достаю всех, и ругаюсь, когда не могу найти.

— Заведем большущую вазу в прихожей и будем складывать все твои найденные причиндалы туда. Есть еще какие-нибудь страшные признания?

— Да, — попыталась кивнуть головой в его ладонях Инга. — Кажется, я тебя люблю!

— Мы с этим справимся, — пообещал Стрельцов тихо и поцеловал ее нежно, теперь уж никуда не торопясь. Все время впереди принадлежит им.

Ну, вот они и дома. Оба.